

Министерство просвещения Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского»
Юго-Западный университет КНР
Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ
при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2023 – № 4 (18)

Ярославль
2023

Учредитель: ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского».

Юго-Западный университет КНР.

Центр по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР

Мир русскоговорящих стран = 俄语国家评论 = World of Russian-speaking countries : научный журнал. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2023. – № 4 (18). – 171 с. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658_7866_2023_4_18. – EDN HMQWWM.
2023, № 4 (18). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Се Чжоу, доктор филологических наук, профессор, декан факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, директор Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР, член Всекитайского комитета по делам преподавания русского языка при Министерстве образования КНР (шеф-редактор); **Большерева Елена Михайловна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета КНР (главный редактор); **Лю Вэньфэй**, доктор филологических наук, профессор, председатель Китайской ассоциации по исследованию русской литературы, ведущий научный сотрудник Пекинского центра по изучению стран и регионов славянских народов; **Чжэн Тун**, доктор филологических наук, профессор, директор Института литературы Шанхайского университета иностранных языков, вице-президент МАПРЯЛа; **Стой Поли**, доктор экономических наук, профессор, начальник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии Китайской академии общественных наук (КАОН); **Син Гуанчэн**, доктор юридических наук, профессор, академик КАОН, директор Института краеведения КАОН; **Пан Дагэн**, доктор юридических наук, профессор, начальник отдела российской политики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Дай Гуйцзюй**, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Института русского языка Пекинского университета иностранных языков (ПУИЯ), директор Центра русского языка ПУИЯ, заместитель председателя Китайской ассоциации по изучению истории Советского Союза и Восточной Европы; **Чэн Цицзюнь**, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела российской экономики Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Сюэ Фучи**, доктор филологических наук, профессор, начальник отдела стратегических исследований Института по исследованию России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН; **Ли Сюэгао**, доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Юго-Западного университета КНР, ведущий научный сотрудник Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве образования КНР; **Кондаков Игорь Вадимович**, доктор философских наук, профессор кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»; **Закс Лев Абрамович**, доктор философских наук, профессор, ректор Гуманитарного университета, г. Екатеринбург; **Шанинская Екатерина Николаевна**, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГ НИУ «Российский институт культурологии»; **Блищ Наталья Леонидовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Белорусского государственного университета; **Власова Галина Ивановна**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой филологии Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова; **Злотникова Татьяна Семеновна**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Новиков Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Холнев Александр Сергеевич**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кучина Татьяна Геннадьевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Ухова Лариса Владимировна**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории коммуникации и рекламы Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кориковцева Ольга Алексеевна**, доктор политических наук, директор института развития кадрового потенциала, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского; **Кальсин Андрей Евгеньевич**, доктор экономических наук, профессор кафедры управления и предпринимательства Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям: 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки), 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики (политические науки), 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования (политические науки), 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки), 5.9.2. Литературы народов мира (филологические науки), 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки), 5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Тел.: (4852)72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в Интернете: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-75509 от 12 апреля 2019 г.

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2023

© Юго-Западный университет КНР, 2023

© Авторы статей, 2023

Founding parties: FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky».

Southwest University of the People's Republic of China.
The Center for Russian-Speaking Countries Studies (CRCS) in SWU
at the Ministry of Education of the People's Republic of China

World of the Russian-speaking countries = 俄语国家评论 : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU RIO,
2023. – № 4 (18). – 171 pages. – ISSN 2658-7866. – DOI 10.20323/2658_7866_2023_4_18. – EDN HMQWWM.
2023, № 4 (18). – 500 pieces.

EDITORIAL BOARD

Xie Zhou, Doctor of Philology, Professor, Dean of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, Director of the Center for studying of Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China, member of All-China committee on affairs of teaching Russian at the Ministry of Education of the People's Republic of China (managing director); **Boldyreva Elena Mikhailovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Professor of the Institute of foreign languages of Southwest University of the People's Republic of China (editor-in-chief); **Liu Wenfei**, Doctor of Philology, Professor, Chairman of the Chinese Association on Research of the Russian literature, leading researcher of Beijing center for studying of the countries and regions of the Slavic people; **Zheng Tiwu**, Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Literature of Shanghai University of Foreign Languages, Vice President MAPRYAL; **Xu Pauline**, Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of the Russian economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of the Chinese Academy of Social Sciences (CASS); **Xing Guangcheng**, Doctor of Jurisprudence, Professor, academician of CASS, Director of the Institute of study of local lore of CASS; **Pang Dapeng**, Doctor of jurisprudence, Professor, Head of the Department of the Russian Policy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Dai Guiju**, Doctor of History, Professor, Deputy Director of the Institute of the Russian language of Beijing University of Foreign Languages (BUFL), Director of the Center of the Russian Language of BUFL, Vice-Chairman of the Chinese Association on Study of History of the Soviet Union and Eastern Europe; **Cheng Ijun**, Doctor of Philology, Professor, leading researcher of the Department of the Russian Economy of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Xue Fuqi**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Strategic Researches of the Institute on research of Russia, Eastern Europe and Central Asia of CASS; **Li Xiaotao**, Doctor of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language of Southwest University of the People's Republic of China, leading researcher of the Center for Study of the Russian-speaking countries of Southwest University at the Ministry of Education of the People's Republic of China; **Kondakov Igor Vadimovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of History and Theory of Culture of the Faculty of Art History of FSBEI HE «Russian State Humanitarian University»; **Zaks Lev Abramovich**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Rector of the Humanitarian University, Yekaterinburg; **Shapinskaya Ekaterina Nikolaevna**, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, leading researcher of FS RI «The Russian Institute for Cultural Research»; **Blishch Nataliya Leonidovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of the Russian literature of the Belarusian State University; **Vlasova Galina Ivanovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of Philology of the Kazakhstan Office of Lomonosov Moscow State University; **Zlotnikova Tatiyana Semenovna**, Doctor of Art Criticism, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor of the Department of Culturology of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Novikov Mikhail Vasilievich**, Doctor of Historical Sciences, Honored worker of Science of the Russian Federation, Professor, Head of the Department of the Theory and Methods of Professional Education of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Khodnev Aleksandr Sergeevich**, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kuchina Tatiyana Gennadiyevna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of the Russian Literature of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Ukhova Larisa Vladimirovna**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the Theory of Communication and Advertizing of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Koryakovtseva Olga Alekseevna**, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute of Human Resources Development, Professor of the Department of Social Pedagogics and Organization of Work with the Youth of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky; **Kalsin Andrey Evgenievich**, Doctor of Economical Sciences, Professor of the Professor of the Department of Management and Entrepreneurship of the Yaroslavl state university named after P. G. Demidov.

The journal is included in the list of leading peer-reviewed scientific journals which publish the main results of doctoral and candidate's theses in the following areas of specialization: 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (political sciences), 5.5.3. Public administration and industrial politics (political sciences), 5.5.4. International relations, global and regional studies (political sciences), 5.9.1. Russian literature and literature of the peoples in the Russian Federation (philological sciences), 5.9.2. World literatures (philological sciences), 5.9.8. Theoretical, applied and comparative linguistics (philological sciences), 5.10.1. Theory and history of culture and the arts (cultural studies)

The materials published in the journal are reviewed by members of the editorial board.

Address of the editorial office: 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya St., 108/1. Ph.: (4852) 72-64-05, 32-98-69 (publishing house)

Internet addresses: <http://yspu.org/>; <http://mir.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor): PI No. FS 77-75509 dated from April 12, 2019.

© FSBEI HE «Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky», 2023

© Southwest University of the People's Republic of China, 2023

© Authors of articles, 2023

Мир русскоговорящих стран

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТОЛОГИЯ

Се Чжоу, Чжан Юньи Восприятие и распространение имиджа России иностранными студентами 5

Иващенко Т. В. Формы и факторы участия молодежи в политической системе КНР 27

Брюно В. В. Политика «культуры отмены» в отношении России в восприятии российских и иностранных студентов 40

ФИЛОЛОГИЯ

Бабаян В. Н. О роли эксплицитного молчаливого наблюдателя в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе терциарной речи 56

Хазимуллина Е. Е. Русский язык в свете молодежного рунглиша 69

Егоров М. Ю. Трансгрессивность романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка» 87

Дукьянчикова Н. В., Киселева Н. В. Художественная репрезентация образа отца в повести Б. П. Екимова «Предполагаем жить» 103

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Астафьева О. Н., Смирнова А. Ю. Культурный туризм как ресурс социально-экономического развития российских регионов 116

Михаленко Н. В. Усадельный миф в литературе и живописи – В. В. Набоков и С. А. Виноградов 133

Геронимус Е. М. Культура диалога и коммуникативная культура: Л. Н. Толстой в переписке с А. И. Герценом 146

Дубаков Л. В., Кучина Т. Г. Мифо-религиозная проблематика и культурно-литературные традиции Запада и Востока в романах Евгения Торчинова 159

THE CONTENT

POLITICAL SCIENCE

Xie Zhou, Zhang Yunyi Perceiving and promoting Russia's image by international students 6

Ivashchenko T. V. Forms and factors of youth participation in the political system of the PRC 28

Bryuno V. V. The “cancel culture” policy towards Russia as perceived by Russian and foreign students 41

PHILOLOGY

Babayan V. N. On the role of the explicit silent bystander in Russian tertiary dialogue discourse in literature 57

Khazimullina E. E. Russian language in the light of youth runglish 70

Egorov M. Yu. The transgressive nature of E. Limonov's novel It's Me, Eddie 88

Lukyanchikova N. V., Kiseleva N. V. Artistic representation of the image of the father in the story of B.P. Ekimov “We assume to live” 104

CULTURAL SCIENCE

Astafieva O. N., Smirnova A. Yu. Cultural tourism as a resource for russian regional socio-economic developmen 117

Mikhalenko N. V. The estate myth in literature and painting – V.V. Nabokov and S.A. Vinogradov 134

Geronimus E. M. Culture of dialogue and communicative culture: L. N. Tolstoy in correspondence with A. I. Herzen 147

Dubakov L. V., Kuchina T. G. Mytho-religious problematics, cultural and literary traditions of the West and the East in Evgeny Torchinov's novels 160

Научная статья
УДК 327
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_5
EDN FDKWJH

**Восприятие и распространение имиджа России
иностранными студентами**

Се Чжоу¹✉, Чжан Юньи²

¹Доктор филологических наук, профессор, директор Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) ЮЗУ при Министерстве Образования КНР, декан факультета русского языка Института иностранных языков Юго-Западного университета г. Чунцин, КНР.

²Аспирантка Юго-Западного университета г. Чунцин, КНР
¹xiezhou1234@163.com✉, <https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

²holmesZ21@163.com, <https://orcid.org/0009-0008-8755-9793>

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия и распространения имиджа России иностранными студентами, обучающимися в РФ. В настоящее время, когда Россия переживает непростой период на международной арене, очень актуально формировать позитивный международный имидж. В данной статье утверждается, что для формирования позитивного имиджа государства важно опираться на независимых индивидов, которые могут улучшать имидж государства в мировом сообществе, корректируя виртуальные представления, создаваемые на основе СМИ. Через свой реальный опыт жизни, они получают подлинную и достоверную информацию из первых рук, формируя потенциальную аудиторию для позитивного восприятия имиджа государства через собственное межличностное и групповое общение. Иностранные студенты, обучающиеся в России, являются представителями межкультурной коммуникации. Их личные представления и опыт жизни в России помогает им скорректировать своё виртуальное восприятие имиджа России на основе СМИ и стать объективными коммуникаторами, тем самым повышая международное признание имиджа России через посредничество группы иностранных студентов. Таким образом, через посредничество этой группы иностранных студентов Россия может более активно формировать позитивный международный имидж государства и повышать его международное признание. Для достижения этой цели Россия должна использовать свои преимущества для улучшения своего имиджа в международном сообществе и корректировать стереотипы иностранцев о России с помощью иностранных студентов; воспитывать в гражданах чувство социальной ответственности, призвать их осознанно представ-

лять имидж России, для создания позитивной познавательной среды; и расширять их глубокие знания о России через многочисленные каналы обучения и социальной ориентации.

Ключевые слова: имидж России; международный имидж государства, имидж-мейкинг, мягкая сила, иностранные студенты; распространение имиджа государства, межкультурная коммуникация

Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран (ЦИРС) Юго-Западного университета КНР при Министерстве образования Китайской Народной Республики

Для цитирования: Се Чжоу, Чжан Юньи Восприятие и распространение имиджа России иностранными студентами // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 5-26. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_5. <https://elibrary.ru/FDKWJH>.

POLITICAL SCIENCE

Original article

Perceiving and promoting Russia's image by international students

Xie Zhou^{1✉}, Zhang Yunyi²

¹Doctor of philology, professor, director of the Center for the Study of Russian-Speaking Countries (CSRC) of the South-West University at the Ministry of Education, PRC, dean of the Russian language faculty, Institute of Foreign Languages, South-West University, Chongqing, PRC.

²Postgraduate student at Southwest University Chongqing, PRC

¹xiezhou1234@163.com[✉], <https://orcid.org/0000-0001-9238-3034>

²holmesZ21@163.com, <https://orcid.org/0009-0008-8755-9793>

Abstract. The article focuses on perception and promotion of Russia's image by foreign students studying in the Russian Federation. At present, when Russia is going through a difficult period in foreign affairs, it is very important to form a positive international image. This article argues that in order to build a positive image of the state, it is important to rely on those individuals who can improve the image of the state in the global community by correcting the virtual media-based perceptions. Through their own real life experiences, they receive authentic and reliable first-hand information, building a potential audience for positive perceptions of the country's image via their own interpersonal and group communication. Foreign students studying in Russia are representatives of intercultural communication. Their personal insights and Russian experiences help them adjust their media-based virtual perception of Russia and become objective communicators, thereby increasing global recognition of Russia's image with the help of the international students as mediators. Thus, through the mediation of this group of foreign students, Russia can shape a more positive international image of the country and increase its international recognition. To achieve this goal, Russia should use its

advantages to improve its image in the international community and correct stereotypes about Russia with the help of foreign students; raise the sense of social responsibility in its citizens, encourage them to consciously present Russia's image, to create a positive cognitive environment; and enhance their in-depth knowledge of Russia through multiple educational and socially focused channels.

Key words: image of Russia; international image of the state; imagemaking; soft power; foreign students; promoting the country's image; intercultural communication

The article was prepared for publication thanks to support of the Center for Studying Russian-Speaking Countries (CIRS) at Southwest University of China, the PRC Ministry of Education.

For citation: Xie Zhou, Zhang Yunyi Perceiving and promoting Russia's image by international students. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): С. 5-26. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_5. <https://elibrary.ru/FDKWJH>.

Введение

Для России как мировой державы в условиях глобализации восприятие и распространение её имиджа становится всё более важным и сложным политическим процессом. С развитием глобализации образования образовательные и культурные обмены постепенно становятся одним из ключевых факторов, влияющих на формирование имиджа государства. Россия как страна с многовековой историей и уникальной культурой каждый год привлекает массовое количество иностранных студентов для обучения. Эти иностранные студенты играют важную роль в процессе формирования имиджа России, непосредственно знакомясь с российской системой образования и культурными традициями и тем самым корректируя виртуальное восприятие имиджа России, формируемое на основе массовой информации. Быстрое развитие сетевых техноло-

гий привело к тому, что связь и контакты между странами становятся всё более тесными, а передача и обмен информацией – всё более удобными. В этом процессе иностранные студенты стали важным фактором, способствующим развитию образовательных и культурных обменов. Благодаря иностранным студентам, обучающимся в России, восприятие и распространение имиджа России уже не ограничивается пропагандой государственных чиновников и сообщениями СМИ, а распространяется по всему миру через индивидуальное восприятие и понимание. Студенты делятся своими впечатлениями от учёбы, жизни и путешествий в России в социальных сетях. Эти индивидуальные проекции делают имидж России более богатым, аутентичным и объёмным, открывая новые перспективы и источники информации для распространения имиджа России. Таким обра-

зом, образование и культурные обмены в условиях глобализации стали важным фактором, влияющим на формирование имиджа государства. Являясь важным участником межкультурной коммуникации, студенческая группа, обучающаяся в России, влияет на мировое восприятие и признание России через индивидуальную коммуникацию. Поэтому изучение механизма распространения имиджа России иностранными студентами, обучающимися в России, и повышение эффективности этого механизма в российском образовании и коммуникационной деятельности студентов имеет большое значение для России в распространении ее имиджа и повышении её международной идентичности.

1. Теоретическо-методологические основы исследования:

понятие «имиджа государства»

Понятие «имидж государства» было первоначально разработано как социально-психологическая концепция Ирвином Чайлдом (Irvin Child), известным психологом из Йельского университета, в 1940-х годах. Чайлд выразил это понятие в термине «national stereotype», который обозначает стереотипное восприятие государства людьми и определяется когнитивным поведением, связанным с национальной культурой и менталитетом [郭毅, 2021, с. 13]. В 1950-х годах началась холодная война между США и СССР после Второй мировой вой-

ны, известный английский экономист К. Боулдинг (K. E. Boulding) впервые использовал термин «national image» для описания имиджа государства. Принимая во внимание новый международный порядок, К. Боулдинг утверждает, что международные отношения можно свести к отношениям между имиджами государств, а геополитику, сильные и слабые стороны друзей и врагов можно анализировать с помощью имиджа государства. В данном контексте К. Боулдинг имеет в виду восприятие, настроения и оценку собственного имиджа внутри государства [郭毅, 2021, с. 14]. В конце 1990-х годов британский эксперт по международной политике Саймон Анхольт (Simon Anholt) предложил концепцию «национального бренд-имиджа государства» (national branding). Он утверждал, что для привлечения инвестиций, туристов и признания со стороны других стран страны также могут создавать свои бренды. С углублением исследований ученые постепенно осознали, что имидж государства – это не только экономическое понятие, но и оно включает в себя политику, культуру, историю, общество и другие аспекты. В результате изучение имиджа страны постепенно охватывает все больше областей и становится комплексной темой исследования.

В определении «имиджа государства» мнения учёных расходятся. В своей работе «Имидж государства и международная система»

К. Боулдинг определяет имидж государства как *субъективное восприятие, эмоциональное отношение и оценочные структуры внутреннего населения и международного сообщества по отношению к стране*. По мнению исследователя, «страна может судить о принадлежности других стран к числу друзей или врагов, исходя из своей национальной безопасности и политических устремлений, постепенно формируя устойчивый стереотип, на основе которого она может принимать быстрые решения в международных делах» [Boulding, 1959, с. 124]. По мнению американского учёного И. Мартина (Ingrid M. Martin), имидж государства – это «сумма описательных, инференциальных и информационных представлений о конкретной стране» [Martin, 1993, с. 193]. По мнению С. Балоглу (Seyhmus Baloglu), имидж государства – это «общее впечатление, которое складывается у человека на основе всех переменных факторов страны» [Baloglu, 1999, с. 868-897]. По мнению китайского учёного Лю Цзиняня, «имидж государства – это комплексная оценка и общее впечатление о стране со стороны других стран (включая социальные организации и правительства)» [刘继南, 1999, с. 25]. Гуань Вэньху предполагает, что имидж государства – это «общая оценка и идентификация самого государства, его поведения, его деятельности и ее успехов как внешней, так и внутренней

общественностью государства» [管文虎, 2000, с. 23]. По словам Лю Сяояня, «имидж государства – это проекция объективного состояния страны в общественном мнении, то есть комплексное отражение впечатления, взгляда, отношения и оценки страны со стороны общества, а также сумма эмоций и воли общества по отношению к стране» [刘小燕, 2002, с. 61]. По мнению российского учёного В. Н. Кузнецова, позитивный имидж государства поставлен в единый семантический ряд таких понятий, как национальная цель, социальный идеал, объединяющая идеология, основные ценности, смысл жизни, историческая память и географическое прошлое, гражданственность, патриотизм [Кузнецов, 2004, с. 20]. Приведенные выше точки зрения объясняют коннотацию имиджа государства с разных сторон. Проще говоря, *имидж государства – это субъективное восприятие людьми внутри страны и за рубежом объективного существования страны*. С точки зрения объекта восприятия объективное существование страны включает в себя само государство, его социальную систему, национальную культуру, всестороннюю национальную мощь, политическую ситуацию, международные отношения, стиль руководства, мораль гражданства, социальную цивилизацию и т. д. Субъекта восприятия можно рассмотреть с двух точек зрения: согласно одной из них,

субъектом восприятия имиджа государства являются люди, институты и правительства других стран; согласно другой точке зрения, субъект восприятия имиджа государства включает как внешнюю, так и внутреннюю общественность страны. С точки зрения сущности восприятия, имидж государства – это субъективное осознание субъектом объекта, включающее впечатление, оценку, определение, мнение, отношение, эмоцию, волю и т. д. Видно, что эти термины, используемые для определения имиджа государства, носят ярко выраженный субъективный характер. Формирование восприятия имиджа государства – сложный процесс, государство как когнитивный объект предоставляет соответствующие когнитивные ресурсы для когнитивного субъекта, а окончательное формирование имиджа государства зависит от отношения и интерпретации когнитивного субъекта к объекту. Интерпретация когнитивного субъекта может быть отличной или даже далекой от первоначального облика объекта, иными словами, когнитивный субъект имиджа государства обладает отличительной и неизбежной субъективностью в восприятии имиджа государства.

К. Боулдинг заявил: «Мы должны признать, что решения, принимаемые некоторыми людьми, достаточные для того, что влиять на политику и поведение государств, являются не отражением объектив-

ных фактов, а отражением, основанным на их воображении того, что происходит в действительности. Именно наше восприятие мира, а не сам мир, определяет наше поведение» [Boulding, 1959, с. 120]. Эта идея предполагает, что восприятие имиджа государства носит субъективный характер, и субъективность восприятия приводит к субъективности поведения субъекта, таким образом, субъективность восприятия государства может приводить к субъективности в его распространении. *Распространение имиджа государства – это субъективное поведение когнитивного субъекта, который в процессе распространения добавляет свои установки и эмоциональные тенденции.* С развитием современных медиатехнологий массовая коммуникация повсеместна и формирует всю информационную среду. Массовая коммуникация – это не только канал, по которому аудитория информируется о внешнем мире, но и важный канал, по которому имидж государства презентуется в мировом сообществе. Массовая коммуникация не только передает определенную информацию путем объективного сообщения фактов, но и выражает невидимые мнения путем отбора фактов, пронизывает мысли и мнения коммуникатора информацией между строк, воплощает определенные позиции и политические тенденции [刘小燕, 2002, с. 62]. В международных делах СМИ собирают, публикуют и

распространяют новости и информацию, комментируют текущие события, выражают общественное мнение и осуществляют мониторинг общества, ставят перед обществом вопросы общественного мнения и формируют нормы оценки. Поскольку СМИ способны влиять на общественное мнение, международные сообщения и аналитические материалы СМИ оказывают непосредственное воздействие на знания, взгляды и отношение общества к той или иной стране. Когда СМИ разных стран распространяют имиджи других стран, они испытывают влияние идеологии, национальных интересов, культурных ценностей и других факторов и неизбежно несут в себе некоторые предрассудки, в той или иной степени демонстрируют непонимание и искажения. Получая фактическую информацию, аудитория неосознанно воспринимает мысли и взгляды коммуникатора. Формирование имиджа государства с помощью идеологически ориентированных ценностей приводит к тому, что даже у одной и той же страны, изображаемой разными СМИ, формируется совершенно разный международный имидж. Поэтому субъективность распространения имиджа государства неизбежна. Хотя СМИ играют огромную роль в формировании имиджа государства для внешнего мира, они находятся под влиянием идеологии страны, которой принадлежат, и неизбежно, что имиджи других государств,

транслируемые СМИ отечественной публике, будут искажены или даже «демонизированы». Таким образом, необходимо признать, что СМИ оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на формирование и распространение имиджа государства.

2. Формирование восприятия иностранными студентами имиджа России на основе реального опыта жизни

В данной статье утверждается, что для формирования позитивного имиджа государства в международном сообществе только через СМИ сложно обеспечить аутентичность и позитивность коммуникационного контента. Также необходимо опираться на независимых индивидов, которые могут улучшать имидж государства в мировом сообществе, корректируя виртуальные представления, создаваемые в СМИ, через свой реальный опыт жизни, получая подлинную и достоверную информацию из первых рук, формируя потенциальную аудиторию для позитивного восприятия имиджа государства через собственное межличностное и групповое общение.

2.1. Коррекция виртуальных представлений об имидже России, сформированных у иностранных студентов на основе СМИ

1. С развитием информационного общества расширяются культурные и экономические обмены между странами. В этом процессе обра-

зование также постепенно преодолевает географические ограничения, а его функции становятся всё более диверсифицированными. Одновременно с обучением иностранных студентов страна может экспортировать свое мировоззрение и ценности, улучшать свой имидж и формировать позитивное восприятие своей страны путем предоставления образовательных услуг иностранным студентам, достигая тем самым эффекта повышения привлекательности страны и обеспечения национальных интересов. В последние годы Россия сталкивается со всё более сложной и нестабильной международной обстановкой, поэтому, сохраняя собственную внешнюю политику, она стремится улучшить свой международный имидж и развивать внешние связи другими нетрадиционными дипломатическими способами. Таким образом, иностранные студенты, обучающиеся в России, также играют важную роль в процессе формирования имиджа России. Глобализация привела к более тесным обменам и связям между странами, облегчила передачу и обмен информацией, в результате чего иностранные студенты стали важными проводниками образовательных и культурных обменов. Россия как страна с многовековой историей и уникальной культурой каждый год привлекает огромное количество иностранных студентов для обучения. В допандемийный период приток иностранных студентов

постоянно увеличивался: так, в 2019 г. в России училось 298 тыс. иностранных студентов, в 2020 г. – 315 тыс. Из-за введённых в 2020 г. ограничений количество студентов сократилось, однако онлайн-обучение позволило сохранить в целом высокие показатели. В частности, количество китайских студентов, обучающихся онлайн, даже выросло на 10 % [Минобрнауки, 2022]. Нынешняя геополитическая ситуация вносит свои коррективы, и атмосфера неопределённости может влиять на решения абитуриентов при выборе страны обучения. Тем не менее эксперты считают, что не стоит ждать снижения интереса к российскому образованию, наоборот, потоки студентов из стран Средней и Юго-Восточной Азии, а также из Африки могут увеличиться в ближайшие годы (Мишина В., Курилова А. *Российские вузы ждёт наплыв иностранных студентов с Востока // Ведомости.* 30.06.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/06/30/929341-rossiiskie-vuzi-vostoka>. (Дата обращения: 19.08.2023). Согласно открытой статистике Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, в 2022 году численность иностранных студентов в России выросла на 8,4 % по отношению к 2021 году и составила 351 448 человек [Минобрнауки, 2022]. В 2023 году численность ещё немного выросла, по предварительным оценкам, порядка 355 тыс. че-

ловек [Минобрнауки, 2023]. Таким образом, имидж России, формируемый иностранными студентами как важной составляющей российского высшего образования, остаётся ценным для международного имиджа государства.

Студенты из разных стран перед первой поездкой в Россию получают первичные сведения о стране из СМИ. Хотя СМИ удовлетворяют информационные потребности своей аудитории, они также определяют и формируют ее восприятие и поведение в реальной жизни через создаваемую ими информационную среду. Восприятие имиджа России, формируемого иностранными студентами посредством получения информации из СМИ, носит виртуальный характер. В современном обществе, где средства коммуникации чрезвычайно развиты, поведение людей тесно связано с истиной в *трех смыслах*: объективной реальностью, символической реальностью и субъективной реальностью [李智, 2013, с. 92]. Первоначальное восприятие иностранными студентами имиджа России в значительной степени опосредовано «символической реальностью», конструируемой средствами массовой информации, с которыми они контактируют, и формируемое в результате познания не является «зеркальным» отражением объективной реальности имиджа России, а скорее порождает некое отклонение, которое часто выражается в своеобразных стереотипах. Поездка иностранных студен-

тов в Россию для личного знакомства с местной жизнью и получения образования является эффективным способом преодоления стереотипов. Иностранные студенты со всего мира знакомятся с российской системой образования и культурными традициями в реальной российской социальной среде. Такой опыт и впечатления, основанные на объективной реальности, помогают иностранным студентам скорректировать своё виртуальное представление, сформированное на основе медиасимволической реальности, и сформировать субъективную реальность, чтобы построить свой субъективное восприятие имиджа России.

2.2. Иностранные студенты как независимые субъекты в формировании и распространении имиджа России

Международное распространение имиджа государства может происходить *двумя способами*: самостоятельное распространение и распространение с помощью других: с одной стороны, *государство формирует свой имидж, активно ориентируясь на международную аудиторию и активно распространяя его за рубежом, это называется самоимиджмейкингом* [张爱军, 2023, с. 28]. В последние годы, по мере укрепления своих экономических, социальных и военных сил, Россия начала уделять внимание построению проектов «мягкой силы», особенно массовой коммуникации в ин-

формационном пространстве. Например, российское информационное агентство Russia Today является лидером среди российских средств внешней пропаганды, эффективно доносящим информацию и формирующим общественное мнение посредством формирования повестки дня и распространения событий во внешней коммуникации страны, особенно в международных конфликтах и актуальных проблемах, с целью добиться большего международного статуса для России, что является успешным примером самоимиджмейкинга России через СМИ. С другой стороны, имидж государства также нужно распространять, реализуя тем самым процесс формирования с участием внешних сил, то есть *имиджмейкинг с помощью других* [张爱军, 2023, с. 28]. В данной статье приводятся утверждения, что иностранные студенты являются ключевыми субъектами для распространения имиджа России. Они получают высшее образование и обладают независимым критическим мышлением. В контексте межкультурных обменов они обладают более широким кругозором и открытостью, а формируемый ими имидж России является важной частью, влияющей на восприятие имиджа России международным сообществом.

Согласно теории убеждающей коммуникации, в любом коммуникативном поведении присутствует убеждающий мотив, и аудитория

будет исследовать этот мотив, а намерение и мотив коммуникатора находятся в обратной зависимости от коммуникативного эффекта. Поэтому с большей вероятностью информация получит признание аудитории, если сообщение будет сделано независимой третьей или нейтральной стороной, незначительно затрагивающей или совсем не затрагивающей собственные интересы [霍夫兰, 贾尼斯, 凯利, 2015, с. 23]. Согласно этой теории, с точки зрения учета фактора аудитории, позиция государства в распространении информации может повлиять на ее восприятие аудиторией и даже вызвать недовольство. Иностранная аудитория может с некоторым недоверием или настороженностью относиться к имиджу России, формируемому и распространяемому российскими официальными лицами. Например, она может считать, что российские СМИ жестко контролируются и поэтому трудно гарантировать объективность и справедливость содержания их сообщений, или даже чрезмерно превозносить образ своей страны и злонамеренно искажать образ других стран для достижения определенной цели, что может привести к недоверию иностранной аудитории к правдивости содержания сообщений российских СМИ. С точки зрения имиджмейкинга с помощью других, иностранные студенты в России являются независимыми субъектами формирования и распространения имиджа России.

Они выступают в позиции независимого третьего лица и рассказывают о собственном опыте пребывания в России, что с большей вероятностью будет признано иностранной аудиторией и произведет более позитивный коммуникативный эффект.

С развитием коммуникационных технологий, а также Интернета роль новых медиа в массовой коммуникации в современном обществе становится все более значимой, а социальные сети превратились в широко используемую коммуникационную платформу, где каждый является как создателем, так и получателем информации. Такое двустороннее взаимодействие делает социальные сети новым средством коммуникации, предоставляя пользователям возможность создавать, редактировать и распространять сообщения. Социальные сети выполняют множество функций, являясь важным каналом распространения информации. Во-первых, она реализует обмен информацией между пользователями. С помощью анализа алгоритмов социальные сети способны агрегировать горячую информацию в конспекты и формировать определенные информационные потоки. Это свойство становится основным воплощением коммуникативной функции социальных сетей. Пользователи получают возможность свободно публиковать свои идеи, мнения и опыт и в то же время быстро получить информацию дру-

гих пользователей, формируя тем самым насыщенную и яркую сеть обмена информацией. Во-вторых, социальные сети характеризуются быстрым и интерактивным распространением информации. Информация быстро распространяется в социальных сетях, и пользователи могут быстро распространять ее с помощью таких интерактивных методов, как ретвиты, лайки и комментарии. Такое интерактивное общение позволяет информации быстро распространяться в социальных сетях, становясь важным способом управления общественным мнением. Кроме того, открытость социальных сетей для общения облегчает пользователям построение отношений с сообществами. Следя за группами или сообществами, вступая в них, пользователи могут быстро установить связь с единомышленниками. Такая легкость построения отношений способствует массовому распространению информации: сообщение, получившее признание и распространение в социальной сети, вскоре способно охватить глобальную аудиторию. В условиях глобального информационного пространства социальные сети играют важную роль в соединении мира. Любая информация может быть распространена в социальных сетях и быстро доведена до глобальной аудитории. Такое глобализованное распространение информации приводит к более частому и тесному обмену между различными странами, регионами и

культурами, способствуя взаимопониманию и общению между людьми во всем мире.

Традиционно формирование имиджа государства в значительной степени опиралось на пропаганду государственных чиновников и освещение в СМИ, однако сегодня с развитием социальных сетей и цифровых платформ роль индивида в формировании имиджа государства становится всё более заметной. Каждый иностранный студент является участником распространения имиджа России. Через социальные сети иностранные студенты делятся своим опытом обучения, жизни и путешествий в России в режиме реального времени. Эти индивидуальные, аутентичные высказывания привносят новое измерение в многообразие и богатство имиджа России. По сравнению с традиционной официальной пропагандой, индивидуализированная коммуникация имиджа государства более привлекательна и доступна. Когда иностранные студенты делятся своим культурным опытом и ощущениями от жизни в России, эти реальные истории оказываются более убедительными и вызывают интерес аудитории к России. Кроме того, индивидуализированная коммуникация способствует устранению предрассудков и ложных представлений об имидже государства. В настоящее время Россия переживает непростой период на международной арене, когда столкновения международных интересов и споры по международным про-

блемам привели к общей предвзятости и негативной тенденции в сообщениях и оценках России на Западе. Западные СМИ, как правило, сосредотачиваются на проблемах и трудностях России, игнорируя позитивные результаты, которых она достигла. Такое одностороннее освещение событий негативно сказывается на восприятии и понимании России мировой общественностью и отрицательно влияет на её международный имидж. А иностранные студенты с нейтральной и объективной точки зрения, не подвержены влиянию официальной пропаганды российского правительства и сообщений западных СМИ, они дают более объективные наблюдения и анализ на основе своего реального восприятия и опыта, способны корректировать виртуальные представления, сформированные СМИ, и распространять более нейтральный и объективный имидж России. Кроме того, иностранные студенты являются представителями культур разных стран, и они могут сравнивать российскую культуру со своей культурой, а такие межкультурные обмены способствуют взаимопониманию и дружескому сотрудничеству между разными странами, а также укреплению культурного взаимодействия между странами.

Таким образом, через индивидуализированную коммуникацию иностранных студентов, имидж России может быть представлен в более объемном, насыщенном и реалистичном виде. Такой способ комму-

никации освобождает имидж государства от официальной пропаганды и позволяет привлечь к нему большее количество обычных людей, что играет важную роль в формировании более позитивного и дружелюбного образа России. В то же время такой способ коммуникации предоставляет мировой общественности больше возможностей узнать о России, способствует взаимопониманию и обмену между различными странами и культурами.

2.3. Механизмы распространения иностранными студентами имиджа России

Американский социальный психолог Г. У. Олпорт (G.W. Allport) предложил следующую гипотезу контакта (Intergroup Contact Hypothesis). По его мнению, *межгрупповая предвзятость (Intergroup Bias) обусловлена отсутствием достаточной информации или дезинформацией одной группы о другой группе, а благодаря межгрупповому контакту может быть получена новая информация и уточнена дезинформация*. С момента формулирования гипотезы межгруппового контакта вывод о том, что межгрупповой контакт улучшает отношение к аутгруппам (группам, к которым человек не принадлежит, но к которым принадлежат другие), получил широкое подтверждение. В ряде исследований был сделан вывод о том, что чем больше контактов у человека с целевой группой, тем больше вероятность того, что благосклон-

ность к этой группе значительно возрастёт [李森森, 龙长权, 陈庆飞, 2010, с. 832]. Перед первой поездкой в Россию на представления иностранных студентов о России влияют многочисленные каналы и источники информации, включая сообщения СМИ, учебники и академические ресурсы, Интернет и социальные сети, культурные продукты, международные отношения, политические взгляды и т. д. Восприятие имиджа России, формируемого иностранными студентами по этим каналам, носит виртуальный характер. Приехав в Россию, иностранные студенты попадают в реальную российскую социальную среду из «миметической среды», воображаемой третьими лицами по многочисленным каналам, а личный опыт проживания и практики в России, целенаправленное обучение и преподавание в учебных заведениях, групповое взаимодействие с россиянами дополняют и углубляют знания и представления иностранных студентов о России в различных аспектах, способствуют формированию позитивного восприятия имиджа России. Согласно теории убеждающей коммуникации, если коммуникатор хочет поддержать новую идею выражением своей точки зрения и побудить аудиторию принять ее, то профессионализм и благонадежность, которыми он обладает, могут определить степень доверия аудитории к его точке зрения [霍夫兰, 贾尼斯, 凯利, 2015, с. 16]. Аутентичность

личного опыта иностранных студентов может придать их высказываниям более высокую степень достоверности и повысить убедительность их коммуникации. Через социальные сети, межличностное общение и групповой обмен мнениями с друзьями и членами семьи иностранные студенты рассказывают о своем опыте пребывания в России своими словами и со своей точки зрения. Такой персонализированный способ коммуникации более привлекателен, он помогает разрушить стереотипы и сформировать более реалистичный и объемный имидж России. Кроме того, иностранные студенты приезжают из разных стран и имеют различные культурные традиции. Многочисленные исследования межгрупповых контактов показали, что важными факторами, влияющими на межгрупповые контакты, являются также межгрупповые дружеские отношения, а также возможности для формирования дружеских связей. Американский социальный психолог Н. Миллер (N. Miller) предполагает, что по мере межличностного взаимодействия между различными группами люди будут постепенно размывать свою первоначальную социальную категоризацию и подсознательно формировать чувство доверия, что будет способствовать снижению тревожности и дискомфорта при межгрупповом взаимодействии [李森森, 龙长权, 陈庆飞, 2010, с. 833]. Во время обучения в России иностранные студенты из разных стран будут

контактировать с местными российскими группами, и установление межгрупповых дружеских отношений с ними может создать толерантность и доверие между группами, а передаваемая ими информация может охватить более разнообразные точки зрения, и это разнообразие может помочь представить более полную картину России, показать ее богатый культурный и социальный ландшафт, способствовать многомерному восприятию России в странах пребывания и даже в других странах, что повлияет на мнение международного сообщества о России. Кроме того, учебная жизнь иностранных студентов может способствовать развитию межкультурной коммуникации и дружеского сотрудничества, а их общение с россиянами и обмен с иностранными студентами из своей и других стран – взаимопониманию и дружбе между различными странами.

Согласно принципу генерализации эффекта (*generalization*) контакта, *генерализацию эффекта принято разделять на три прогрессивных уровня*: генерализацию от конкретных контекстов к другим контекстам; от индивидов к группам, к которым они принадлежат; от контактных групп к другим группам [郝亚明, 2015, с. 15]. Во-первых, личный опыт иностранных студентов в России не только корректирует их виртуальные представления, но и противопоставляет их реальным ситуациям. Обозначенный вербальный контакт и эмоциональный опыт помогают

скорректировать индивидуальные предрассудки и стереотипы в отношении имиджа России. Данная эмоциональная регуляция может продолжать влиять на отношение иностранных студентов к России и после их возвращения на родину, тем самым распространяя эффект от конкретного контекста на другие. Во-вторых, общение и взаимодействие с российскими преподавателями и одногруппниками – это двусторонний процесс. Иностранные студенты не только пассивно получают информацию, но и также выражают свои взгляды, понимание и культурные особенности в процессе общения. Такое двустороннее общение помогает иностранным студентам устранить языковые и культурные барьеры и глубже понять российский образ жизни и мышления. Иностранные студенты, распространяя информацию о своей жизни в России в социальных группах, могут постепенно влиять на более широкий круг общения. Кроме того, они будут рассказывать о своей жизни и опыте обучения в России через социальные сети, и такое коммуникативное поведение может охватить большую аудиторию. Характеристики социальных сетей позволяют распространять информацию быстро, широко и разнообразно, что может повлиять на друзей и родственников иностранных студентов, окружающих их, и даже на незнакомых людей в социальных сетях за очень короткий промежуток времени. Личный опыт и знания,

которыми иностранные студенты делятся в социальных сетях, способны повлиять на восприятие и отношение гораздо большего числа людей, еще больше расширяя сферу восприятия имиджа России, тем самым генерализуя эффект от индивида до группы, к которой он принадлежит. Наконец, иностранные студенты как большая группа совместно формируют имидж России в своём коллективном поведении и взаимодействии. Поскольку иностранные студенты из разных стран, в каждой из которых своя куотрура, обладают определенной степенью репрезентативности в распространении имиджа России, то в определенной степени эта репрезентативность может влиять на восприятие имиджа России в стране происхождения.

В целом распространение представлений иностранных студентов об имидже России может быть генерализовано с конкретных контекстов на другие контексты и с индивидов на группы, к которым они принадлежат, в рамках генерализации эффектов контакта. Иностранные студенты формируют субъективное восприятие имиджа России на основе информации, полученной из первых рук, а аспекты персонализированного общения и разнообразных сообщений оказывают глубокое и долговременное влияние на создаваемый ими имидж России. Распространяемый ими имидж России в определённой степени способствует коррекции стереотипов и обогащению реального, объёмного

восприятия России в мировом масштабе.

3. Стратегии повышения эффективности распространения иностранными студентами имиджа России

3.1. Использование сильных сторон и повышение имиджа в международном сообществе

Рейтинг национальных брендов Анхольт-Ипсос (Anholt-Ipsos Nation Brands Index) – ежегодное исследование с 2008 г., которое по результатам опросов представляет общественное мнение о странах по всему миру. Понятие «национальный бренд» было введено английским аналитиком Саймоном Анхольтом в 1996 году. В рейтинге участвуют 60 стран. *Анализ стран* в рейтинге проводится на основе изучения общественного мнения и *использует шесть критериев*: «экспорт», «управление», «культура и наследие», «люди», «туризм» и «инвестиции и иммиграция». Согласно рейтингу, в 2021 году Россия занимала 27-ю строку рейтинга. Тогда ее сильными сторонами были культура, туризм и экспорт. В 2022 году, после начала военных действий в Украине, рейтинг РФ снизился, что объясняется проблемами в категориях «Управление», «Иммиграция и инвестиции» и «Люди». «Крах такого масштаба в национальном положении страны (в восприятии) носит ущерб способностям её компаний, правительства и, прежде всего, её народа торговать и взаимодействовать с международ-

ным сообществам», комментирует место России в рейтинге его основатель Саймон Анхольт. По словам генерального директора Ipsos Group Бена Пейджа, результаты этого года напоминают нам о том, что хаос наносит ущерб репутации стран, а стабильность вознаграждается.

Россия должна в полной мере использовать свои преимущества и работать над такими критериями, как «культура и наследие», «туризм» и «экспорт». Например, создание программы «послов иностранных студентов», поощряющей иностранных студентов активно делиться своим опытом обучения за рубежом в социальных сетях, знакомить с уникальной культурой и достопримечательностями России и т. д.; проведение культурных фестивалей, выставок, симпозиумов и других мероприятий, способствующих культурному обмену и демонстрирующих многообразие российской культуры; поддержка участия иностранных студентов в рекламе и продвижении российской продукции, что позволяет повысить узнаваемость российской продукции на международном рынке. Необходимо также принять меры в отношении таких показателей, как «управление», «инвестиции и иммиграция» и «люди», которые серьезно упали в рейтинге. Через сообщество иностранных студентов, обучающихся в России, например, открывая конкурсы видеороликов и рассказывая истории о своем пребывании в России, страна может показать мировому сообществу ре-

альное лицо жизни в России и скорректировать виртуальное представление о имидже России гражданами других стран.

3.2. Создание позитивной когнитивной среды как фактор формирования у иностранных студентов положительного восприятия имиджа России

В кругу иностранных студентов, обучающихся в России, межличностные отношения и групповое взаимодействие оказывают большее влияние на формирование представлений об имидже России. Социально-когнитивная теория подчёркивает, что на поведение индивидуума влияют социальные взаимодействия, опыт других людей, а также массмедиа. Индивиды конструируют и интерпретируют реальный мир через взаимодействие с социальной средой, в которой они живут, и как это взаимодействие влияет на их восприятие, установки и поведение. Люди и вещи, с которыми иностранные студенты соприкасаются в процессе своего социального взаимодействия в России, могут рассматриваться как непосредственные представители имиджа России, в результате взаимодействия с которыми постепенно формируется восприятие иностранными студентами имиджа России. Таким образом, в повседневном общении иностранные студенты имеют возможность ещё больше углубить свое понимание имиджа России через контакт с разными людьми и культурными

обычаями. Социальный психолог Хейзел Маркус заявил: «Самое главное – это то, что люди податливы». Другими словами, мы способны адаптироваться к социальной среде, в которой живем. Внешние социальные силы формируют наши установки и поведение [迈尔斯, 2014, с. 8]. Поэтому создание позитивной и положительной когнитивной среды имеет решающее значение для формирования у иностранных студентов положительного восприятия имиджа России. Между эмоциями и познанием существует тесное взаимодействие, и положительные эмоции могут влиять на способы обработки и интерпретации познаваемой информации, тем самым воздействуя на её понимание и оценку индивидом. Через контакт с группами и межличностное взаимодействие на познание иностранных студентов оказывают влияние позитивная идентификация и эмоциональный резонанс, что способствует постепенному формированию положительного отношения к имиджу России.

Формирование имиджа государства – сложный социальный процесс, требующий совместного участия всех людей, и каждый гражданин должен быть активным субъектом формирования имиджа государства. В этот момент СМИ играют важную роль как важный канал распространения информации. Публикуя информацию о положительном влиянии иностранных студентов на формирование имиджа России, СМИ могут привлечь вни-

мание общественности к позитивной роли иностранных студентов. Подобная публичность не только формирует у общества позитивное мнение, но и мотивирует индивидов к сознательному изменению своих представлений и поведения, а вместе они создают цивилизованный и позитивный имидж государства. В процессе обучения и жизни в России иностранные студенты будут взаимодействовать со многими людьми, и основные контакты происходят внутри кампуса, например, с профессорами и преподавателями, одногруппниками, административными менеджерами, библиотекарями, охранниками, комедантами общежитий и другими сотрудниками кампуса. Очень важно, чтобы эти люди формировали чувство социального комфорта, выражали должное дружелюбие и уважение к иностранным студентам, а также активно оказывали необходимую помощь и поддержку иностранным студентам, когда они сталкиваются с проблемами и трудностями в процессе обучения и жизни, чтобы помочь иностранным студентам адаптироваться к новым условиям обучения и жизни, а также организовывать разнообразные мероприятия по культурному обмену, чтобы поощрять иностранных студентов к взаимодействию с местными студентами, разрушать культурные барьеры и способствовать взаимопониманию.

3.3. Углубление изучения России иностранными студентами

США одними из первых начали осуществлять образовательную коммуникацию для иностранных студентов с целью повышения их международного признания. Программа Фулбрайта в США является крупнейшей, наиболее влиятельной и успешной программой международных культурно-образовательных обменов в мировой истории. По мнению основателя проекта Д. У. Фулбрайта (J. William Fulbright), образовательные обмены – это «... основа для того, чтобы увидеть вещи с разных точек зрения, с позиций, отличных от собственных, познакомиться с другими культурами и установить взаимопонимание» [胡文涛, 2006, с. 81]. Таким образом, помимо непосредственных наблюдений и ощущений иностранных студентов в жизненной практике, важную роль в формировании имиджа государства у иностранных студентов играет образование. Образование является мощной платформой для широкого обмена знаниями и опытом, способной углубить взаимопонимание между народами разных стран. Самое главное, что благодаря личному опыту, а не субъективному воображению, иностранные студенты получают реальное представление о России, её истории, культуре и социальной жизни, что затем могут распространять в своих странах. Такая многомерная передача информации служит важным допол-

нением к знаниям о России в их собственных странах.

Россия может скорректировать возможные когнитивные предубеждения, используя целенаправленное воспитание и обучение, чтобы направить иностранных студентов к более глубокому познанию России и спровоцировать их на понимание и распознавание русской речи и поведения с точки зрения внутренних генов и логики развития россиян. Иногда иностранный учащийся вынужден преодолевать в себе отторжение новых культурных традиций и ценностей. В процессе преподавания русского языка как иностранного следует выработать у учащихся понимание того, что в мире нет абсолютных истин, поэтому возможно только сосуществование равноправных истин, а значит, только изучение и «приятие» культурно чуждого может дать положительный эффект, и, попадая в чужую культуру, «целесообразно поступать в соответствии с нормами, обычаями, традициями этой культуры, не навязывая своих религии, ценностей, образ жизни» [Почебут, 1995, с. 77]. Специфика межкультурного общения заключается в том, что в процессе её теряет актуальность «золотое правило нравственности» – поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой. В качестве альтернативы М. Беннег предложил «платиновое правило» – поступай с другими так, как они поступали бы сами с собой. «Действительно, только умение встать

на место другого позволяет преодолеть культурные границы, понять культурно-ментальные ориентации партнёра по межкультурному общению» [Федотова, 2018, с. 199]. Целью образования иностранных студентов является создание благоприятной среды межкультурной коммуникации для иностранных студентов, развитие их способностей к межкультурной коммуникации, создание условий для преодоления культурных барьеров, превращение их в проводников межкультурной коммуникации в процессе получения образования, формирование имиджа страны обучения и повышение национального влияния через их коммуникацию. В процессе реализации эти идеи доносятся прежде всего через аудиторные занятия с иностранными студентами. Кроме того, полезными дополнительными средствами являются тематические лекции, интерактивные семинары, культурный опыт, конкурсы и выставки. Организаторы, администраторы, поставщики услуг и преподаватели образовательных учреждений в России являются важными ключевыми представителями, они должны гибко использовать разнообразные способы формирования интегрированной образовательной системы. Такое систематическое обучение может способствовать постепенному психологическому и эмоциональному принятию России иностранными студентами, а затем постепенному формированию прочного рационального признания, осно-

ванного на глубоком понимании. Через образование можно скорректировать когнитивные предубеждения иностранных студентов, и они смогут более объективно точно понимать и оценивать имидж России. Это поможет не только сформировать положительный имидж России, но и будет способствовать процессу межкультурной коммуникации и взаимопонимания.

Заключение

Восприятие и распространение имиджа государства носят субъективный характер. В настоящее время Россия переживает непростой период на международной арене, когда столкновения международных интересов и споры по международным проблемам привели к общей предвзятости и негативной тенденции в сообщениях и оценках России на Западе. Для России актуально формировать позитивный имидж на международном сообществе. Иностранные студенты играют важную

роль в процессе формирования имиджа России. Через свой реальный опыт жизни они могут получать подлинную и достоверную информацию из первых рук, формировать потенциальную аудиторию для позитивного восприятия имиджа государства через собственное межличностное и групповое общение, а тем самым могут улучшать имидж государства в мировом сообществе, корректируя виртуальные представления, создаваемые СМИ. В целях более полного раскрытия позитивной роли иностранных студентов в формировании и распространении имиджа России важно использовать преимущества для улучшения международного имиджа России с помощью распространения иностранных студентов, призвать граждан России создавать позитивную познавательную среду и углублять систематическое и многостороннее изучение России иностранными студентами.

Библиографический список

1. Кузнецов В. Н. Российская идеология 21: Опыт социологического исследования формирования российской идеологии 21 века. Москва : Кн. и бизнес, 2004. 551 с.
2. Минобрнауки: за прошедший год число студентов из Китая в российских вузах увеличилось на 10%. 26.05.2022. URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=51810. (Дата обращения: 30.07.2023).
3. Минобрнауки: около 355 тысяч иностранных студентов учатся в вузах РФ // РИА Новости. 2023. 23 ноября. URL: <https://ria.ru/20231123/student-1911436685.html?ysclid=lpfv5hietx657615026>. (Дата обращения: 26.11.2023).
4. Почебут Л. Г. Этнические факторы развития личности / Введение в этническую психологию; под ред. Ю. П. Платонова. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербургского ун-та, 1995. С. 66-83.
5. Федотова Н. Л. Особенности адаптации иностранных студентов к русской лингвокультурной и образовательной среде / Н. Л. Федотова, Л. В. Миллер // Русистика. 2018. №2. С. 191-206.

6. Boulding K. E. National images and international systems [J]. Conflict Resolution, 1959 (03): 120-131.
7. 曹钰明. 普京执政以来软实力在俄罗斯国家形象塑造中的运用[D]. 外交学院, 2022.
8. 管文虎. 国家形象论[M]. 成都: 电子科技大学出版社, 2000.
9. 郭毅. 国家形象对外传播中的概念混淆与实践误区[J]. 对外传播, 2021(03): 13-16.
10. 郝亚明. 西方群际接触理论研究及启示[J]. 民族研究, 2015(03): 13-24+123.
11. 胡文涛. 美国对华文化外交的历史轨迹与个案分析[D]. 暨南大学, 2006.
12. 李敏. 俄罗斯媒体外交实践论析[D]. 上海外国语大学, 2019.
13. 李森森, 龙长权, 陈庆飞等. 群际接触理论——一种改善群际关系的理论[J]. 心理科学进展, 2010, 18(05): 831-839.
14. 刘小燕. 关于传媒塑造国家形象的思考[J]. 国际新闻界, 2002 (02): 61-66.
15. 蒲公英. 俄罗斯软实力政策研究[D]. 北京外国语大学, 2016.
16. 宋海燕. 中国国家形象的“他者”传播: 来华留学生的中介机制[J]. 新闻爱好者, 2021 (08): 27-30.
17. 田凤娟. 俄罗斯国家形象在网络空间的塑造与传播[J]. 西伯利亚研究, 2021, 48 (04): 31-48.
18. 许华. 当今俄罗斯的国家形象问题[J]. 俄罗斯中亚东欧研究, 2008 (02): 9-16.
19. 许华. 当代俄罗斯: 国家品牌与国际形象排行[J]. 国外社会科学, 2012, (05): 113-120.
20. 许华. 俄罗斯国家形象与软实力[J]. 俄罗斯东欧中亚研究, 2013(03): 10-20.
21. (美) 霍夫兰, (美) 贾尼斯, 凯利著; 张建中等译. 传播与劝服: 关于态度转变的心理学研究[M]. 北京: 中国人民大学出版社, 2015.
22. (美) 迈尔斯著; 侯玉波等译. 社会心理学[M]. 北京: 人民邮电出版社, 2014.

Reference list

1. Kuznecov V.N. Rossijskaja ideologija 21: Opyt sociologicheskogo issledovaniya formirovaniya rossijskoj ideologii 21 veka = Russian Ideology 21: Sociological research experience in forming Russian ideology of the 21st century. Moskva : Kn. i biznes, 2004. 551 s.
2. Minobrnauki: za proshedshij god chislo studentov iz Kitaja v rossijskih vuzah uvelichilos' na 10%. 26.05.2022 = Ministry of Education and Science: over the past year the number of students from China in Russian universities increased by 10%. 26.05.2022 URL: https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/?ELEMENT_ID=51810. (Data obrashhenija: 30.07.2023).
3. Minobrnauki: okolo 355 tysjach inostrannyh studentov uchatsja v vuzah RF = Ministry of Education and Science: about 355 thousand foreign students study at RF universities // RIA Novosti. 2023. 23 nojabrja. URL: <https://ria.ru/20231123/student-1911436685.html?ysclid=lpfv5hietx657615026>. (Data obrashhenija: 26.11.2023).

4. Pochebut L. G. Jetnicheskie faktory razvitiya lichnosti = Ethnic factors of personality development // Vvedenie v jetnicheskiju psihologiju; pod red. Ju. P. Platonova. Sankt-Peterburg : Izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 1995. S. 66-83.
5. Fedotova N. L. Osobennosti adaptacii inostrannyh studentov k ruskoj lingvokul'turnoj i obrazovatel'noj srede = Specifics of foreign students' adaptation to Russian linguistic culture and educational environment / N. L. Fedotova, L. V. Miller // Rusistika. 2018. №2. S. 191-206.
6. Boulding K. E. National images and international systems [J]. Conflict Resolution, 1959 (03): 120-131.
7. 曹钰明. 普京执政以来软实力在俄罗斯国家形象塑造中的运用[D]. 外交学院, 2022.
8. 管文虎. 国家形象论[M]. 成都: 电子科技大学出版社, 2000.
9. 郭毅. 国家形象对外传播中的概念混淆与实践误区[J]. 对外传播, 2021(03): 13-16.
10. 郝亚明. 西方群际接触理论研究及启示[J]. 民族研究, 2015(03): 13-24+123.
11. 胡文涛. 美国对华文化外交的历史轨迹与个案分析[D]. 暨南大学, 2006.
12. 李敏. 俄罗斯媒体外交实践论析[D]. 上海外国语大学, 2019.
13. 李森森, 龙长权, 陈庆飞等. 群际接触理论——一种改善群际关系的理论[J]. 心理科学进展, 2010, 18(05): 831-839.
14. 刘小燕. 关于传媒塑造国家形象的思考[J]. 国际新闻界, 2002 (02): 61-66.
15. 蒲公英. 俄罗斯软实力政策研究[D]. 北京外国语大学, 2016.
16. 宋海燕. 中国国家形象的“他者”传播: 来华留学生的中介机制[J]. 新闻爱好者, 2021 (08): 27-30.
17. 田凤娟. 俄罗斯国家形象在网络空间的塑造与传播[J]. 西伯利亚研究, 2021, 48 (04): 31-48.
18. 许华. 当今俄罗斯的国家形象问题[J]. 俄罗斯中亚东欧研究, 2008 (02): 9-16.
19. 许华. 当代俄罗斯: 国家品牌与国际形象排行[J]. 国外社会科学, 2012, (05): 113-120.
20. 许华. 俄罗斯国家形象与软实力[J]. 俄罗斯东欧中亚研究, 2013(03): 10-20.
21. (美) 霍夫兰, (美) 贾尼斯, 凯利著; 张建中等译. 传播与劝服: 关于态度转变的心理学研究[M]. 北京: 中国人民大学出版社, 2015.
22. (美) 迈尔斯著; 侯玉波等译. 社会心理学[M]. 北京: 人民邮电出版社, 2014.

Статья поступила в редакцию 23.09.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted on 23.09.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Научная статья
УДК 323.2
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_27
EDN MUBQEM

Формы и факторы участия молодежи в политической системе КНР

Татьяна Владимировна Иващенко

Аспирант кафедры философии и политологии, Алтайский государственный университет, г. Барнаул
tatyana_ivashenk@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6939-3299>

Аннотация. В последние годы наблюдается тенденция к росту научного интереса в отношении различных аспектов политической жизни КНР, связанная в том числе и с увеличением межгосударственных и социальных контактов между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией. Важным направлением сотрудничества выступает обучение китайских студентов в российских вузах и в целом налаживание коммуникации российской и китайской молодежи. Для обеспечения эффективности этих процессов, прогнозирования развития КНР необходимо понимание ценностей, установок и моделей поведения молодых китайцев, в том числе в политической сфере, степени влияния на них цифровых технологий и глобализации.

Исследование посвящено политическому участию молодежи на современных платформах, проведена оценка участия китайской молодежи в политической жизни через разные формы политического участия. Источниковая база включает в себя данные статистики, документы, опубликованные китайским научным сообществом. На основе изучения научной литературы, аналитических материалов китайских исследовательских центров, вторичного анализа данных опросов раскрывают факторы политического участия городской и сельской молодежи Китайской Народной Республики, молодых предпринимателей.

В ходе анализа выявлено, что городская молодежь проявляет большую политическую активность, чем сельская. При этом из городской молодежи самой активной группой являются предприниматели, а среди сельской – незамужние женщины. Автор отмечает расширение каналов участия молодежи и их активность через новые цифровые платформы сбора мнений. Разработанные идеи на данных платформах рассматриваются как участниками самой платформы, так и правительственными организациями, что дает возможность реального влияния на политику и принятия конечного решения.

Ключевые слова: молодежь; политическое участие; политика; факторы политического участия; формы политического участия; социальные сети; Интернет; КНР

Для цитирования: Иващенко Т. В. Формы и факторы участия молодежи в политической системе КНР // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 27-39. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_27. <https://elibrary.ru/MUBQEM>.

Original article

Forms and factors of youth participation in the political system of the PRC

Tatiana V. Ivashchenko

Postgraduate student at the department of philosophy and political science,
Altai state university, Barnaul
tatyana_ivashenk@list.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6939-3299>

Abstract. In recent years, there has been a trend towards growing scientific interest in various aspects of political life in the PRC, which is connected, among other things, with the increase in governmental and social contacts between the People's Republic of China and the Russian Federation. Educating Chinese students in Russian universities and, in general, communication between Russian and Chinese youth are an important area of cooperation. To make these processes effective, and to forecast the development of the PRC, it is necessary to understand the values, attitudes and behavioral models of Chinese youth, particularly in the political sphere, and the extent to which they are influenced by digital technologies and globalization. This research focuses on young people's participation in politics on contemporary platforms, and assesses different forms of Chinese youth's involvement in the country's political life. The research material includes statistical data and documents published by the Chinese academic community. The author uses the relevant scientific works, analytical materials of Chinese research centers and secondary analysis of the surveys to determine the factors of political participation by Chinese urban and rural youth and young business people. The analysis revealed that urban young people are more politically active than rural ones. At the same time, businesspeople are the most active group among urban youth, and unmarried women are most active among rural youth. The author notes the increase in youth participation channels and their activism through new digital platforms for opinion polling. The ideas developed on these platforms are considered both by the platform users themselves and by the government organizations, thus providing an opportunity to actually influence the policies and make the ultimate decision

Key words: youth; political participation; policy; factors of political participation; forms of political participation; social media; Internet; China

For citation: Ivashchenko T. V. Forms and factors of youth participation in the political system of the PRC. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 27-39. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_27. <https://elibrary.ru/MUBQEM>.

Введение

Для выстраивания устойчивых и гармоничных отношений в рамках любого гражданского общества очевидна важность молодёжи как одной из движущих сил общественного развития. Необходимо отметить, что *молодежь – это одна из самых уязвимых групп в условиях информационных войн, глобализации и кризисов, эта категория наиболее подвержена влиянию социальных изменений и проявлению быстрой ответной реакции на эти изменения*. В связи с этим важно понять, какие формы политического участия использует молодёжь для взаимодействия с государством и какие факторы на это влияют.

Объектом исследования в статье выступило политическое участие различных слоев молодёжи КНР (городской, сельской). Особая важность изучения молодёжной политики именно данной страны определяется сменой поколений Китая. Перед современным поколением китайской молодёжи стоит амбициозная задача – пройти путь построения современной социалистической страны с китайской спецификой. Достижение этой цели – непростая задача в нынешних условиях, когда мир столкнулся с целым рядом взаимосвязанных кризисов, нестабильности и неопределённости и постковидных последствий.

Можно выделить несколько направлений исследования обозна-

ченного вопроса. Начало изучению составляющих гражданской культуры молодёжи положили работы западных исследователей: Г. Алмонд, С. Верба, Н. Най, которые выделили 12 форм «конвенционального» политического участия [Алмонд, 2014; Verba, 1972]. Среди отечественных исследователей интерес к этой теме начал активно формироваться после распада СССР и сохраняется по настоящее время. Из современных исследований можно выделить работы, в которых анализируются различные формы политического участия, в том числе и в условиях формирования информационного общества [Деревянченко, 2020; Зиненко, 2019; Киреева, 2022; Попова, 2019; Пфетцер, 2013; Селезнева, 2020].

Китайские исследователи также рассматривают политическое участие молодёжи, в том числе с позиции однопартийной политики социализма с китайской спецификой [Li, 2020; Li, 2022; Liu, 2023; Ngai, 2001; Wei, 2020; Zhong, 2022]. Освещают действия по выстраиванию коммуникаций с молодёжью и по разработке новых способов роста политического сознания и социальной активности молодёжи [邓希泉, 2012; 郑永廷, 2013; 高红波, 2010]. К примеру, Гао Хунбо считает, что масштабное и упорядоченное участие граждан в возрасте от 17 до 29 лет в политической жизни государства является основой для развития демократического

общества в условиях построения социализма с китайской спецификой и помогает укреплять важность партии как основного общественного регулятора в сознании указанного возрастного сегмента граждан [高红波, 2010, с. 10]. Существуют и другие точки зрения на важность активного политического участия молодёжи в жизни страны. Китайский исследователь Дэн Сицюан отмечает, что в некоторых случаях повышенный политический энтузиазм молодежи приводит к негативным и неконтролируемым последствиям или используется людьми со скрытыми мотивами для нанесения серьезного вреда государству и обществу, как во время событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь. Данные события продемонстрировали значимость развития и поддержания легального политического участия молодежи в условиях предоставления большей свободы и открытости [邓希泉, 2012, с. 48]. С точки зрения исследователя Дуань Гана, существует проблема повышения политической сознательности молодежи, что препятствует формированию группы, которую государство может привлекать к сотрудничеству [郑永廷, 2013, с. 57].

Стоит отметить, что в настоящее время в российских академических кругах исследованию участия китайской молодежи в политической жизни КНР посвящено небольшое количество работ, опубликованы лишь несколько статей, затрагива-

ющих молодежную политику и политическую культуру современной китайской молодежи [Ли Сюй, 2019; Смирнов, 2022; Холмская, 1999].

Цель нашей статьи – определение основных форм и факторов политического участия китайской молодежи в контексте политической системы КНР и определение особенностей их реализации молодежью Китая. Исходя из этого, задача исследования выявить уникальные аспекты развития китайской молодежной политики КНР и на применить практике в РФ.

Результаты исследования

В Китае политическое участие определяется как «деятельность граждан, добровольно участвующих в политической жизни с помощью различных законных методов» [郑永廷, 2013, с. 50]. Выделяют такие понятия как: субъект (гражданин), объект (политическая жизнь) и характеристика (добровольность, законность) политического участия [Деревянченко, 2020, с. 158]. Если рассматривать участие молодежи в политической жизни через призму политической культуры КНР, можно отметить, что китайской государственности были присущи инерционность и авторитаризм, а потому молодежи КНР до сих пор сложно «идти в ногу со временем» и проявлять участие в политике государства.

Можно выделить *традиционные формы политического участия ки-*

тайской молодежи: деятельность в составе политической партии и молодежных организаций (преимущественно государственных), участие в выборах и демонстрациях. Примером могут выступать протесты в Гонконге против закона об экстрадиции 2019-2020 гг., при этом в данном исследовании мы не берем Гонконг для изучения, так как он не относится к материковому Китаю [Ngai, 2005]. На территории материкового Китая особые условия, связанные с высоким контролем процессов публичного выражения общественно-политических настроений со стороны государства.

Согласно отчета о развитии китайской молодежи в период «Десятой пятилетки» и «Одиннадцатой пятилетки», опубликованному Центром исследований молодежи Китая в 2007 г., «вступление в партию и вступление в молодежное объединение являлось основным каналом участия молодежи в политической жизни, ведь молодежные организации и их представители участвовали в народных конгрессах и политических координационных совещаниях на всех уровнях для принятия решений в государственной и молодежной политике», то есть преобладали офлайн формы политического участия. Сейчас же наблюдается рост активности в Интернет – пространстве. Так, по состоянию на март 2020 г., число пользователей Интернета в Китае

достигло 904 млн, среди них основную массу составляют молодые люди в возрасте 20-29 лет. Помимо традиционных форм политического участия, появляются новые каналы трансляции политических интересов, представляющие собой коммуникационные площадки в сети Интернет, электронные СМИ и мобильные приложения.

Говоря об онлайн формах политического участия, можно упомянуть такие инициативы, как формирование «лидеров мнений» (блогеров, спикеров) и набор членов молодежных комитетов Всекитайского Собрания народных представителей (*далее ВСНП*) и Народного политического консультативного совета Китая (*далее НПКСК*) через специализированные онлайн-программы и встречи, а также привлечение новых членов в Коммунистическую лигу молодежи и студенческие объединения при высших учебных заведениях.

Стала возможной организация молодежных объединений на виртуальных онлайн-платформах в сети Интернет. К примеру, в 2019 г. Центральный комитет Коммунистической лиги молодежи по защите прав и интересов молодежи и соответствующие учреждения совместно организовали в сети Интернет «Национальную акцию по сбору предложений для моделирования участия молодежи НПКСК». В общей сложности 11 000 молодых людей по всей стране зарегистри-

ровались с целью предложить новые формы участия, а также свои варианты улучшения текущей ситуации с политической активностью молодежи. После этого на онлайн-мероприятии по сбору предложений «Молодежь и ВСНП/НПКСК» («青声@全国两会») 2020 г., проведенном во время сессий ВСНП и НПКСК, был представлен 21 000 проект и получены предложения от около 85 000 молодых участников. В виртуальных мероприятиях на площадке государственных органов приняло участие более 159 000 человек [Wei, 2020, pp. 21-22].

По сравнению с традиционными СМИ, открытость, анонимность и доступность Интернета сформировали для молодых пользователей более свободный канал для участия в политике и ее обсуждения. Однако с появлением проекта «Золотой щит» (Великий китайский файрвол), направленного на фильтрацию и жесткую цензуру содержимого веб-ресурсов, политическая активность молодежи в сети стала более регламентированной и пошла на спад. По-прежнему отсутствует четкий, идеологически закреплённый взгляд на политическое присутствие молодежи в сети Интернет, а на онлайн-площадках для коммуникации (WeChat, Weibo) возникают споры и политические дискуссии, не всегда пресекаемые в соответствии с действующим политическим регламентом.

Среди различных социальных групп молодежи, принимающих участие в политической жизни, следует выделить городскую молодежь, в частности, так называемый «креативный класс» (этот класс представляет собой новую группу, в которую входят предприниматели и технический персонал частных технологических компаний, управленческий и технический персонал, занятый на предприятиях, финансируемых из-за рубежа, самозанятые, владельцы частного бизнеса, сотрудники посреднических организаций и фрилансеры). Ввиду относительно недавнего формирования данной категории не было проведено релевантного опроса, специально направленного на выявление мнений представителей креативного класса по поводу условий политической активности. Однако ещё в 2002 г. Гуандунский молодежный исследовательский центр проводил в провинции Гуандун анкетирование и интервью по вопросам участия в политической жизни молодых владельцев частного бизнеса. В ходе опроса было установлено, что молодые владельцы частного бизнеса являются доминирующей возрастной категорией в предпринимательской среде указанной провинции [Киреева, 2022, с. 102]. Эта группа характеризуется высоким уровнем образования и активной позицией в политической сфере, именно они обычно используют пожертвования на социальное

обеспечение для повышения своей популярности. Однако, лишь небольшое число молодых предпринимателей становятся депутатами ВСНП или НПКСК, что обусловлено большим количеством критериев отбора в депутаты: от изучения родословной до досконального рассмотрения идейной позиции и отношения к правительству. Это ставит вопрос о важности и необходимости пересмотра взаимодействия с «креативным классом», который может привнести в политический процесс новые идеи вместо традиционных. В данный момент по этой причине все больше молодых предпринимателей надеются вступить в диалог с правительством через другие организации: отраслевые ассоциации, Федерацию промышленности и торговли, Федерацию молодежи, Ассоциации молодых предпринимателей и другие платформы общественных организаций для участия в политических дискуссиях, что, к сожалению, не так эффективно, как участие напрямую в ВСНП или НПКСК.

В среде городской молодежи отдельную категорию также составляют студенты, являющиеся одной из потенциальных групп увеличения политической активности в молодежной среде. К примеру, опрос, проводившийся в 2018 г. Китайским молодежным исследовательским центром, продемонстрировал, что городская молодежь (студенты) при участии в политической жизни

руководствуются как прямыми, так и скрытыми, неоднозначными выгодами (стремление к власти, комплекс «элиты», психология привязанности).

Таблица 1.
Причины вступления китайской молодежи в партию

Причина	%
Политическое убеждение	49,34
Желание личного развития	22,11
Вступление в партию – повышение престижа	22,05
Давление старших родственников	1,89
Все вступают – я тоже вступлю	4,26
Другие причины	0,35

Источник: 邓希泉. 当代青年政治参与新特征新趋势 // 人和政权. 2012. № 5. С. 49.

Данные результаты свидетельствуют о высоком уровне заинтересованности городской молодежи в использовании партии, как социального лифта.

При сравнении городской молодежи с молодыми жителями сельской местности можно отметить, что в последней именно молодые люди, в силу привлечения современных информационных ресурсов и возможности получать образование, лучше понимают внешнюю информацию и более активно взаимодействуют с государством, чем старшее поколение. Данный факт оказывает важное влияние на раз-

витие политической жизни аграрных регионов КНР. Отчасти это можно объяснить желанием сельской молодёжи иметь те же конкурентные преимущества и соответствовать уровню развития городской молодёжи. При этом стоит учитывать, что большинство современной сельской молодёжи Китая скорее занято поиском достойного заработка и сезонной работой, либо поисками возможности для переезда в город, поэтому они имеют меньше времени и заинтересованности для участия в политической жизни. Большинство участвующих в политике за пределами городов – это молодые люди в возрасте 20-29 лет, оставшиеся без работы, подавляющее большинство которых составляют женщины. Поэтому исследования академического сообщества, посвященные участию сельской молодёжи в политической жизни, преимущественно сосредоточены на безработной молодёжи и молодёжи женского пола. Кроме того, заметен некоторый скептицизм, который китайские исследователи проявляют в отношении сельской молодёжи и ее способности к активному участию в политической жизни государства. Исследователи С. Чжун, М. Ван в ходе анализа роста благосостояния городов и увеличения разрыва в доходах между сельским и городским населением отметили, что безработная молодёжь является одним из двигателей политического

участия в рамках сельских населенных пунктов. Однако она не может принимать рациональные решения и самостоятельно выстраивать вектор политического участия деревни в политике более высокого уровня в силу отсутствия необходимого образования и социального опыта [Zhong, 2022, pp. 14-15].

Чжао Баоай считает, что «... из-за высокого уровня традиционализма, недостаточной поддержки со стороны политических организаций и сопротивления семьи участие сельской молодёжи в выборах, принятии решений, управлении, надзоре и деятельности партийных групп остаётся на низком уровне» [Ли, 2019, с. 104]. Он выдвигал тезис о том, что оставшаяся без работы молодёжь должна улучшить свое положение с помощью государственной социальной поддержки, тем самым получая свободное время для политического участия, которое также можно рассматривать в качестве выбора будущей карьеры. Что касается второй категории – безработных сельских женщин, представляют интерес выводы исследователя Сяо Чжоуянь, посвященные факторам участия молодых сельских женщин провинции Гуанси в политической жизни. Было обнаружено, что этническая принадлежность, профессия и уровень образования оказывают важное влияние на их политическую активность, а наиболее важным фактором является семей-

ное положение. Она отметила, что, когда возникают периоды поощрения участия сельских молодых женщин в политической жизни, необходимо в большей степени уделять внимание незамужним молодым женщинам, поскольку женщины с детьми, по мнению глубоко традиционалистского в вопросах семейственности китайского общества, должны заниматься, в первую очередь, воспитанием потомков, а не участием в политической жизни.

Выводы

В рамках исследования были определены и проанализированы основные факторы и формы участия молодежи в политической жизни КНР, а именно выявлены основные информационные каналы для трансляции политических интересов молодежи, проведен краткий сравнительный анализ городской и сельской среды как фактора влияния на политическую активность.

За последние 10 лет Центральный комитет партии запустил серию новаторских стратегий и мер по укреплению и совершенствованию работы с молодежью, а также способствовал постоянной оптимизации политики в области развития молодежи. Поэтому одно из самых важных изменений, выявленных в политическом участии современной молодежи, заключается в том, что она больше не является сторонним наблюдателем или подчиненным, а интегрируется в общество и

стремится к более активному участию в разработке политики.

Информационные технологии в значительной степени способствовали обогащению каналов политического самовыражения молодежи, стимулируя онлайн-участие в политической жизни на основе популяризации современных информационных технологий и интернет-приложений. С быстрой популяризацией Интернета все больше и больше молодых людей имеют удобный доступ к информации, обмениваются идеями, и могут взаимодействовать с политическими органами. Для расширения каналов упорядоченного участия молодежи в политической жизни страны и поощрения, которые обозначают проблемы, задают вопросы и пытаются высказать конструктивные мнения, Коммунистическая лига молодежи создала онлайн-платформу. Данная платформа предоставляет различным заинтересованным группам быстрый канал для выражения соответствующих экономических и политических интересов, значительно улучшает систему обратной связи и все больше влияет на принятие политических решений.

Однако, несмотря на действия правящей партии Китая по вовлечению молодежи в политическую жизнь, стоит отметить, что в настоящее время данный аспект не находит отклика со стороны академической среды, отсутствуют актуаль-

ные статистические данные за 2020-2023 гг. Большая часть опросов, опубликованных научным сообществом, осуществлялась 5-10 лет назад и проведена структурами, однозначно аффилированными с государством, в связи с чем можно поставить под вопрос их объективность. Также стоит отметить, что при проведении опросов по темам, волнующим молодежь в

политической сфере, зачастую не проводится разделение по возрасту, роду занятости, региону, что позволяет получить только общее представление о предмете. Мало иностранных исследований, которые могут дать независимую оценку данного вопроса. По этой причине сложно оценить взгляд со стороны, что приводит к необходимости продолжения изучения данной темы.

Библиографический список

1. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократия в пяти странах / Г. Алмонд, С. Верба. Москва : Мысль, 1972. 499 с.
2. Деревянченко А. А. Политическая активность молодёжи в цифровом обществе / А. А. Деревянченко, Д. В. Калинин // Гражданин. Выборы. Власть. 2020. №2 (16). С. 155-173.
3. Зиненко В. Е. Особенности формирования политической субъектности современной российской молодежи // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2019. № 6. С. 98-108.
4. Киреева О. Ф. Молодежное лидерство: проблемы участия молодежи в политической жизни / О. Ф. Киреева, И. М. Филиппов // Коммуникология. 2022. Том 10, № 1. С. 98-106. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-98-106.
5. Кордубаев М. К. Национальная модель реализации молодёжной политики в Китайской Народной Республике (КНР) / М. К. Кордубаев, Л. Н. Шмигирилова // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки № 11(25) : Сб. ст. по материалам XXVI междунар. студ. науч.-практ. конф. Новосибирск : СиБАК, 2014. С. 68-76.
6. Ли Сюй. Политическая культура современной китайской молодёжи // Вестник Московского университета Серия 12. Политические науки. 2019. №1. С. 95-106.
7. Попова О. В. Системные основания политической науки // Современная Европа. 2019. №3. С. 197–202. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019197202>.
8. Пфетцер С. А. Теоретико-методологические основания анализа проблемы политического участия // Вестник КемГУ. 2013. Т. 1, №3 (55). С. 103-110.
9. Селезнева А. В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Terra Linguistica. 2020. № 11 (3). S. 20-32. DOI: 10.18721/JHSS.11302.
10. Смирнов О. А. Особенности формирования молодёжной политики Китая / О. А. Смирнов, Д. Н. Слабкая, А. В. Новиков // Теории и проблемы политических исследований. 2022. Том 11. № 2А. С. 140-145. DOI: 10.34670/AR.2022.19.21.016.
11. Холмская М. Р. Политическое участие как объект исследования (Обзор отечественной литературы) // Полис. Политические исследования. 1999. № 5. С. 170-176.

12. Li X. Investigating youth policies through the lens of public narratives – Comparing China and Europe // *Journal of youth studies*. 2020. № 24(1). pp. 614-633. DOI: 10.1080/13676261.2020.1751809.
13. Li Y. What Attracts College Students to Start a Business in Rural Areas? – A Qualitative Comparative Analysis from China // *Sustainability*. 2022. № 14(22). pp. 32-51. DOI: 10.3390/su142215459.
14. Liu J., Li N. and Cheng L. Mining and quantitative evaluation of COVID-19 policy tools in China // *PLoS ONE*. 2023. № 18(4). pp. 147-157. DOI: 10.1371/journal.pone.0284143.
15. Ngai N. P., Cheung C. K. and Li C. K. China's youth policy formulation and youth participation // *Children and Youth Services Review*. 2001. № 8. pp. 651-669.
16. Ngai N. P., Cheung C. K. Predictors of the Likelihood of Delinquency a Study of Marginal Youth in Hong Kong, China // *Youth & Society*. 2005. № 36(4). pp. 445-470. DOI: 10.1177/0044118X04265090.
17. Verba S., Nie N. *Participation in America: Political Democracy and Social Equality*. N.-Y.: Harper & Row, 1972. 428 p.
18. Wei N. Slash youth in China: From precarious strugglers to successful exemplars // *Global Media and China*. 2020. № 5(1). pp. 15-30. DOI: 10.1177/2059436420969604.
19. Zhong S., Wang M. Urban expansion and the urban–rural income gap: Empirical evidence from China. *Cities*. 2022. Vol. 129. № 10. pp. 1-15. DOI: 10.1016/j.cities.2022.103831.
20. 邓希泉. 当代青年政治参与新特征新趋势// *人和政权*. 2012. № 5. C. 48-49.
21. 郑永廷. 大学生思想政治教育质量提升的理论研究// *思想教育研究*. 2013. № 6. C. 48-64.
22. 高红波. 我国青年政治参与研究述评// *特别企划*. 2010. № 1. C. 5-11.

Reference list

1. Almond G. *Grazhdanskaja kul'tura. Politicheskie ustanovki i demokratija v pjati stranah = Civil culture. Political attitudes and democracy in five countries* / G. Almond, S. Verba. Moskva : Mysl', 1972. 499 s.
2. Derevjanchenko A. A. *Politicheskaja aktivnost' molodjozhi v cifrovom obshhestve = Youth's political activity in the digital society* / A. A. Derevjanchenko, D. V. Kalinin // *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*. 2020. №2 (16). S. 155-173.
3. Zinenko V.E. *Osobennosti formirovanija politicheskoi sub#ektnosti sovremennoj rossijskoj molodezhi = Specifics of forming political subjectivity by contemporary Russian young people* // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12. Politicheskie nauki*. 2019. № 6. S. 98-108.
4. Kireeva O. F. *Molodezhnoe liderstvo: problemy uchastija molodezhi v politicheskoi zhizni = Young leadership: challenges of youth political participation* / O. F. Kireeva, I. M. Filippov // *Kommunikologija*. 2022. Tom 10, № 1. S. 98-106. DOI: 10.21453/2311-3065-2022-10-1-98-106.
5. Kordubaev M. K. *Nacional'naja model' realizacii molodjozhnoj politiki v Kitajskoj Narodnoj Respublike (KNR) = National model for implementing youth policy in the People's Republic of China (PRC)* / M. K. Kordubaev, L. N. Shmigirilova //

Nauchnoe soobshhestvo studentov XXI stoletija. Obshhestvennye nauki № 11(25) : Sb. st. po materialam XXVI mezhdunar. stud. nauch.-prakt. konf. Novosibirsk : SiBAK, 2014. S. 68-76.

6. Li Sjuj. Politicheskaja kul'tura sovremennoj kitajskoj molodjozhi = Political culture of contemporary youth in China // Vestnik Moskovskogo universiteta Serija 12. Politicheskie nauki. 2019. №1. S. 95-106.

7. Popova O. V. Sistemnye osnovanija politicheskoi nauki // Sovremennaja Evropa. 2019. №3. S. 197–202. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope32019197202>.

8. Pfetcer S. A. Teoretiko-metodologicheskie osnovanija analiza problemy politicheskogo uchastija // Vestnik KemGU. 2013. T. 1, №3 (55). S. 103-110.

9. Selezneva A. V. Politicheskie cennosti rossijskoj molodezhi: sociokul'turnye osobennosti i identifikacionnyj potencial = Political values of Russian youth: socio-cultural specifics and identification potential // Terra Linguistica. 2020. № 11 (3). S. 20-32. DOI: 10.18721/JHSS.11302.

10. Smirnov O.A. Osobennosti formirovanija molodjozhoj politiki Kitaja = Specifics of forming youth policy in China / O. A. Smirnov, D. N. Slabkaja, A. V. Novikov // Teorii i problemy politicheskikh issledovanij. 2022. Tom 11. № 2A. S. 140-145. DOI: 10.34670/AR.2022.19.21.016.

11. Holmskaja M.R. Politicheskoe uchastie kak ob#ekt issledovanija (Obzor otechestvennoj literatury) = Political participation as an object of research (Review of Russian publications) // Polis. Politicheskie issledovanija. 1999. № 5. S. 170-176.

12. Li X. Investigating youth policies through the lens of public narratives – Comparing China and Europe // Journal of youth studies. 2020. № 24(1). pp. 614-633. DOI: 10.1080/13676261.2020.1751809.

13. Li Y. What Attracts College Students to Start a Business in Rural Areas? – A Qualitative Comparative Analysis from China // Sustainability. 2022. № 14(22). pp. 32-51. DOI: 10.3390/su142215459.

14. Liu J., Li N. and Cheng L. Mining and quantitative evaluation of COVID-19 policy tools in China // PLoS ONE. 2023. № 18(4). pp. 147-157. DOI: 10.1371/journal.pone.0284143.

15. Ngai N. P., Cheung C. K. and Li C. K. China's youth policy formulation and youth participation // Children and Youth Services Review. 2001. № 8. pp. 651-669.

16. Ngai N. P., Cheung C. K. Predictors of the Likelihood of Delinquency a Study of Marginal Youth in Hong Kong, China // Youth & Society. 2005. № 36(4). pp. 445-470. DOI: 10.1177/0044118X04265090.

17. Verba S., Nie N. Participation in America: Political Democracy and Social Equality. N.-Y.: Harper & Row, 1972. 428 p.

18. Wei N. Slash youth in China: From precarious strugglers to successful exemplars // Global Media and China. 2020. № 5(1). pp. 15-30. DOI: 10.1177/2059436420969604.

19. Zhong S., Wang M. Urban expansion and the urban–rural income gap: Empirical evidence from China. Cities. 2022. Vol. 129. № 10. pp. 1-15. DOI: 10.1016/j.cities.2022.103831.

20. 邓希泉.当代青年政治参与新特征新趋势// 人和政权. 2012. № 5. S. 48-49.
21. 郑永廷. 大学生思想政治教育质量提升的理论研究// 思想教育研究. 2013. № 6. S. 48-64.
22. 高红波. 我国青年政治参与研究述评 // 特别企划 2010. № 1. S. 5-11.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 15.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted on 26.09.2023; approved after reviewing 15.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Научная статья
УДК 32.327; 37.014; 316.4
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_40
EDN AEBNRN

**Политика «культуры отмены» в отношении России в восприятии
российских и иностранных студентов**

Виктория Владимировна Брюно

Кандидат социологических наук, преподаватель кафедры
социально-гуманитарных наук и технологий, Национальный исследовательский
Московский государственный строительный университет, г. Москва
BryunoVV@mgsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9735-024X>

Аннотация. Автором предпринята попытка проанализировать отношение российских и иностранных студентов из Азербайджана, Армении, Китая, Таджикистана и Узбекистана к политике «культуры отмены» в отношении России, а также рассмотреть основные механизмы, способные противостоять этой политике. С этой целью в 2023 году был проведен опрос иностранных студентов, обучающихся в ведущих вузах РФ, и студентов из ведущих вузов Ярославской области. Также автором проведена серия глубинных интервью с российскими и иностранными студентами. В результате было выявлено наличие национально-специфических особенностей реализации политики «культуры отмены» в отношении всего российско-го. Иностранные граждане, у которых родители когда-либо получали высшее образование в РФ, относятся к политике «культуры отмены» негативно. Иностранные студенты, у которых родители никогда ранее не учились в РФ (СССР), к политике «культуры отмены» относятся в целом нейтрально. Выявлено, что представители разных этносов по-разному воспринимают политику «культуры отмены» в отношении России и её граждан. Установлено, что для большинства иностранных студентов и магистрантов, политика «культуры отмены» не влияет на качество взаимоотношений с гражданами России. Большинство российских студентов лично не сталкиваются с политикой «культуры отмены». Юноши лучше, чем девушки, осведомлены, что включает в себя такое понятие, как «культура отмены». Это связано с тем, что они системно отслеживают новости, связанные с политикой. По результатам исследования выработаны предложения для повышения эффективности противостояния политике «культуры отмены».

Ключевые слова: мягкая сила; культура отмены; культура исключения; культурная война; культура вызова; остракизм

Для цитирования: Брюно В. В. Политика «культуры отмены» в отношении России в восприятии российских и иностранных студентов // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 40-55. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_40. <https://elibrary.ru/AEBNRN>.

Original article

The “cancel culture” policy towards Russia as perceived by Russian and foreign students

Victoriya V. Bryuno

Candidate of sociological sciences, lecturer at the department of social sciences, humanities and technologies, Moscow State University of Civil Engineering (MGSU), Moscow
BryunoVV@mgsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9735-024X>

Abstract. The author attempts to analyze the attitude of Russian and foreign students from Armenia, Azerbaijan, China, Tajikistan and Uzbekistan to the “cancel culture” policy towards Russia, as well as to examine the main mechanisms that can confront this policy. To this end, a survey was conducted in 2023 of international students from RF leading universities and from the leading universities in the Yaroslavl region. Besides, the author carried out a series of in-depth interviews with Russian and foreign students, the results of which showed that there are national-specific features in implementing the policy of “cancel culture” in relation to everything Russian. Foreign citizens whose parents at some point received higher education in the RF have a negative attitude to the “cancel culture” policy. Foreign students whose parents have never studied in Russia (USSR) tend to be neutral towards the “cancel culture” policy. The study reveals that representatives of different ethnic groups have different perceptions of the “cancel culture” policy towards Russia and its citizens, and that for the majority of foreign students and postgraduates, the “cancel culture” policy does not affect the quality of their relationships with Russian citizens. Most Russian students have never faced the “cancel culture” policy. Young men are more aware than girls of what such a concept as “cancel culture” entails. This is due to their systematic monitoring the news related to politics. The results of the study lead to suggestions for raising the effectiveness of resisting the “cancel culture” policy.

Key words: soft power; cancel culture; exclusion culture; culture war; challenge culture; ostracism

For citation: Bryuno V. V. The “cancel culture” policy towards Russia as perceived by Russian and foreign students. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 40-55. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_40. <https://elibrary.ru/AEBNRN>.

Актуальность исследования

После начала СВО коллективный Запад открыл против РФ не только экономический, политический и т. д. фронты, но и культурный фронт. В рамках экономического фронта идут активные попытки исключить Россию из мировой финансовой систе-

мы, бойкотируют российские торговые марки, введён запрет на полеты и т. п. На политическом фронте помимо негативных высказываний в адрес РФ и её политических деятелей, происходит блокировка на Ютубе (YouTube) каналов, которые объективно освещают происходящие

события и действия со стороны РФ. Пытаются отменить все русское не только правительства отдельных стран, но и компании, частные лица. Так, например, в Германии ряд врачей (медицинских клиник) заявили, что не будут лечить граждан из РФ. В рамках культурного фронта, в Европейском союзе, Канаде, Австралии, США и т. п., стали отменять концерты российских звезд, выставки русских художников, отказывают ученым из РФ в принятии участия в научных конференциях и т. д. Кроме того что запрещают все русское, есть ещё масса примеров, когда ученым из европейского союза не разрешают принимать участие в научных конференциях в РФ, отменяют показы американских фильмов в России и т. д. Наблюдается массовая, скоординированная и хорошо спланированная атака на РФ, с тем, чтобы США могли сохранить свое доминирование в мире. Учитывая вышеизложенное, мы предприняли попытку проанализировать, как студенты из РФ относятся к тому, что в отношении всего русского происходит «культура отмены». Кроме того, предпринята попытка проанализировать поддерживают ли студенты из Азербайджана, Армении, Китая, Таджикистана, Узбекистана «культуру отмены» против всего русского (российского).

Постановка проблемы

Ученые из разных стран мира целенаправленно изучают политику «культуры отмены» [Finn, 2021; Norris, 2023; Минаева, 2023; Монахов, 2023].

Причины возникновения «культурных войн» («культуры отмены») широко рассмотрены в трудах иностранных исследователей [Friedman, 2023; Phelan, 2023].

Российские ученые также активно изучают все что так или иначе связано с «культурой отмены», при этом изучают историю вопроса и специфику «культуры отмены» в разных странах [Цверкун, 2023; Сыров, 2023; Дериглазова, 2023].

В частности, зарубежные и отечественные исследователи пришли к мнению, что политика «культуры отмены» негативно сказывается не только на образе государства и на взаимоотношениях между странами, но и, как следствие, на психическом состоянии людей. В результате, в стране, против которой активно ведется «культурная война» отмечается рост алкоголизации, апатии, одиночества, депрессии, суицидальных попыток среди населения, в особенности среди представителей маргинальных групп населения [Velasco, 2020; Yumagulova, 2021].

Так как феномен «культуры отмены» изучают представители разных направлений науки, то существует множество определений данного явления. Российские социологи и политологи пришли к мнению, что «культура отмены» – это процесс систематического и целенаправленного формирования негативного образа о стране, с целью «исключения» («отмены») всего, что связано с образом этой страны. Причем цель не в том, чтобы

государство «исправилось», сменило свою политику, совершило все возможные выплаты («монетизация печали»), хотя, безусловно и данный аспект их интересует, а в том, чтобы данного государства, с данной системой ценностей, не существовало в принципе [Таланов, 2020; Бабуркин, 2017].

Какими будут последствия политики «отмены культуры», проводимой западными странами в отношении России и её граждан, целенаправленно изучают российские ученые из ВШЭ [Виноградов, 2023].

Ценности мультикультурализма в России и культура отмены широко освещают в своих трудах исследователи из Российского государственного социального университета [Фомичева, 2023].

Особенности реализации современных военных информационно-коммуникативных операций, в том числе роль социальных сетей в распространении «культуры отмены», широко освещается в трудах ученых из Финансового университета при Правительстве РФ [Кандалов, 2023].

Основные инструменты, используемые при «культуре отмены» в отношении РФ, анализируют отечественные ученые [Левичева, 2023; Мелина, 2023; Кушнарев, 2022].

Поиском адекватных способов реагирования российских властей на политику отмены культуры, проводимую рядом стран в отношении России, занимаются отечественные ученые и политики [Павлова, 2023; Дубинина, 2023; Сыров, 2023].

Учитывая ничем необоснованную проводимую политику «культуры отмены» в отношении России со стороны ряда стран, российские ученые делают прогнозы, разрабатывают модели вероятных последствий такой политики, а также изучают опыт борьбы с этим явлением других стран [Веселов, 2023; Иванов, 2019; Жукова, 2023].

В ходе вторичного анализа нами были проанализированы подходы зарубежных и отечественных ученых к понятию «культура отмены». Основные выводы, полученные ими, были учтены при разработке программы нашего социологического исследования.

Эмпирическая база исследования

В 2023 г. осуществлен опрос студентов:

- Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского (ЯГПУ);
- Ярославского государственного университета имени П. Г. Демидова (ЯрГУ).

Выборка квотная. Выборочная совокупность $n=1600$. Переменные квотирования: пол, материальное благосостояние семьи, академическая успеваемость, уровень образования родителей.

Выборка квотная. Выборочная совокупность, $n=1600$.

В 2023 г. проведен опрос студентов из Азербайджана, Армении, Китая, Таджикистана и Узбекистана, которые обучаются в ведущих вузах РФ:

- Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина;
- Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена;
- Российский университет дружбы народов;
- Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова;

Выборка квотная. Выборочная совокупность, n=1000.

Переменные квотирования: возраст, пол, национальность, направление обучения.

Проведена серия глубинных интервью со студентами из России, n=50.

Проведена серия глубинных интервью со студентами из Азербайджана, Армении, Китая, Таджикистана, Узбекистана, которые обучаются ведущих вузах РФ, n=50.

Авторская гипотеза

Существуют национально-специфические особенности реализации политики «культуры отмены» в отношении всего российского. Иностранцы граждане, у которых родители когда-либо получали высшее образование в РФ, относятся к политике «культуры отмены» негативно. Иностранцы студенты, у которых родители никогда ранее не учились в РФ (СССР), к политике «культуры отмены» относятся нейтрально.

Рабочие гипотезы:

1. Представители разных этносов по-разному воспринимают политику «культуры отмены» в отношении России и её граждан.

2. Для большинства иностранных студентов и магистрантов политика «культуры отмены» не влияет на качество взаимоотношений с гражданами России.

3. Большинство российских студентов лично не сталкиваются с политикой «культуры отмены».

4. Юноши лучше, чем девушки осведомлены, что включает в себя такое понятие как «культура отмены», что связано, с тем, что они системно отслеживают новости, связанные с политикой.

Результаты исследования

Сначала мы изучали, знакомы ли российские студенты с термином «культура отмены»? (табл. 1)

Таблица 1.

Распределение ответов на вопрос: «Знакомы ли Вы с термином «культура отмены»?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты из РФ, n=1600	
	Юноши	Девушки
Да	95	89
Нет	5	11

Мы видим, что значительная часть респондентов знакомы с термином «культура отмены».

Учитывая, что по телевидению, в Интернете и других СМИ активно обсуждаются проблемы, связанные с «культурой отмены», мы, в рамках исследования, предприняли попытку узнать, какой смысл студенты из России вкладывают в понятие «культура отмены» (см. табл. 2).

Таблица 2.

Распределение ответов на вопрос: «Что Вы понимаете под «культурой отмены?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты из РФ, n=1600	
	Юноши	Девушки
Исключение человека из общества, игнорирование людей, страны	100	100
Демонизация образа России за рубежом	89	76
Травля за убеждения действия или бездействия	79	65
Подвергается осуждению человек, группы, государство в реальном мире или в онлайн-среде	68	54
Отмена российской культуры (включая выставки, экскурсии и т. д.)	65	78
Бойкотирование определенных людей или брендов	62	80
Критика в отношении человека, группы лиц или социальной общности	45	32
Предвзятое отношение к ценностям, высказывания тех или иных людей, групп людей и т. д.	44	31
Искажения фактов о РФ и её гражданах и политиках	43	31
Пересмотр историческое наследия всего, что было создано представителями РФ	29	24
Форма публичного позора	28	14
Другое	6	5

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов.

Мы видим, что у части опрошенных имеются поверхностные, фрагментарные представления о «культуре отмены». При этом мы видим, что юноши, в отличие от девушек, лучше осведомлены, что

включает в себя такое понятие как «культура отмены».

Далее мы выясняли, сталкивались ли респонденты с проявлениями «культуры отмены» по отношению к себе, РФ или другим российским гражданам? (см. табл. 3)

Таблица 3.

Распределение ответов на вопрос: «Наблюдаете ли Вы какие-либо проявления «культуры отмены» по отношению к себе, РФ или другим российским гражданам?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты, n=1600	
	Юноши	Девушки
Не сталкивался с таким явлением	45	59
Лично сталкивался с такой проблемой в повседневной жизни	38	28
Сам не сталкивался, но знакомые и друзья рассказывали, что сталкивались с такой проблемой	17	13

Как видно из ответов опрошенных, большинство (лично) не сталкивались с данным явлением. В рамках опроса респонденты могли пояснить свои ответы, для этого в анкете были предусмотрены открытые вопросы. Так, в частности, значительная часть опрошенных указали, что перестали выезжать за границу для отдыха (основная причина снижение уровня и качества жизни) и не общаются с иностранными гражданами в социальных сетях.

В рамках исследования мы также провели опрос иностранных граж-

дан – студентов из Азербайджана, Армении, Китая, Таджикистана, Узбекистана, чтобы выяснить, сталкивались ли они с таким явлением как «культура отмены», а также приняли попытку проанализировать, поддерживают ли иностранные студенты «культуру отмены» против всего русского (российского).

Сначала мы изучали, знакомы ли студенты из Азербайджана, Армении, Китая, Таджикистана, Узбекистана с термином «культура отмены» (см. табл. 4).

Таблица 4.

Распределение ответов на вопрос: «Знакомы ли Вы с термином «культура отмены»?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты, n=1000				
	Азербайджана	Армении	Китая	Таджикистана	Узбекистана
Нет	85	100	76	95	94
Да	15	—	24	5	6

Как видно из ответов опрошенных, значительная часть иностранных студентов осведомлена, что идёт «культура отмены» против всего русского (российского).

Далее мы изучали, что понимают под «культурой отмены» студенты из Азербайджана, Армении, Китая, Таджикистана, Узбекистана (см. табл. 5).

Таблица 5.

Распределение ответов на вопрос: «Что Вы понимаете под «культурой отмены»?»*

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты, n=1000				
	Азербайджана	Армении	Китая	Таджикистана	Узбекистана
Демонизация образа России за рубежом	86	100	70	73	69
Отмена российской культуры (включая выставки, экскурсии и т. д.)	85	100	69	72	70

俄语国家评论

Ответы респондентов	Студенты, n=1000				
	Азербайджана	Армении	Китая	Таджикистана	Узбекистана
Подвергается осуждению человек, группы, государство в реальном мире или в онлайн-среде	45	100	67	52	47
Предвзятое отношение к ценностям, высказывания тех или иных людей	22	83	66	47	41
Бойкотирование определенных людей или брендов	16	79	45	41	37
Травля за убеждения действия или бездействия	15	89	68	43	38
Исключение человека из общества	13	65	34	45	43
Форма публичного позора	12	73	58	21	17
Критика в отношении человека, группы лиц или социальной общности	10	69	48	39	32
Пересмотр исторического наследия всего, что было создано представителями РФ	8	47	41	21	12
Искажения фактов о РФ и ее гражданах и политиках	7	63	62	13	6
Другое	5	5	6	5	6

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов.

Из ответов респондентов следует, что иностранные студенты в меньшей степени обладают представлениями об этом явлении по сравнению с российскими студентами. В то же время можно отметить, что студенты из Армении, лучше осведомлены о данном понятии. Это

связано с тем, что их страна время от времени сталкивалась с данным явлением со стороны ряда стран.

Далее мы выясняли, наблюдали ли лично респонденты проявления «культуры отмены» по отношению к РФ и российским гражданам? (см. табл. 6)

Таблица 6.

Распределение ответов на вопрос: «Наблюдаете ли Вы какие-либо проявления «культуры отмены» по отношению к РФ и российским гражданам?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты, n=1000				
	Азербайджана	Армении	Китая	Таджикистана	Узбекистана
Лично наблюдал проявления «культуры отмены» по отношению ко всему российскому	100	100	54	89	83
Сам не сталкивался, но знакомые рассказывали, что наблюдали данное явление по отношению ко всему русскому (российскому)	—	—	22	11	17
Не наблюдал такое явление по отношению ко всему российскому	—	—	24	—	—

Мы видим, что значительная часть опрошенных иностранных студентов лично наблюдали проявления «культуры отмены» по отношению ко всему российскому. В анкете были предусмотрены открытые вопросы. Значительная часть респондентов отметила, что «культура отмены» широко распростра-

нена в их странах и других иностранных государствах, которые они посещали.

Далее мы выясняли, как иностранные граждане относятся к проявлению «культуры отмены» по отношению к РФ и российским гражданам? (см. табл. 7)

Таблица 7.

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы относитесь к каким-либо проявлениям «культуры отмены» по отношению к РФ и российским гражданам?»

(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты, n=1000				
	Азербайджана	Армении	Китая	Таджикистана	Узбекистана
Негативно	88	80	100	78	81
Нейтрально	12	20	—	17	19
Положительно	—	—	—	5	—

Мы видим, что значительная часть респондентов негативно относится к тому, что ряд стран ведет политику «культуры отмены» против всего российского. Было установлено, что иностранные граждане, у чьих родителей когда-либо было высшее образование в РФ, относятся негативно к политике «культуры отмены». Иностранные студенты, чьи

родители никогда не учились в РФ (СССР), относятся к политике «культуры отмены» нейтрально.

Далее мы изучали, как, по мнению российских студентов, должны реагировать российские власти на политику «культуры отмены», проводимую рядом стран в отношении России (см. табл. 8).

Таблица 8.
Распределение ответов на вопрос: «На Ваш взгляд, как должны реагировать российские власти на политику «отмены культуры», проводимую рядом стран в отношении России?»
(в %, от числа ответивших)

Ответы респондентов	Студенты из РФ, n=1600	
	Юноши	Девушки
Развивать активно связи со всеми странами мира, в том числе с региональными лидерами, то есть не позволять себя (РФ) изолировать	90	47
Несмотря ни на что участвовать во всех значимых международных мероприятиях или проводить аналогичные по смыслу мероприятия, как, например, в марте 2024 г., запланированные в Сочи «Всемирный фестиваль молодежи»	88	78
Принять всех желающих в БРИКС	84	—
Стремиться через лидеров общественного мнения за рубежом доносить объективную информацию о РФ и о происходящем в мире	79	54
СМИ должны больше демонстрировать российскую точку зрения по тому или иному вопросу	68	82
Вести эффективную борьбу с распространителями фейков	63	71
Больше продвигать за границей, так называемые русские дома (культурные центры)	45	21
Развивать собственные технологичные (интернет, поисковые системы) региональные платформы	27	6
Необходимо выработать единую идеологию в стране	—	—
Не взаимодействовать со странами, которые ведут политику отмены	6	8
Ввести санкции против тех, кто ведет политику «культуры отмены»	5	6
Другое	—	—

*Количество процентов по вертикали больше 100, так как респонденты могли дать несколько вариантов ответов

Мы видим, что респонденты высказывают множество предложений, однако основным является

активное развитие связей со всеми странами мира вне зависимости от обстоятельств.

В рамках исследования была проведена серия глубинных интервью со студентами из России, n=50.

Далее приводим типичные высказывания респондентов.

Сергей, 19 лет.

«Я учусь на факультете иностранных языков (английский, французский), который считается одним из престижнейших факультетов ЯГПУ. С детства изучаю французский и английский языки. Помимо репетиторов, я ещё через социальные сети общался с теми, кому во Франции хотелось выучить русский язык. Я их учил русскому, они меня французскому языку. Сейчас я продолжаю с некоторыми из них общаться. Они рассказывают, как отменяют всю русскую культуру во Франции. Но сам лично, я ни разу не сталкивался с культурой отмены. Те, кто со мной общались, в рамках изучения языка из Франции, ко мне хорошо относятся, хотя я русский по национальности».

Арина, 21 год.

«Изучаю иностранные языки (китайский) в Ярославском педуниверсе. Общаюсь с китайскими гражданами. Никакой культуры отмены они по отношению ко мне и всему русскому не проявляют. У нас в вузе, конечно их (граждан из Китая) не так много, но все же достаточно, чтобы делать объективные выводы».

Мы видим, что студенты из России в большинстве своем лично не

испытывают все проблемы, связанные с «культурой отмены».

Проведена серия глубинных интервью со студентами из Азербайджана, Армении, Китая, Таджикистана, Узбекистана, которые обучаются в ведущих вузах РФ, n=50.

Далее приводим типичные высказывания респондентов.

Бао, 20 лет.

«Я люблю русскую литературу, по этой причине мечтал учиться в РФ. Я часто слушаю и смотрю политические новости. Знаю, что против РФ ведется жесткая борьба со стороны США и прежде всего, Великобритании. Лично сам никогда не видел, чтобы при мне кого-то унижали или ограничивали в чем-либо из-за того, что он из РФ. Я уверен, что цивилизованные граждане не придерживаются политики «культуры отмены». Считаю, что РФ миролюбивая страна, с прекрасной историей и прекрасным будущим».

Гуйин, 22 года.

«Мне нравится учиться в Москве, большом и красивом городе. Я часто бываю на Родине и в ряде иностранных государств. Про «культуру отмены» узнаю в основном из СМИ. Лично никогда не наблюдала, чтобы граждан из России обижали. Но о том, что в ряде стран запрещают все русское (книги, выставки, фильмы), слышала. Считаю, что такая политика допустима в отношении какого-нибудь преступника (совершившего

с особой жестокостью преступление), но уж точно не в отношении целой страны. Почему культуру отмены, придуманную, чтобы «отменить» преступника, решили использовать в отношении целой нации!? Россия, как я понимаю, борется за свой суверенитет и правильно делает».

Мы видим из типичных ответов, что респонденты независимо от национальности, направления обучения, возраста и пола, не одобряют политику «отмены культуры» в отношении РФ.

Заключение

В рамках исследования мы нашли подтверждение основной гипотезы и рабочих гипотез.

Для эффективного противостояния политике «культуры отмены» в отношении РФ необходимо:

- продолжать активно развивать связи со всеми странами мира, в том числе со странами, которые не являются региональными державами;
- участвовать во всех значимых международных мероприятиях или проводить аналогичные по смыслу мероприятия, как например, запланированный на март 2024 г. – «Всемирный фестиваль молодежи» в Сочи;

Библиографический список

1. Бабуркин С. А. Межнациональные отношения в вузах центральной России (на материалах Ярославской области) // *Alma Mater* (Вестник высшей школы). 2017. № 1. С. 27-32.
2. Веселов А. А. Прогнозирование развития феномена культуры отмены в современном обществе / А. А. Веселов, М. А. Есипов // *Общество: философия, история, культура*. 2023. № 10 (114). С. 181-186.

- ещё более активно продолжать расширять содружество БРИКС;
- стремиться через лидеров общественного мнения доносить объективную информацию о РФ за рубежом и о происходящем в мире;
- СМИ должны больше демонстрировать и отстаивать российскую точку зрения по тому или иному острому вопросу;
- более активно вести эффективную борьбу с распространителями фейков;
- блокировать сайты, которые ведут политику «культуры отмены» против РФ;
- больше продвигать за границей, так называемые русские дома (культурные центры);
- развивать собственные технологичные (интернет, поисковые системы) региональные платформы;
- в иностранных сетях активно продвигать позицию РФ по тем или иным международным вопросам;
- больше предоставлять бюджетных мест для иностранных граждан через систему образования. В ходе обучения в российских вузах иностранные граждане будут получать реальное и объективное представление о стране.

3. Виноградов В. А. Анализ феномена «культура отмены» как инструмента регулирования общественных отношений // Журнал российского права. 2023. Т. 27, № 3. С. 17-30.
4. Дериглазова Л. В. Культура отмены в политике и международных отношениях / Л. В. Дериглазова, А. М. Погорельская // Вестник МГИМО-Университета. 2023. Т. 16, № 4. С. 7-33.
5. Дубинина И. И. Новая социальная практика «культура отмены» – коммуникация насилия или противодействия насилию? // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. 2023. № 1 (41). С. 30-36.
6. Жукова Г. К. «Отмена культуры» как элемент когнитивной войны: к предыстории внутреннего конфликта // Конфликтология. 2023. Т. 18, № 1. С. 157-166.
7. Иванилов М. О. Внешняя политика КНР: от «мягкой» силы к «жесткой» / М. О. Иванилов, Т. В. Колесникова // Актуальные проблемы экономики и управления. 2019. № 2 (22). С. 84-88.
8. Кандалов В. И. Особенности реализации современных военных информационно-коммуникативных операций / В. И. Кандалов, Д. А. Карташова // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 7. С. 78-81.
9. Кушнарев Ф. Ю. Бренд страны, региона и города, как фактор «мягкой силы» России // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 3 (13). С. 44-68.
10. Левичева В. Ф. Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» / В. Ф. Левичева, С. Л. Диманс // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 2. С. 73-83.
11. Мелина А. Ю. О возможности влияния на процессы «культуры отмены» при помощи лингвистических средств // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 8 (876). С. 59-65.
12. Минаева Л. В. Типология «культуры отмены» // Журналист. Социальные коммуникации. 2023. № 1 (49). С. 19-28.
13. Монахов О. Н. Концепт культурного влияния в современной мировой политике / О. Н. Монахов, А. Л. Павлов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2023. Т. 44. С. 50-61.
14. Павлова М. П. Феномен культуры отмены в повседневном пространстве: социально-философский аспект // Социально-гуманитарные знания. 2023. № 8. С. 37-41.
15. Сыров В. Н. Новый виток в трактовке соотношения памяти и истории и его перспективы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 19-35.
16. Таланов С. Л. Место образования в политике «мягкой силы» России: стратегические направления и инструменты // Мир русскоговорящих стран. 2022. № 2 (12). С. 22-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbdzdy>.
17. Фомичева Т. В. Ценности мультикультурализма в России и культура отмены: диалектика восприятия // Социальная политика и социология. 2023. Т. 22, № 1 (146). С. 145-151.

18. Цверкун Ю. Б. Культура отмены в высшем образовании США и Канады (терминологический аспект) // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 5 (102). С. 283-287.
19. Finn M.C. 2021. Material Turns in British History: IV. Empire in India, Cancel Cultures and the Country House (read 11 November 2023). Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 31. P. 1-21. DOI: 10.1017/S0080440121000013.
20. Norris P. 2023. Cancel Culture: Myth or Reality? Political Studies. 71(1). P. 145-174. DOI: 10.1177/00323217211037023.
21. Friedman H., Lipman S. Cancelling «Cancel Culture». The Five Towns Jewish Times. 2023. DOI: 102139/ssrn.4349065.
22. Phelan S. 2023. Seven Theses about the So-Called Culture War(S) (or Some Fragmentary Notes on 'Cancel Culture'). Cultural Studies. DOI: 10.1080/09502386.2023.2199309.
23. Velasco J.C. You are cancelled: Virtual collective consciousness and the emergence of cancel culture as ideological purging. Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2020; 12(5):48–68. DOI: 10.21659/rupkatha.v12n5.rioc1s21n2
24. Yumagulova M.R. Language: a Precious Endowment, a Tool, a Weapon. Vesti of Institute of Entrepreneurial Activity. 2021, 1(24). P. 95-105.

Reference list

1. Baburkin S. A. Mezhnacional'nye otnoshenija v vuzah central'noj Rossii (na materialah Jaroslavskoj oblasti) = Interethnic relations in universities of central Russia (the materials of the Yaroslavl region) // Alma Mater (Vestnik vysshej shkoly). 2017. № 1. S. 27-32.
2. Veselov A. A. Prognozirovanie razvitija fenomena kul'tury otmeny v sovremenom obshhestve Predicting the development of the cancel culture phenomenon in modern society/ A.A. Veselov, M.A. Esipov // Obshhestvo: filosofija, istorija, kul'tura. 2023. № 10 (114). S. 181-186.
3. Vinogradov V. A. Analiz fenomena «kul'tura otmeny» kak instrumenta regulirovanija obshhestvennyh otnoshenij = Cancel culture phenomenon analysis as a tool for regulating social relations // Zhurnal rossijskogo prava. 2023. T. 27, № 3. S. 17-30.
4. Deriglazova L. V. Kul'tura otmeny v politike i mezhdunarodnyh otnoshenijah = Cancel culture in foreign affairs policy / L. V. Deriglazova, A. M. Pogorel'skaja // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2023. T. 16, № 4. S. 7-33.
5. Dubinina I. I. Novaja social'naja praktika «kul'tura otmeny» – kommunikacija nasilija ili protivodejstvija nasiliju? = The new social practice 'cancel culture' – communicating violence or counter-violence? // Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki. 2023. № 1 (41). S. 30-36.
6. Zhukova G. K. «Otmena kul'tury» kak jelement kognitivnoj vojny: k predystorii vnutrennego konflikta = “Culture cancellation” as an element of cognitive warfare: to the background of the internal conflict // Konfliktologija. 2023. T. 18, № 1. S. 157-166.
7. Ivanilov M. O. Vneshnjaja politika KNR: ot «mjagkoj» sily k «zhestkoj» = Foreign policy of the PRC: from “soft” to “hard” power / M. O. Ivanilov, T. V. Kolesnikova // Aktual'nye problemy jekonomiki i upravlenija. 2019. № 2 (22). S. 84-88.

8. Kandalov V. I. Osobennosti realizacii sovremennyh voennyh informacionno-kommunikativnyh operacij = Specifics of realizing modern military information and communication operations / V. I. Kandalov, D. A. Kartashova // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2023. № 7. S. 78-81.
9. Kushnarev F. Ju. Brend strany, regiona i goroda, kak faktor «mjagkoj sily» Rossii = Brand of the country, region and city as a factor of Russia's "soft power" // Mir russkogovorjashhh stran. 2022. № 3 (13). S. 44-68.
10. Levicheva V. F. Social'naja identichnost' kak rezul'tat neformal'nyh vzaimodejstvii «svoj/chuzhoj» = Social identity as a result of informal "friend/foe" interactions / V. F. Levicheva, S. L. Dimans // Vestnik RGGU. Serija: Filosofija. Sociologija. Iskusstvovedenie. 2023. № 2. S. 73-83.
11. Melina A. Ju. O vozmozhnosti vlijanija na processy «kul'tury otmeny» pri pomoshhi lingvisticheskikh sredstv = On the possibility of influencing the processes of "cancel culture" through linguistic means // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. 2023. № 8 (876). S. 59-65.
12. Minaeva L. V. Tipologija «kul'tury otmeny» = "Cancel culture" typology // Zhurnal'ist. Social'nye kommunikacii. 2023. № 1 (49). S. 19-28.
13. Monahov O.N. Koncept kul'turnogo vlijanija v sovremennoj mirovoj politike = The concept of cultural influence in contemporary world politics / O. N. Monahov, A. L. Pavlov // Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politologija. Religiovedenie. 2023. T. 44. S. 50-61.
14. Pavlova M. P. Fenomen kul'tury otmeny v povsednevnom prostranstve: social'no-filosofskij aspekt = "Cancel culture" phenomenon in everyday environment: social-philosophic aspect // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2023. № 8. S. 37-41.
15. Syrov V. N. Novyj vitok v traktovke sootnoshenija pamjati i istorii i ego perspektivy = A new turn in the treatment of the relationship between memory and history and its prospects // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2023. № 73. S. 19-35.
16. Talanov S. L. Mesto obrazovanija v politike «mjagkoj sily» Rossii: strategicheskie napravlenija i instrumenty = The place of education in Russia's "soft power" policy: strategic directions and tools // Mir russkogovorjashhh stran. 2022. № 2 (12). S. 22-47. <http://dx.doi.org/10.20323/2658-7866-2022-2-12-22-47>. <https://elibrary.ru/zbzdhy>.
17. Fomicheva T. V. Cennosti mul'tikul'turalizma v Rossii i kul'tura otmeny: dialektika vosprijatija = Russian multiculturalism values and cancel culture: dialectics of perception // Social'naja politika i sociologija. 2023. T. 22. № 1 (146). S. 145-151.
18. Cverkun Ju. B. Kul'tura otmeny v vysshem obrazovanii SShA i Kanady (terminologicheskij aspekt) = Cancel culture in higher education of the USA and Canada (terminology aspect) // Mir nauki, kul'tury, obrazovanija. 2023. № 5 (102). S. 283-287.
19. Finn M. C. 2021. Material Turns in British History: IV. Empire in India, Cancel Cultures and the Country House (read 11 November 2023). Transactions of the Royal Historical Society. Vol. 31. P. 1-21. DOI: 10.1017/S0080440121000013.
20. Norris P. 2023. Cancel Culture: Myth or Reality? Political Studies. 71(1). P. 145-174. DOI: 10.1177/003232172111037023.

21. Friedman H., Lipman S. Cancelling «Cancel Culture». The Five Towns Jewish Times. 2023. DOI: 102139/ssrn.4349065.

22. Phelan S. 2023. Seven Theses about the So-Called Culture War(S) (or Some Fragmentary Notes on 'Cancel Culture'). Cultural Studies. DOI: 10.1080/09502386.2023.2199309.

23. Velasco J.C. You are cancelled: Virtual collective consciousness and the emergence of cancel culture as ideological purging. Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. 2020; 12(5):48–68. DOI: 10.21659/rupkatha.v12n5.rioc1s21n2.

24. Yumagulova M.R. Language: a Precious Endowment, a Tool, a Weapon. Vesti of Institute of Entrepreneurial Activity. 2021, 1(24). P. 95-105.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 10.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted on 20.09.2023; approved after reviewing 10.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Научная статья
УДК81'316.772.2
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_56
EDN NHURWW

**О роли эксплицитного молчащего наблюдателя
в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе
терциарной речи**

Владимир Николаевич Бабаян

Доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль
vladimirbabayan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Аннотация. На материале текстов художественных диалогов в триаде с молчащим наблюдателем (МН) анализируется роль последнего в акте коммуникации, влияющего на содержание и форму диалогического дискурса. МН в различной степени воздействует на (не)речевое поведение коммуникантов. Подобная роль МН придает диалогу специфические особенности. На примерах диалогов терциарной речи описан процесс формирования триадного диалога с МН. Приведены диалоги из рассказов А. П. Чехова, выделены отдельные фрагменты реплик активных членов триады (АЧТ), а также авторские ремарки, указывающие на присутствие МН. Данные языковые средства составляют специфику терциарной речи, а также факторы, влияющие на диалог. С появлением МН в диалоге АЧТ может произойти смена темы разговора или общение может прекратиться. Это является индикатором присутствия МН при разговоре АЧТ, его воздействием на терциарную речь. МН влияет на всю коммуникативно-речевую ситуацию в целом. Итак, МН формирует особый тип диалога терциарной речи, триадный диалог который можно выделить как самостоятельный коммуникативный и психологический феномен. Такой диалог характеризуется особым положением в межличностной коммуникации, специфическим уникальным содержанием. Анализ диалогов терциарной речи с МН приводит к выводу о том, что модели триад различаются по своему внутреннему характеру. В триадах каждая из сторон диалога выступает как самостоятельная сторона акта коммуникации. В триадах иногда формируется альянс двух участников против третьего. Альянс может включать как самих АЧТ, так и одного коммуниканта с МН. Выявлены языковые маркеры альянса и роль МН.

Ключевые слова: молчащий наблюдатель; коммуниканты; диалог в триаде; терциарная речь; художественный диалогический дискурс; высказывание; коммуникативно-речевая ситуация

Для цитирования: Бабаян В. Н. О роли эксплицитного молчащего наблюдателя в русскоязычном художественном диалогическом дискурсе терциарной речи // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 56-68. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_56. <https://elibrary.ru/NHURWW>.

PHILOLOGY

Original article

On the role of the explicit silent bystander in Russian tertiary dialogue discourse in literature

Vladimir N. Babayan

Doctor of philological sciences, associate professor, professor at the department of the theory and practice of translation, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl
vladimirbabayan@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7044-3419>

Abstract. The article uses the texts of literary dialogues involving the silent bystander (SB) to analyze the role of the latter in the communication act; SB influences the content and form of dialogic discourse and affects (non)speech behavior of communicators. This role of SB gives the dialogue some specific features. The process of forming a triad dialogue with SB is described on the examples of tertiary speech dialogues. The author uses dialogues from A. P. Chekhov's short stories, and highlights some fragments from the utterances of the active triad members (ATM), as well as the author's remarks indicating the presence of SB. These linguistic means constitute the specifics of tertiary speech, and the factors influencing the dialogue. With the appearance of SBs in the dialogue of ATM, the conversation topic may change or the communication may stop. This is an indicator of the SB present during the conversation, and the impact he has on tertiary speech. SB influences the entire communicative situation. Thus, SB forms a special type of tertiary speech dialogue, the triad dialogue, which can be defined as an independent communicative and psychological phenomenon. Such a dialogue is characterized by a special status in interpersonal communication, by specific unique content. The analysis of tertiary speech dialogues with SBs present leads to the conclusion that the triad models differ in their internal character. In triads, each side of the dialogue acts as an independent side of the communication act. Triads sometimes form an alliance of two participants against the third one. The alliance can include both the ATMs themselves and one communicator with the SB. The linguistic markers of the alliance are identified, as well as the role of the SB.

Key words: silent bystander; interlocutors; a triad dialogue; tertiary speech; literary dialogical discourse; utterance; communicative situation

For citation: Babayan V. N. On the role of the explicit silent bystander in Russian tertiary dialogue discourse in literature. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 56-68. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_56. <https://elibrary.ru/NHURWW>.

Введение

Вслед за В. К. Харченко [Харченко, 2008, с. 93] в данной статье под *терциарной речью* понимается диалог активных членов триады в присутствии молчащего наблюдателя (МН). МН влияет на активных участников диалога (АЧТ), вследствие чего возникает новый вид диалога – диалог в триаде / триадный диалог. Феномен терциарной речи допускает предположить, что, если общающиеся (АЧТ) знают о присутствии третьего лица при их разговоре, они меняют тактику ведения беседы, свое речевое и невербальное поведение. Молчащий наблюдатель (МН) своим присутствием подвергает модификации форму и содержание диалога АЧТ и превращает *диадду* в *триаду*. А речевое произведение, продуцируемое коммуникантами в присутствии МН называется в настоящей работе «**триадным диалогом**» или «**диалогом в триаде**» [Бабаян, 2016, с. 26; Бабаян, 2018, с. 92].

Цель статьи – исследовать коммуникативную роль молчащего наблюдателя в продуцируемом посредством его участия диалоге терциарной речи активных членов триады, описать аспект социальной регуляции деятельности активных и пассивного участников диалогического дискурса терциарной речи и выявить способы и языковые сред-

ства (индикаторы) означивания присутствия молчащей третьей стороны в триадных диалогах на материале русскоязычных художественных диалогов терциарной речи.

По результатам комплексного анализа диалогов терциарной речи можем говорить о том, что взаимоотношения членов триады – двоих АЧТ и МН – разнообразны, что находит свое выражение в динамике тезаурусов коммуникантов (АЧТ) и обращенности (адресованности) / необращенности (неадресованности) их реплик-высказываний или всего диалога к МН.

Методология исследования

Объектом исследования в настоящей работе являются лингвопрагматические особенности диалогического дискурса терциарной речи коммуникантов в присутствии молчащего наблюдателя. Предмет исследования – коммуникативные модели взаимодействия активных членов триады и молчащего наблюдателя, а также языковые средства – индикаторы присутствия МН в триаде.

Материал исследования. Исследование роли молчащего наблюдателя в диалогическом дискурсе терциарной речи проводится на материале текстов диалогов русскоязычных произведений художественной литературы.

Методы исследования. При анализе диалогов терциарной речи использовался комплексный подход, который позволил провести исследование текстов англоязычных диалогов коммуникантов (АЧТ) в присутствии молчащего наблюдателя (МН). Применен метод моделирования, методы анализа и синтеза, обобщения и экстраполяции. Использован метод дискурс-анализа, коммуникативного, социолингвистического и психолингвистического анализа, а также лингвистического контекстуально-го анализа текста.

Анализ материала

Рассмотрим примеры русскоязычного художественного диалогического дискурса терциарной речи с различной ролью МН, представляющего третью сторону акта коммуникации и влияющего как на содержание, так и на форму диалога в триаде.

Наглядным примером диалогического дискурса терциарной речи является эпизод из рассказа А. П. Чехова «Дачники», где описана ситуация, в которой недавно поженившиеся супруги Саша (АЧТ₁) и Варя (АЧТ₂) говорят друг с другом шепотом и зло, так как их могут услышать родственники (МН), неожиданно приехавшие к ним, как пишет автор, «денька на три, на четыре». Далее А. П. Чехов описывает состояние и чувства, которые испытывают оба коммуниканта, АЧТ: «Увидев дядю с семей-

ством, супруги пришли в ужас. Пока дядя говорил и целовался, в воображении Саши промелькнула картина: он и жена отдают гостям свои три комнаты, подушки, одеяла; балык, сардины и окрошка съедаются в одну секунду, кузены рвут цветы, проливают чернила, галдят, тетушка целые дни толкует о своей болезни (солитер и боль под ложечкой) и о том, что она урожденная баронесса фон Финтих...» [Чехов, 1986, с. 71-72].

Далее следует разговор супругов в форме диалога: «...Саша (АЧТ₁ – В. Б.) уже с ненавистью смотрел на свою молодую жену (Варю, АЧТ₂ – В. Б.) и шептал ей:

1. Это они (МН. – В. Б.) к тебе приехали... черт бы их побрал!

2. Нет, к тебе! – отвечала она, бледная, тоже с ненавистью и со злобой. – Это не мои, а твои родственники!

И, обернувшись к гостям (МН. – В. Б.), она сказала с приветливой улыбкой:

3. Милости просим!

Из-за облака опять выплыла луна. Казалось, она улыбалась; казалось, ей было приятно, что у нее нет родственников. А Саша (АЧТ₁ – В. Б.) отвернулся, чтобы скрыть от гостей свое сердитое, отчаянное лицо, и сказал, придавая голосу радостное, благодушное выражение:

4. Милости просим! Милости просим, дорогие гости!» [Чехов, 1986, с. 71-72].

В исследуемом диалоге терциарной речи два коммуниканта и эксплицитный МН, состоящий из нескольких человек, т. е. группы людей, родственников молодой пары. Как видим, оба АЧТ – Саша и Варя – не очень довольны неожиданным приездом к ним родственников, МН («*супруги (АЧТ – В. Б.) пришли в ужас*»). Обращает на себя внимание тот факт, что в начале произведения автор описывает, как счастливы были молодожены, как хорошо им было вместе до приезда родственников, МН: «*Он (Саша, АЧТ₁ – В. Б.) держал ее (Варю, АЧТ₂ – В. Б.) за талию, а она жаслась к нему, и оба были счастливы*», «*Как хорошо нам с тобой живется, Варя, так хорошо, что даже невероятно!*»

Заметим также, что с появлением МН, родственников, отношения супругов друг к другу тоже резко изменились: «*...Саша уже с ненавистью смотрел на свою молодую жену*», «*...она, бледная, тоже с ненавистью и со злобой*».

Однако при всем этом как Варя, так и Саша (АЧТ) стараются не показывать свое истинное негативное отношение к внезапно приехавшим родственникам (МН), в данной ситуации они ведут себя по отношению к гостям по принятым в обществе правилам: «*И, обернувшись к гостям, она (Варя. – В. Б.) сказала с приветливой улыбкой: – Милости просим!*», «*А Саша отвернулся, чтобы скрыть от гостей свое сердитое, отчаянное лицо, и ска-*

зал, придавая голосу радостное, благодушное выражение: – Милости просим! Милости просим, дорогие гости!»

В анализируемом акте коммуникации благодаря МН в лице родственников наблюдаем явный контраст настроений коммуникантов – супругов Саши (АЧТ₁) и его жены Вари (АЧТ₂), крайне противоположный психологический фон всей речевой ситуации и др. Другими словами можем утверждать, что эксплицитный МН в лице гостей способствует и является причиной, поводом возникновения анализируемого речевого произведения, диалога терциарной речи. Кроме того, следует заметить, что коммуниканты, АЧТ, в процессе общения между собой напрямую обращаются к МН, а последние вообще не говорят ничего, то есть остаются эксплицитными МН.

Лингвистический анализ исследуемого диалога в триаде позволяет заметить, что диалог терциарной речи представлен в довольно краткой форме, высказывания-реплики АЧТ представляют *синтаксически простые, лаконичные и экспрессивные конструкции*. Благодаря использованию приведенных языковых средств автору удается достичь эффекта непринужденности и эмоциональности разговора активных членов триады.

В исследуемом диалоге терциарной речи наблюдается альянс обоих активных участников триады – супругов Саши (АЧТ₁) и Вари

(АЧТ₂) – против эксплицитного МН, пассивных участников диалога в лице неожиданно приехавших к ним родственников. Альянс находит свое выражение в негативном отношении обоих коммуникантов (АЧТ) к МН. Подтверждение сказанному находим в авторских ремарках, в репликах-высказываниях

Саши (АЧТ₁) и Вари (АЧТ₂) (выделено в тексте).

Данное речевое общение в триаде с эксплицитным молчащим наблюдателем в лице неожиданно приехавших родственников к Саше (АЧТ₁) с Варей (АЧТ₂) представим следующим образом на рисунке 1:

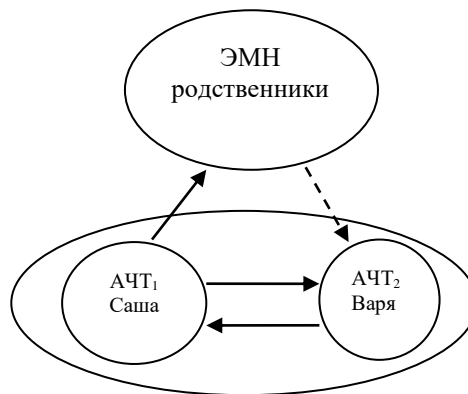

Рис. 1. Схема триады из рассказа «Дачники» А. П. Чехова

В анализируемой коммуникативной ситуации триады можем говорить о влиятельном эксплицитном молчащем наблюдателе (ЭМН), присутствие которого заставляет коммуникантов (АЧТ) модифицировать свое речевое и невербальное поведение. Кроме того, интересен тот факт, что МН представляет собой не одного человека, а группу людей – родственников одного из коммуникантов, Саши (АЧТ₁).

Довольно интересного, на наш взгляд, эксплицитного МН встречаем в рассказе А. П. Чехова «Ведьма», которого можем назвать «условно молчащим МН», по-

скольку этот эксплицитный МН молчит во время разговора обоих коммуникантов (АЧТ). Однако в конце беседы МН вдруг реагирует на услышанное, таким образом превращаясь в еще одного коммуниканта, АЧТ. В анализируемом рассказе А. П. Чехов описывает ситуацию, где в церковной сторожке в присутствии своего мужа дьячка Савелия Гыкина (МН), считавшего свою жену ведьмой, которая «ненастье делает», дьячиха Раиса Ниловна (АЧТ₁) говорит с почтальоном (АЧТ₂), зашедшим к ним погреться в метель:

– *Может, с дороги чаю покушаете?* – спросила дьячиха (АЧТ₁ – В. Б.).

– *Куда тут чаи распивать!* – нахмурился почтальон (АЧТ₂ – В. Б.). – *Надо вот скорее греться да ехать, а то к почтовому поезду опоздаем. Минут десять посидим и поедем. Только вы, сделайте милость, дорогу нам покажите...*

5. *Наказал бог погодой!* – вздохнула дьячиха (АЧТ₁ – В. Б.).

6. *М-да... Вы же сами кто тут будете?*

7. *Мы? Тутошние, при церкви... Мы из духовного звания... **Вон мой муж** (МН. – В. Б.) **лежит! Савелий, встань же, иди поздоровайся!** Тут прежде приход был, а года полтора назад его упразднили. Оно, конечно, когда господа тут жили, то и люди были, стоило приход держать. <...> **Теперь Савелий** (МН. – В. Б.) **защитный и... заместо сторожа. Ему споручено за церковью глядеть...***

*И почтальон (АЧТ₂ – В. Б.) тут же узнал, что если бы Савелий (МН. – В. Б.) поехал к генеральше и выпросил у нее записку к преосвященному, то ему дали бы хорошее место; не идет же он к генеральше потому, что **ленив и боится людей.***

8. *Все-таки мы духовного звания... – добавила дьячиха (АЧТ₁ – В. Б.).*

9. *Чем же вы живете?* – спросил почтальон (АЧТ₂ – В. Б.).

10. *При церкви есть сенокос и огороды. Только нам от этого мало приходится... – вздохнула дьячиха*

(АЧТ₁ – В. Б.). – Дядькинский отец Никодим, завидующие глаза, служит тут на Николу летнего, да на Николу зимнего и за это почти все себе берет. Заступиться некому!

11. ***Врешь!** – прохрипел Савелий. – **Отец Никодим святая душа, светильник церкви, а ежели берет, то по уставу!***

12. ***Какой он** (Савелий, МН. – В. Б.) **у тебя сердитый!** – усмехнулся почтальон (АЧТ₂ – В. Б.). – **А давно ты замужем?***

13. *С прощенного воскресенья четвертый год пошел. Тут прежде в дьячках мой папенька были, а потом <...> они, чтоб место за мной осталось, поехали в консисторию и попросили, чтоб мне какого-нибудь неженатого дьячка в женихи прислали. Я и вышла.*

***Ага, стало быть, ты** (Савелий, МН. – В. Б.) **одной хлопнушкой двух мух убил!** – сказал почтальон (АЧТ₁ – В. Б.), **глядя на спину Савелия** (МН. – В. Б.). – **И место получил, и жену взял** [Чехов, 1986, с. 119-128].*

В исследуемом речевом произведении, как видим, все члены триады принимают активное участие в продуцировании диалога. Однако, как отмечалось ранее, если два коммуниканта – дьячиха Раиса Ниловна (АЧТ₁) и почтальон (АЧТ₂) – являются полноправными АЧТ, то третий участник данной триады, дьячок Савелий Гыкин, в начале диалога является эксплицитным МН, к которому сначала обращается его жена: «Савелий, встань же,

иди поздоровайся!», затем к Савелию (МН) обращается и второй коммуникант, почтальон (АЧТ₂): *«Ага, стало быть, ты одной хлопнушкой двух мух убил! – сказал почтальон (АЧТ₂ – В. Б.), глядя на спину Савелия (МН. – В. Б.). – И место получил, и жену взял»*. Далее, как видим, не соглашаясь с тем, что говорит его жена (АЧТ₁), дьячок Савелий Гыкин (МН) сам реагирует на сказанное ею: *«Врешь! <...> Отец Никодим святая душа, светильник церкви, а ежели берет, то по уставу!»*, та-

ким образом, превращаясь в еще одного коммуниканта, АЧТ.

Итак, отличительным признаком данной триады является то, что МН, в присутствии которого два АЧТ ведут разговор, превращается в еще одного АЧТ, поскольку Савелий (МН) выражает свое несогласие с тем, что говорит его жена дьячиха Раиса Ниловна (АЧТ₁).

Схему анализируемого диалога в триаде с эксплицитным МН представим следующим образом на рисунке 2:

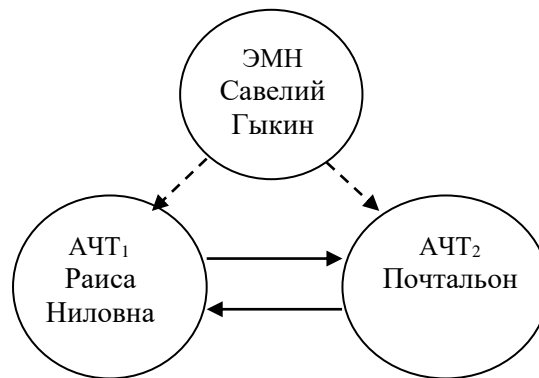

Рис. 2. Схема триады из рассказа «Ведьма» А. П. Чехова

В исследуемом диалоге терциарной речи, как видим, альянс не наблюдается, каждая из сторон триадного диалога – АЧТ₁, АЧТ₂ и МН – выступает в качестве самостоятельного и суверенного участника акта коммуникации.

Диалогический дискурс терциарной речи представляет собой одну из основных форм контактного взаимодействия (общения) коммуникантов (АЧТ) – адресанта и адресата – и представляет собой связ-

ный текст, обусловленный конкретной коммуникативно-речевой ситуацией и обращенный к реципиенту. В настоящей работе исследуется аспект социальной регуляции деятельности партнера по диалогу, социально-психологический и прагматический аспекты диалога терциарной речи.

Считаем необходимым отметить, что в последние десятилетия ученые проявляют интерес к различным аспектам общения [Бабаян,

2016, 2018; Карпенко, 1985; Кузьмина, 1987; Купцов, 2022; Мельникова, 2022; Стернин, 2001; Тюкина, 2021, 2022; Школьник, 1974, 1975]. Общение, по справедливому мнению большинства исследователей, есть взаимный обмен информацией, внутренним психическим содержанием, т. е. это всегда двусторонний процесс [Кузьмина, 1987]. Интерес к проблеме общения ученые связывают с новым подходом, который вытекает из общепсихологической теории деятельности [Асмолов, 1996, с. 535]. Идея этого подхода в том, что «...анализ деятельности и сознания неизбежно приводит от традиционного для эмпирической психологии эгоцентрического, «птолемеевского» понимания человека в пользу понимания «коперниковского», рассматривающего человеческое «Я» как включенное в общую систему взаимосвязи людей в обществе» [Леонтьев, 1975, с. 229]. Личность сама творит себя в деятельности. Общение – «специфическая форма взаимодействия людей в процессе их познавательно-трудовой деятельности» [Горелов, 1998, с. 233; Кольцова, 1985, с. 12], оно является условием социализации человека как личности.

Интересно, как коммуниканты регулируют свое речевое и невербальное поведение в процессе акта коммуникации (диалога) в присутствии молчащего наблюдателя (МН). В связи с этим отметим, что в начале 30-х гг. П. К. Анохин го-

ворил о так называемой *саморегуляции поведения* и впоследствии разработал представление о механизме «акцептора действия». Акцептор действия (от лат. *acceptor* – принимающий) – психологический механизм прогнозирования и оценки результатов *действия* в функциональных системах [Анохин, 1978]. В терминах функциональных систем возможно описание природных, общественных и психологических явлений. Из этого следует, что и речевая деятельность подвергается описанию [Белоусов, 2005].

Термин «*саморегуляция поведения*» подразумевает сложную деятельность организма по его адаптации, которая обеспечивает его приспособительный эффект [Лурия, 1963]. Таким образом, можем заключить, что понятие «человек – *саморегулирующаяся система*», введенное П. К. Анохиным, может иметь более широкое применение.

Так, психолингвистика изучает речь как деятельность одного человека, производящего высказывания-реплики, и другого – партнера по общению – как пассивного получателя сообщения (речи). Однако речевое общение представляет главным образом социальное взаимодействие. В речевом общении различают *социальное взаимодействие* партнеров по диалогу и *речевую коммуникацию*. Социальное взаимодействие – это активность коммуникантов по регуляции и координации их совместного взаимодействия.

Ориентация в партнере по диалогу и в конкретной коммуникативно-речевой ситуации особенно на начальном этапе акта коммуникации осуществляется при помощи *языковых, паралингвистических, кинесических, проксемических средств*. Для ориентации в адресате в процессе общения служит система обращений. Система обращений предназначена для установления социальных отношений между членами конкретного акта коммуникации. Однако отметим, что для носителей разных языков система обращений национально специфична.

Ориентация в партнере по диалогу осуществляется по статусу собеседника (полу, возрасту, национальной принадлежности, образованию, профессии), что обуславливает выбор языка и выбор языкового кода в процессе акта коммуникации. В процессе общения участники диалога могут эксплицитно и имплицитно указывать партнеру по диалогу на знаки своего статуса, могут корректировать гипотезы о социальных характеристиках друг друга [Бодалев, 1970; Школьник, 1974, 1975] и продолжать диалогическое общение с учетом предпринятой коррекции.

Выводы

Итак, можем заключить, что общение представляет собой такое социальное взаимодействие, слож-

ный коммуникативный феномен, в процессе которого наиболее четко и полно проявляется человек, когда он постоянно ориентируется на адресата и присутствующего при их разговоре молчащего третьего лица и в соответствии с их реакцией модифицирует свое поведение. Молчащий наблюдатель, представляя собой значительный и неотъемлемый компонент определенного диалога терциарной речи, в различной степени воздействует на процесс коммуникативного акта. Молчащий наблюдатель (МН) своим присутствием при разговоре коммуникантов (АЧТ) придает триадному диалогу терциарной речи особые, присущие только диалогу в триаде, характеристики, фактом своего присутствия при разговоре коммуникантов (АЧТ) молчащий наблюдатель модифицирует содержание и форму диалога. Поэтому считаем неправомерным не учитывать присутствие молчащего наблюдателя (МН) при двустороннем акте коммуникации. Учет роли третьего пассивного участника при анализе триадного диалога дает возможность получить новые знания о различных аспектах диалога терциарной речи, представляет исключительно новый подход в теории диалога и более объективный взгляд на суть диалога терциарной речи в присутствии молчащего наблюдателя (МН).

Библиографический список

1. Анохин П. К. Философские аспекты теории функциональной системы. Избр. труды. Москва : Наука, 1978. 400 с.
2. Асмолов А. Г. Культурно-историческая психология и конструирование миров. Москва-Воронеж : МОДЭК, 1996. 768 с.
3. Бабаян В. Н. Психолингвистические особенности диалогического дискурса терциарной речи в присутствии эксплицитного молчащего третьего лица // Иностранные языки в высшей школе : научный журнал. 2016. Вып. 4 (39). С. 25–33.
4. Бабаян В. Н. Молчащий наблюдатель как неотъемлемый участник в диалогическом дискурсе терциарной речи // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 1. С. 91-96.
5. Белоусов К. И. Введение в экспериментальную лингвистику / К. И. Белоусов, Н. А. Блазнова. Москва : Флинта : Наука, 2005. 136 с.
6. Бодалев А. А. Восприятие человека человеком. Ленинград : Изд-во Ленинградского университета, 1970. 199 с.
7. Горелов И. Н. Коммуникация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева 2-е изд. Москва : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 233.
8. Коллектив. Личность. Общение: Словарь социально-психологических понятий / Под ред. Е. С. Кузьмина и В. Е. Семенова. Ленинград : Лениздат, 1987. 144 с.
9. Кольцова В. А. Разработка психологических проблем общения в трудах В. М. Бехтерева // Психологические исследования общения. Москва : Наука, 1985. С. 6-24.
10. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко ; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. Москва : Политиздат, 1985. 431 с.
11. Купцов А. Е. Дискурсивные частицы в художественном тексте: коммуникативно-прагматический и лингвокультурный аспекты. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 183 с.
12. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. Москва : Политиздат, 1975. 304 с.
13. Лурия А. Р. Мозг и психические процессы. Москва : Педагогика, 1963. 496 с.
14. Мельникова К. А. Различные типы дискурса в современном языкознании: монография / К. А. Мельникова, Л. А. Тюкина. Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2022. 160 с.
15. Стернин И. А. Введение в речевое воздействие. Воронеж : Изд-во Воронежского государственного университета, 2001. 252 с.
16. Тюкина Л. А. Юмористический диалогический дискурс в современном языкознании: определение и основные характеристики // Казанская наука. 2021. № 3. С. 120-124.
17. Тюкина Л. А. Юмор в педагогическом диалогическом дискурсе // Язык и общество. Диалог культур и традиций : сборник материалов научной конференции, Ярославль, 01–31 марта 2022 года. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2022. С. 92-101.
18. Харченко В. К. «Белые пятна» на карте современной лингвистики: книга рисков. Москва : Изд-во Литературного института им. А. М. Горького, 2008. 168 с.

19. Чехов А. П. Дачники // Избранные сочинения в двух томах. Том первый. Москва : Художественная литература, 1986. С. 71-72.
20. Чехов А. П. Ведьма // Избранные сочинения в двух томах. Том первый. Москва : «Художественная литература», 1986. С. 119-128.
21. Школьник Л. С. Место речевого социального символизма в системе социальной регуляции поведения коммуникантов // Аспекты лингвистического анализа (на материале языков разных систем). Москва : ИЯ АН СССР, 1974. С. 47-55.
22. Школьник Л. С. Социальный символизм и педагогическая техника // Воспитание, обучение и развитие школьников : сборник научных трудов. Москва : НИИ ОП, 1975. С. 97.

Reference list

1. Anohin P. K. Filosofskie aspekty teorii funkcional'noj sistemy. Izbr. trudy.= Philosophical aspects of the functional system theory. Selected works. Moskva : Nauka, 1978. 400 s.
2. Asmolov A. G. Kul'turno-istoricheskaja psihologija i konstruirovanie mirov. = Cultural-historical psychology and the construction of worlds. Moskva-Voronezh : MODJeK, 1996. 768 s.
3. Babajan V. N. Psiholingvisticheskie osobennosti dialogicheskogo diskursa terciarnoj rechi v prisutstvii jeksplicitnogo molchashhego tret'ego lica = Psycholinguistic specifics of dialogic discourse in tertiary speech in the presence of an explicit silent third party // Inostrannye jazyki v vysshej shkole : nauchnyj zhurnal. 2016. Vyp. 4 (39). S. 25-33.
4. Babajan V. N. Molchashhij nabljudatel' kak neot#emlemyj uchastnik v dialogicheskom diskurse terciarnoj rechi = The silent observer as an integral participant in tertiary dialogic discourse // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2018. № 1. S. 91-96.
5. Belousov K. I. Vvedenie v jeksperimental'nuju lingvistiku = Introduction to experimental linguistics / K. I. Belousov, N. A. Blaznova. Moskva : Flinta : Nauka, 2005. 136 s.
6. Bodalev A. A. Vosprijatie cheloveka chelovekom = A perception of man by man. Leningrad : Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1970. 199 s.
7. Gorelov I. N. Kommunikacija = Communication // Jazykoznanie. Bol'shoj jenciklopedicheskij slovar' / Gl. red. V. N. Jarceva 2-e izd. Moskva : Bol'shaja Rossijskaja jenciklopedija, 1998. S. 233.
8. Kollektiv. Lichnost'. Obshhenie: Slovar' social'no-psihologicheskikh ponjatij = Group. Personality. Communication: Dictionary of socio-psychological concepts / pod red. E. S. Kuz'mina i V. E. Semenova. Leningrad : Lenizdat, 1987. 144 s.
9. Kol'cova V. A. Razrabotka psihologicheskikh problem obshhenija v trudah V. M. Behtereva = Developing psychological problems of communication in the works of V. M. Bekhterev // Psihologicheskie issledovanija obshhenija. Moskva : Nauka, 1985. S. 6-24.
10. Kratkij psihologicheskij slovar' = Concise dictionary of psychology / sost. L. A. Karpenko; Pod obshh. red. A. V. Petrovskogo, M. G. Jaroshevskogo. Moskva : Politizdat, 1985. 431 s.

11. Kupcov A. E. Diskursivnye chasticy v hudozhestvennom tekste: kommunikativno-pragmaticheskij i lingvokul'turnyj aspekty = Discursive particles in a literary text: communicative-pragmatic and linguocultural aspects . Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2022. 183 s.
12. Leont'ev A. N. Dejatel'nost'. Soznanie. Lichnost' = Activity. Mind. Personality. Moskva : Politizdat, 1975. 304 s.
13. Lurija A. R. Mozg i psihicheskie processy = Brain and psychic processes. Moskva : Pedagogika, 1963. 496 s.
14. Mel'nikova K. A. Razlichnye tipy diskursa v sovremennom jazykoznanii = Different types of discourse in modern linguistics : monografija / K. A. Mel'nikova, L. A. Tjukina. Jaroslavl' : Izd-vo JaGTU, 2022. 160 s.
15. Sternin I. A. Vvedenie v rechevoe vozdejstvie = Introduction to speech impact. Voronezh : Izd-vo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta, 2001. 252 s.
16. Tjukina L. A. Jumoristicheskij dialogicheskij diskurs v sovremennom jazykoznanii: opredelenie i osnovnye harakteristiki = Humorous dialogic discourse in modern linguistics: definition and main characteristics // Kazanskaja nauka. 2021. № 3. S. 120-124.
17. Tjukina L. A. Jumor v pedagogicheskom dialogicheskom diskurse = Humor in pedagogical dialogic discourse // Jazyk i obshhestvo. Dialog kul'tur i tradicii : sbornik materialov nauchnoj konferencii, Jaroslavl', 01–31 marta 2022 goda. Jaroslavl': RIO JaGPU, 2022. S. 92-101.
18. Harchenko V. K. «Belye pjatna» na karte sovremennoj lingvistiki: kniga riskov = “White spots” on the map of modern linguistics: a book of risks. Moskva : Izd-vo Literaturnogo instituta im. A.M. Gor'kogo, 2008. 168 s.
19. Chehov A. P. Dachniki = Dacha residents // Izbrannye sochinenija v dvuh tomah. Tom pervyj. Moskva : Hudozhestvennaja literatura, 1986. S. 71-72.
20. Chehov A. P. Ved'ma = The witch // Izbrannye sochinenija v dvuh tomah. Tom pervyj. Moskva : «Hudozhestvennaja literatura», 1986. S. 119-128.
21. Shkol'nik L. S. Mesto rechevogo social'nogo simbolizma v sisteme social'noj reguljacii povedenija kommunikantov = The place of speech social symbolism in the system of social regulation of communicators' behavior // Aspekty lingvisticheskogo analiza (na materiale jazykov raznyh sistem). Moskva : IJa AN SSSR, 1974. S. 47-55.
22. Shkol'nik L. S. Social'nyj simbolizm i pedagogicheskaja tehnika = Social symbolism and pedagogical technique // Vospitanie, obuchenie i razvitie shkol'nikov : sbornik nauchnyh trudov. Moskva : NII OP, 1975. S. 97.

Статья поступила в редакцию 23.09.2023; одобрена после рецензирования 20.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted on 23.09.2023; approved after reviewing 20.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Научная статья
УДК 811.111.8
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_69
EDN QKZDPL

Русский язык в свете молодежного рунглиша

Елена Евгеньевна Хазимуллина

Кандидат филологических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Россия, г. Уфа
ElenaKhazimullina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6572-6695>

Аннотация. С ростом числа экономических, политических и культурных контактов под влиянием тенденции к глобализации мира усиливается и воздействие английского языка на многие другие языки, в том числе русский. Русскоязычная речь современных российских школьников, в частности сленговая, жаргонная и разговорная, насыщена огромным количеством англицизмов; формируется русско-английский пиджин, рунглиш. Англицизмы, которые используют школьники, входят в русский язык, образуют в нем производные слова, обрастают грамматическими формами, развивают новые лексические значения. При этом речь молодежи не только отражает актуальные тенденции, она способствует расшатыванию норм, задает новые языковые вкусы. Чрезмерное использование англицизмов в русской речи засоряет ее и может сказаться на состоянии и развитии языка. Необходимо отметить, что многие школьники не видят взаимосвязи между широтой использования англицизмов и изменениями контактирующих при этом языков. Вхождение англицизмов в речь российских школьников становится интенсивнее с их возрастом под влиянием изучения английского языка, а также тесных международных контактов, в том числе в интернете, компьютерных играх, социальных сетях. Среди специфических причин воздействия английского языка на другие языки, и в частности русский, ученые называют мировое лидерство США во многих сферах современной жизни, ориентацию молодых людей России на западную культуру, стиль жизни, моду, пропаганду. Таким образом, английский язык выполняет в глобализации мира роль «мягкой силы», снижает национальную безопасность России и жизнеспособность русского языка.

Ключевые слова: русский язык; рунглиш; заимствования; молодежный жаргон; пиджин; культура речи; экстра-, интралингвистические факторы; мотивация

Благодарности: автор статьи выражает благодарность студентам 1 курса профиля «Перевод и переводоведение (английский, немецкий и французский языки)» БГПУ им. М. Акмуллы, участвовавшим в сборе фактического материала, а также Г. М. Хазимуллину, который под руководством учителя английского языка И. Н. Хариной, провел опрос среди школьников г. Уфы, активно участвовал в получении, обработке и анализе статистических данных.

© Хазимуллина Е. Е., 2023

Для цитирования: Хазимуллина Е. Е. Русский язык в свете молодежного рунглиша // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 69-86. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_69. <https://elibrary.ru/QKZDPL>.

Original article

Russian language in the light of youth runGLISH

Elena E. Khazimullina

Candidate of philological sciences, associate professor, Bashkir state pedagogical university n.a. M. Akmulla, Russia, Ufa

ElenaKhazimullina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6572-6695>

Abstract. With the growing number of economic, political and cultural contacts and under the influence of the trend towards globalization of the world, the impact of the English language on many other languages including Russian is also increasing. Modern Russian schoolchildren's speech, in particular slang, jargon and colloquial speech, is filled with a large number of anglicisms; a Russian-English pidgin, RunGLISH, is being formed. Anglicisms used by schoolchildren enter the Russian language, form derivative words in it, develop grammatical forms, add new lexical meanings. At the same time, young people's speech not only reflects current trends, it contributes to loosening the norms and sets new linguistic tastes. Excessive use of anglicisms in Russian speech litters it and can affect the condition and development of the language. It should be noted that many schoolchildren do not see the connection between the wide use of anglicisms and the changes in the contacting languages. The penetration of anglicisms into the speech of Russian schoolchildren becomes more intensive as they grow older, due to studying English, as well as close international contacts via the Internet, computer games, and social networks. Among specific reasons for the impact of English on other languages, and Russian in particular, scientists name the US world leadership in many spheres of modern life, the trend of young people in Russia towards Western culture, lifestyle, fashion, and propaganda. Thus, the English language plays the role of "soft power" in the world globalization, reduces Russia's national security and the viability of the Russian language.

Key words: the Russian language; RunGLISH; borrowings; youth jargon; pidgin; speech culture; extra-, intralinguistic factors, motivation

Acknowledgments: the author of the article expresses gratitude to the 1st year students of the "Translation and Translation Studies (English, German and French languages)" BSPU named after M. Akmulla, who participated in the collection of factual material, as well as G. M. Khazimullina, who, under the guidance of English teacher I. N. Kharina, conducted a survey among schoolchildren in Ufa, actively participated in obtaining, processing and analyzing statistical data.

For citation: Khazimullina E. E. Russian language in the light of youth runGLISH. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 69-86. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_69. <https://elibrary.ru/QKZDPL>.

Введение

Языковое и культурное многообразие – важнейшие ценности цивилизованного мира, в том числе России [Стратегия государственной...]. При этом важно понимать, что сохранение языков, их реальная жизнеспособность зависит от множества социальных, политических, экономических, культурных, собственно языковых и других факторов. Многим носителям современного русского языка, не только молодежи, но и взрослому населению, представляется, что «великому и могучему» ничего угрожать не может, он существует довольно давно и будет жить вечно (см. дискуссию в [Будут ли говорить ... , 2014]). Однако языковое развитие совершается по определенным законам, незнание или сознательное игнорирование которых способно изменить реальность. Кроме того, государственная и национальная безопасность страны коррелирует с культурно-языковой безопасностью.

Методы исследования

В исследовании текущей ситуации применялись методы наблюдения над языковым и речевым материалом, лексико-семантического, компонентного, контекстуального, дискурсивного анализа, социолингвистического опроса (задействовано 43 респондента), научной классификации и статистической обработки данных.

Результаты исследования

Взаимовлияние русского и английского языков имеет давнюю

историю. Не только в русский язык входят англицизмы, английский язык также заимствует русские наименования: *cosmonaut* «космонавт», *cosmodrome* «космодром», *space ship* «космический корабль», *sputnik* «спутник» (отсюда *protestnik*, *folknik*, *beatnik*), *lunokhod* «луноход», *intelligentsia* «интеллигенция», *new thinking* (*novoye miishleniye*) «новое мышление», *poshlost* «пошлость», *nadryv* «надрыв», *toska* «тоска», *hamstvo* «хамство», *bab'ushka* «бабушка» → «шарф / головной платок, завязываемый под подбородком так, как его традиционно носили русские женщины» [Русский язык ... , 2021, с. 105-108]. Взаимообогащение культур и языков, несомненно, продуктивный процесс: нельзя описать чужую культуру исключительно средствами своего языка; есть и другие объективные причины заимствований, они хорошо описаны лингвистикой [Крысин, 1996, с. 145]. Вместе с тем последствия языковых контактов могут быть различными: в том числе конвергентное развитие взаимодействующих языков, образование вспомогательных «общих» языков, языковая ассимиляция, то есть исчезновение одного из контактирующих языков [Общее языкознание, 1970, с. 285].

Англицизмы и американизмы в русский язык начали входить давно, очевидно, что в конце XX-XXI вв. их приток стал лавинообразным. При этом значительным изменениям под-

вергается не только лексическая система современного русского языка (*получайте кэшбэк, боновые за-граждения, культурный кластер, заниматься активностями, участие в краудсорсинг-проекте, в один клик*), но и грамматика, способы выражения грамматических значений (*аппетит+рецепт, бизнес+консультант, онлайн+покупки; изменение расписания → изменение в расписании, возможность влияния → возможность влиять, ста двадцати трех → в количестве сто двадцать три; из города Новосибирска → из города Новосибирск*), графика (*talk-шоу, vip-зал*); меняются интонационные конструкции, коммуникативно-речевые модели (называние человека по имени, а не по имени-отчеству, внедрение в практику делопроизводства семантических калек: *свидетельство об изменении фамилии → свидетельство о перемене имени*); нарушаются стилистические нормы в СМИ, рекламных текстах, интернет-пространстве, нарастает давление политики «культурной глобализации» в языке науки, см. [Мурашко, 2019, с. 82-84; Русский язык ... , 2021, с. 56-62, 68]. Подобные глубинные изменения беспокоят специалистов.

О снижении жизнеспособности русского языка свидетельствуют статистические данные: если к концу XX в. русский язык занимал 2 место в мире [Будут ли говорить ... , 2014, с. 23], то сейчас, согласно исследованию ГИРЯ им. А. С. Пушкина, он находится

на 8, существенно уступая английскому языку по числу носителей: 258 млн человек против 1 348 млн. Индекс конкурентоспособности русского языка – 2,86 (5-е место в мире), в то время как английский язык – безусловный лидер по этому показателю. Сильные позиции русскому языку обеспечивают научные публикации, статус в международных организациях, а также доля русскоязычных интернет-сайтов [Индекс положения ... , 2022, с. 8, 18, 21]. Индекс энтропии русского языка – 0,705, английского – 1,166 [Русский язык ... , 2021, с. 37]. Несмотря на повышение юридического статуса русского языка в России («Государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык как язык государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации», п. 1 ст. 68 Конституции РФ), происходит сужение его функций в мире, а также снижение престижа на постсоветском пространстве [Русский язык ... , 2021, с. 21]. Итак, если русский язык – мировой, международный, то английский является глобальным, несмотря на то, что статус мирового он приобрел лишь к 60-м гг. XX в. [Замятин, 2012, с. 28; Русский язык ... , 2021, с. 13].

Необходимо подчеркнуть, что такое положение вещей не является результатом исключительно естественного развития. Исследователи отмечают, что молодежь в XXI в.

стала лояльнее относиться к заимствованиям, чем предыдущие поколения россиян; Н. Ф. Михеева в качестве одной из причин этого называет мощную пропаганду изучения английского языка (по [Рассказова, 2020, с. 104]). В качестве факторов влияния английского языка на другие языки, в том числе русский, ученые приводят также: а) мировое лидерство США во многих сферах современной жизни; б) ориентацию молодых людей России на западную культуру, стиль как более престижные, модные; в) возможность перевода культурного капитала английского языка в материальный [Русский язык ... , 2021, с. 26], экономический (требование работодателей, издателей, политики) и др. В итоге «ценностно-мотивационный рейтинг» русского языка оказывается резко сниженным [Кушнир, 2001]. Авторы монографии «Как и зачем сохранять языки народов России?» считают, что «в основе утраты языков и ослабления сообществ их носителей» лежит глобализация [Замятин, 2012, с. 36]. В этом процессе английский выступает так называемым «языком мягкой силы», утверждающим западные стандарты и обеспечивающим США мировую гегемонию [Мурашко, 2019, с. 82-84]. Как отмечает А. В. Величко, «здесь речь идет уже о влиянии языка на общество (а не жизни общества на язык)» [Русский язык ... , 2021, с. 78, 56-62]. Возможно, имеет смысл пересмотреть закрепившийся в общественном сознании россиян сте-

реотип о том, что русскому языку ничего не угрожает.

Современный русский язык представлен различными функционально-стилистическими, территориальными и социальными вариантами, которые в той или иной степени испытывают на себе влияние английского языка. Больше всего подвержен такому воздействию молодежный жаргон, тесно взаимодействующий не только с другими социальными диалектами, но и с разговорной подсистемой, а также с литературным языком. Многие школьники изучают английский язык с 1 класса, некоторые начинают его освоение еще в дошкольный период. Средства английского языка активно заимствуются подростками через компьютерные игры, киноиндустрию, интернет, межкультурную коммуникацию в разнообразных мессенджерах и социальных сетях. Не удивительно, что в речи молодежи так много англицизмов: *гуглить* < *to google* «искать информацию, пользоваться поисковой системой Google»; *юзать* < *to use* «использовать»; *пошерить* < *to share* «делиться»; *аскать* < *to ask* «спрашивать»; *кринж* < *to cringe* «съеживаться от отвращения, стыдиться» → 'испытывать стыд за кого-л.'; *краш* < от *crush* «предмет обожания, любви»; *трабл* < *trouble* «проблема, неприятность, ошибка»; *трэш* < *trash* «мусор, хлам, дрянь, ерунда» → 'что-то, выходящее за пределы привычного, нормального; что-л. уди-

вительное, шокирующее, неприемлемое'; *мьюч* < *mutual* «взаимно» → 'близкий человек в сети, друг'; *альт* < *alt* – сокращение от «альтернативный» → 'подростки, которые отходят от стандартов, не такие, как все'; *киннить* < *to kin* «родниться с кем-л.» → 'ассоциировать, идентифицировать себя с кем-л.'; *думер* < *doom* «гибель, судьба, рок, обречённость», *доотер* «обречённый» → 'депрессивный человек, который не видит перспектив в своём будущем и не пытается ничего изменить в настоящем' и мн. др.

Естественное развитие молодежного жаргона имеет свои нормы (см. [Хазимуллина, 2009b; Пучинина, 2021; Цибилова, 2021]), однако процесс глобализации вносит в него коррективы – с учетом массовости англоязычных заимствований можно констатировать, что в речи молодежи формируется особый, смешанный язык – рунглиш (Runglish), русско-английский пиджин, который удовлетворяет множество специфических потребностей школьников и студентов, но имплицитно выступает средством дезинтеграции поколений в России и способствует снижению функциональных возможностей, а в перспективе – жизненной силы русского языка. Е. Г. Ножевникова и С. Б. Формозов подчеркивают, что «при наличии социальных и политических условий» пиджин может становиться родным языком для местного населения, постепенно

превращаясь в самостоятельный креольский язык, обслуживающий «все необходимые коммуникативные ситуации», а затем – и в литературный язык. Спектр распространения рунглиша уже сейчас «достаточно велик: спорт, книги, интернет, пресса, реклама и многое другое», и это не проходит бесследно [Языковая политика ... , 2018, с. 135-136, 139].

По нашим наблюдениям, русскоязычная речь современной молодежи России в неофициальных ситуациях общения, в частности сленговая, жаргонная, насыщена огромным количеством англицизмов, например: «*Агрите вражеских крипов на своего ренджевого крипа, чтобы заденаить его. В то же время старайтесь добить ренджевого крипа спеллом. Ренджевой крип – самый ценный, за него дают больше золота и опыта. Посмотрите, как сыграл в этом моменте Нун: добил ренджевика с помощью Tornado; заагрил крипов на своего ренджевика; добил второго ренджевика с помощью Cold Snap*». Причем активное использование подобной лексики характерно не только для тех, кто играет в компьютерные игры, англицизмы являются высокочастотными элементами в обыденных, разговорно-обиходных, и других контекстах: *Го сегодня на площадку!; Где твой амбrella?; Ты идешь на пати?; Врубил стрим и чиллишь себе!; Не люблю селфиться; У меня муд потусить; Это такой кринж!; Пора*

ливнуть с проекта; Донат на гамбургер; Я крутая, а вы все ну-бы!; Омг эти реблоги в тамблере; я совсем недавно открыла твич, до этого стримила на других площадках; сори за офтоп и т. д. Заимствование лакун в языке в отсутствие исконных аналогов или же необходимых оттенков значений существующих слов является главной внутриязыковой причиной заимствований. Однако следует констатировать, что молодежь использует и довольно много варваризмов, засоряющих русскую речь, закрепляющихся не только в устной, но и в письменной коммуникации. Так, легко могут быть заменены русскими аналогами: *респект (respect) – уважение; спикер (speaker) – говорящий, докладчик; муд (mood) – настроение; чекать*

(to check) – проверять; нуб (newbie) – новичок; саппорт (support) – поддержка; ливнуть (to leave) – уйти; инвайт (invitation) – приглашение; го (go) – идём, пойдём и т. п. единицы.

Является ли большое количество англицизмов следствием исключительно недостаточного уровня культуры речи школьников и студентов? Не всегда. Немаловажный фактор заимствований – краткость англоязычных средств номинации, а также необходимость сокрытия смысла речи от непосвященных, в том числе взрослых, что традиционно присуще молодежному жаргону, как и усиление экспрессии высказываний, стремление к новизне. Это вполне осознают опрошенные нами учащиеся 7 и 10 классов (см. табл. 1).

Таблица 1.

В каких ситуациях и для чего Вы используете иноязычные слова?

Ситуации	Цели
<ul style="list-style-type: none"> • в неформальном общении молодежи: со сверстниками, друзьями, близкими (разговоры, переписка); • в сетевых, компьютерных играх, в соцсетях TikTok, Twitter; • с людьми из разных стран, в т. ч. при прослушивании музыки; • для дискуссий в некоторых, определенных группах по интересам; • некоторые слова – в общении с родителями; • в повседневной жизни, в общении; • всегда 	<ul style="list-style-type: none"> • для взаимопонимания; • чтобы взрослые не поняли; • для сокращения, в том числе для скорости в компьютерных играх, переписке; • для изучения английского языка; • для прикола; • чтобы общаться с современными людьми и понимать, о чем они говорят; • чтобы описать ситуацию, чтобы выразить более точно и ёмко многие понятия, а эмоции – более ярко

Ответы «всегда», «для взаимопонимания» и «чтобы общаться с современными людьми и понимать, о чем они говорят», указывают на широту применения смешанного, русско-английского языка, а также на глубину «языкового сдвига», являющегося результатом действия экстралингвистических факторов [Кондрашкина, 2022, с. 3306]. Американизация – длительный процесс, затронувший все сферы жизнедеятельности российского общества. Уже ассоциативный эксперимент, который мы проводили в 2009 г. в массовой студенческой среде, выявил в сознании билингвов и полилингвов Башкортостана особые межъязыковые парадигмы, в которых англицизмы были представлены как «термины смешанного языка», по Л. В. Щербе: *ярар – айбэт – булһын – ладно – хорошо – о'к – all right; йорт – дом (юрта, изба, хижина, хата, чум) – home, house; китап – книга – book* и т. п. [Хазимуллина, 2009а, с. 218]. Можно ожидать, что подобных парадигм сейчас стало больше, число их элементов расширилось.

В текущем нашем исследовании из 107 задействованных в опросе англоязычных слов и выражений, нет таких, которые не знали бы и не употребляли уфимские школьники. Десятиклассники в большей степени используют единицы, связанные с поиском, распространением, достоверностью и манипулятивностью информации (*гаджет, газлайтинг, гуглить, ивент, кликбейт, мейнст-*

рим, подкаст, пруфы, расфорсить, ремейк, свайп, стрим, трафик, фул хайп, чекать, чекнуть, форс, юзать), организацией обучения, различных видов деятельности (*бэкграунд, гайд, дедлайн, драйв, комьюнити, конфа, тим, топик, челлендж*), поведением людей, в том числе в сети (*агриться, байтить, гангать, кикнуть, ливать, по дефолту, рандомно, рофлить, чилить*), различным отношением к людям (*броук, крейзи, мьюч, позер, респект, саппорт, хоуми*), самовыражением, настроением (*альт, вуман момент, дед инсайд, думер, муд, селфи, тильт*), отношениями между полами (*абьюзер, бести, краш, милфа, нюдсы, пикап, пикапер, рэд флаг, симп, соулмейт, стэнить / станить, шипперить, шугар дэдди*). Учащиеся 7 классов осваивают прежде всего лексику компьютерных игр (*афк, бан, гаджет, донат, донатить, ивент, инвайт, кикнуть, контр-пик, крип, криповый, ливать, комьюнити, мидер, рандомный, ренджевик, саппорт, сквад, спелл, фармить, хаешка, хэдишот*), а также связанную с особенностями внешности и характера человека, с буллингом (*агрить, альт, биф, лузер, мьютить, токсик, токсичить, рофлить, шеймить, эйджизм*). Девочки и средней, и старшей школы используют англоязычные наименования одежды, макияжа, индустрии продаж, внешнего вида (*боди, виндпруф, лейбл, лонгслив, лук, мейкап, реселл, селфи, худи*). Школьники в целом активно

заимствуют из английского языка названия эмоций и эмоциональной оценки (*думер, краш, кринж, изи, криповый, лол, нуб, симп, позер, токсик, трабл, трэш, хоррор*), лексику «культуры потребления» (*ашкуди* – от названия производителя «HQD», 'электронная сигарета', *флешка* 'электронное устройство для курения', *чилить на вайбе*). Абсолютные лидеры в активном словарном запасе учащихся – слова «рандомный», «рандомно» (< *random* «случайный, произвольный, беспорядочный, выбранный наугад»).

Как показывают результаты данного исследования, рунглиш – это неоднозначное речевое явление. С одной стороны, массовое заимствование англицизмов в русский язык свидетельствует о расширении словарного запаса учащихся за счет активного изучения английского языка, на что указывают также попытки толковать значения англицизмов путем прямого перевода в случаях, если школьники не знают значения жаргонных единиц: *симп* – «просто» (от *simple*). Многие учащиеся верно интерпретируют значения слов, включенных в наш опрос, особенно десятиклассники. Рунглиш выполняет и функцию адаптации англоязычных слов для русскоязычной коммуникации (см. об этом [Шенаева, 2013]. С другой стороны, чрезмерное употребление англицизмов в русской речи засоряет ее и не может не сказываться на состоянии и развитии русского языка.

Англицизмы, которые используют школьники, входят в молодежный жаргон, а через него – и в другие подсистемы русского языка, образуют в нем производные слова, образуют грамматическими формами, развивают новые лексические значения, например: *донат* (< *donate* «жертвовать») – 1) деньги, денежное пожертвование; трата, вклад в игру (покупка внутри приложения); 2) добровольный взнос, пожертвование, спонсирование в целях получения доступа к большому материалу (обычно во «ВКонтакте»); денежная поддержка блогеров на прямых трансляциях; 3) пополнение чьего-л. счета; 4) пончик; *думер* (< *doomer* «обреченный») – 1) человек с депрессией, то же, что *дед инсайд*; 2) депрессивные миллениалы, дети 90-х, с депрессивными взглядами на жизнь; 3) взрослый дед инсайд; *краш* (< *crush* «предмет обожания, любви») – 1) человек, который нравится, в которого влюблен, которого обожаешь; предмет воздыхания; 2) красивый, любимый; 3) идеал второй половинки; 4) влюбленность; 5) человек, который симпатизирует тебе; 6) кумир, знаменитость, которая нравится кому-л., но не знает о его существовании; *кринж* (< *to cringe* «съеживаться, раболепствовать, проявлять раболепный страх») – 1) «испанский стыд» – стыд за поступки других людей; 2) постыдная или неловкая ситуация, момент, за который стыдно; 3) что-то неприятное, странное, некрасивое, ужасное или смешное; 4) то же, что

стрёмный; 5) треш; *муд* (< *mood* «настроение») – 1) настроение, состояние (души); 2) чувство; 3) отношение к ситуации; 4) типичный день, *жиза*; *по дефолту* (< *default* «по умолчанию») – 1) обычно, по-обычному, стандартно; 2) по умолчанию, априори, «на автомате»; 3) стабильно; 4) в шутку, по приколу; *рандомный* (< *random* «случайный, произвольный, беспорядочный, выбранный наугад») – 1) случайный; 2) выбранный случайно, наугад; 3) какой-то, любой; 4) как всегда; *рофлить* (< *Rolling On the Floor Laughing* «кататься по полу со смеху») – 1) смеяться; 2) смеяться до упаду; 3) высмеивать, насмеяться, шутить (иногда грубо), издеваться над кем-л., угорать, стебать, прикалываться; *тильт* (< *tilt* «крен, наклон») – 1) отсутствие настроения, грусть; печальное, расстроенное состояние; 2) быстро проходящая депрессия, в легкой форме; 3) шок; *токсик* (< *toxic* «токсичный, ядовитый») – 1) токсичный, злой, ядовитый человек; 2) неприятный, раздраженный человек; 3) скучный человек; 4) язвительный человек, который высмеивает чужие проблемы, страхи, воздействует на «больные точки», смеется над сокровенным; 5) агрессивный человек; 6) человек, общение с которым напрягает, утомляет; 7) тот, кто вызывает отвращение; 8) то же, что *баран*, *заучка*; *трабл* (< *trouble* «проблема, неприятность, ошибка») – 1) проблема, сложность, трудность; 2) ошибка, неудача, провал, трагедия; 3) плохой,

неприятный человек; *флешка* (< *flash* «миг, мгновение, вспышка») – 1) внешний носитель информации для компьютера, USB-накопитель; 2) световая, ослепительная граната; граната из игры «Контр-Страйк»; 3) электронное устройство для курения; *фулл* (< *full* «полный») – 1) полный, объемный, исчерпывающий; 2) полная версия какого-л. фото, видеозаписи, текста, оригинал; 3) заполнить; *хайн* (< *hype* «шумиха») – 1) что-л. сделанное для пиара, мгновенного привлечения внимания, получения известности, наживы; 2) слава, известность, популярность, шумиха; 3) момент огромной популярности, знаменитости, публичной славы в СМИ; 4) нажива на популярности, обман зрителя; 5) инфоповод; 6) гневные фразы; *чекать* (< *to check* «проверять») – 1) смотреть, проверять; 2) искать информацию; 3) наблюдать, отслеживать; *шипперить* (< *ship < relationship* «отношения» или *shipping* «доставка грузов») – 1) сводить кого-л. с кем-л., выстраивать чьи-л. романтические отношения, сватать людей; 2) представлять каких-л. людей в отношениях, считать их парой; 3) приписывать двум людям любовные отношения, чувства; 4) издеваться над двумя людьми, ложно воображая их парой (толкования составлены с опорой на данные опроса).

Примечательно, что школьники нашей респондентской группы ценят русский язык, знают о его богатстве, красоте и мощи, демон-

стрируют установку на его сохранение. И если учащиеся 7 классов нередко затруднялись ответить на вопрос о последствиях использования рунглиша, то больше половины десятиклассников убеждены в том,

что русский язык никогда не исчезнет, процесс заимствования англицизмов представляется им естественным и безопасным, прогрессивным явлением (см. табл. 2).

Таблица 2.

Может ли русский язык исчезнуть, если англицизмов в нем будет больше?

<i>Ответы школьников</i>		
Нет (17)	Да, может (11)	Уже исчезает (2)
<ul style="list-style-type: none"> • Нет, потому что большинство людей не использует англицизмы • Нет, он неисчерпаем, а это лишь временный жаргонный язык; это молодежный сленг • Русский язык не исчезнет, даже если будет много англицизмов • Русский язык будет жить независимо от количества англицизмов • Русский язык не уйдет, а англицизмы просто являются удобным дополнением к нашему языку • Русский никогда не исчезнет! • Русский язык слишком богат, чтобы его заменить. По-моему, он просто эволюционирует • Все слова заменить англицизмами невозможно 	<ul style="list-style-type: none"> • Язык постоянно изменяется, но останется большой пласт других составляющих языка • Да, может, либо сильно изменится • Да, конечно, «великий, могучий русский язык» обеднится и через какое-то время встанет на путь деградации: от исконно русской речи ничего не останется. Люди забудут про исконно русские слова, что неправильно и недопустимо, потому что именно в языке заключена сила народа, его история. Состояние языка предопределяет дальнейшее развитие народа • Возможно, но, наверное, не только из-за сленга • Возможно, что когда-нибудь будет существовать международный язык, где будет смесь каких-то языков, но мне кажется, что мы не допустим полного исчезновения русского 	<ul style="list-style-type: none"> • Всё-таки происходит деградация и отмирание языка. Теряется культура как языка, так и страны • Русский язык уже частично исчез, потому что поколение «зумеров» часто использует англицизмы

Некоторые учащиеся знают о взаимосвязи между жизнью языка, менталитетом, историческим путем его носителей: *«Люди забудут про исконно русские слова, что неправильно и недопустимо, потому что именно в языке заключена сила народа, его история. Состояние языка предопределяет дальнейшее развитие народа»; «Теряется культура как языка, так и страны».* Часть детей также замечает формирование рунглиша, частично осознает свое участие в этом процессе: *«Самый популярный язык в мире – это английский, так мы учим частые фразы и многие слова в английском, заменяем целые предложения в русском, а это удобно, главное уметь их правильно применять»* (авторская пунктуация сохранена). Вместе с тем они чувствуют свою разобщенность со взрослыми в силу языковых различий: *«Я считаю, что англицизмы сейчас используются подростками, тем самым нарушая связи между поколениями. Взрослые люди начинают чувствовать себя глупо и неловко из-за этого. Поэтому я за то, чтобы русский язык не разлагался. Он очень красивый сам по себе. Дети могут не знать половины русских слов, так что пусть читают отечественную литературу».* Очевидно, что российские школьники нуждаются в просвещении относительно возможных последствий активного смещения языков, а также в повышении уровня своей речевой культуры, пони-

мания включенности языковых процессов в политический дискурс.

В массиве исследованных нами слов и выражений есть такие, которые наиболее ярко свидетельствуют об идеологическом влиянии Запада на менталитет, систему ценностей россиян. Так, в сознании молодежи закрепляются концепты, демонстрирующие популяризацию идеологии потребления и сексуальной свободы (*чилить на вайбе* «отдыхать, бездельничать, тусоваться», *ашкуди* «электронная сигарета», *вейп* «устройство для парения, курения», *флешка* «электронное устройство для курения», *трэш* «жанр кино, в котором много сцен насилия, жестокости», *хорор* «жанр искусства: страшный фильм, страшная игра»; *милфа* «сексуально привлекательная женщина средних лет», *милфхантер* «молодой человек, которого привлекают женщины в возрасте», *нюдсы* «интимные фотографии», *пикап* «знакомство с целью интимной близости», *пикапер* «тот, кто соблазняет девушек, женщин», *стэнить / станить* «быть чьим-л. преданным поклонником, страстным фанатом», *хорни* «сексуально озабоченный человек», *шипперить* «сводить кого-л. с кем-л., сватать людей; приписывать двум людям любовные отношения», *шугар дэдди* «богатый покровитель молодых девушек, «папик»»); индивидуализма, визуальной раскрепощенности, демонстрации успешности (*альт* «альтернативный; подросток, который отходит от стандартов, не такой,

как все», *селфи* «автопортрет; фотографирование самого себя», *стрим* «прямой эфир, трансляция каких-л. действий, событий», *форс* «хвастовство; искусственная раскрутка чего-л.», *хайп* «шумиха, намеренно создаваемый ажиотаж с целью саморекламы, повышения популярности кого- / чего-л.», *челлендж* «вызов; задание, которое выполняет и записывает на видео блогер»); буллинга, «культуры отмены» (*агриться* «злиться, агрессивировать; намеренно раздражать кого-л.», *байтить* «презирать, издеваться, провоцировать, заставлять проявлять агрессию, негативные эмоции», *биф* «вражда между представителями хип-хоп культуры, рэп-исполнителями», *бодишейминг* «стыдить, осуждать кого-л. за его внешний вид; дискриминация по внешнему, непривлекательному виду», *буллинг* «травля, издевательство», *кибербуллинг* «травля, преследование в виртуальном пространстве», *мьютить* «выключить звук, заглушать человека в голосовом чате», *сексизм* «дискриминация по полу», *эйджизм* «дискриминация по возрасту», *токсик* «человек, который высмеивает чужие проблемы, страхи, воздействует на «больные точки», смеется над сокровенным; агрессивный человек; тот, кто вызывает отвращение, то же, что *баран*, *заучка*; человек без эмпатии, склонный вставать в позицию жертвы», *токсичить* «злиться, раздражаться, изливать «яд» на окружающих», *трабл* «плохой, неприятный человек»,

рофлить «высмеивать, насмехаться, издеваться над кем-л.»); феминизма (*абьюз* «домашнее насилие», *абьюзер* «человек, который применяет психологические, физические, экономические методы насилия; манипулятор», *вуман момент* «женский поступок; женская логика; действие, которое понимают только женщины, девушки»; *мизогиния* «ненависть к женщинам, дискриминация женщин», *рэд флаг* «ситуация, на которую стоит обратить внимание, задуматься; изначально о человеке, с которым невозможно построить здоровые отношения», *харассмент* «домогательство, приставание»), депрессии как мироощущения и стиля жизни (*дед инсайд* «мертвый внутри; негативный, хмурый, депрессивный человек», *думер* «депрессивные миллениалы, дети 90-х с депрессивными взглядами на жизнь; взрослый дед инсайд», *тильт* «грусть, печаль; депрессия в легкой и быстрой форме», *факап* «крупная неудача, провал, поражение»). Игра в депрессию, мода на нее, по замечаниям психологов и других специалистов, широко распространены в последние годы в России. В усвоении иноязычной лексики российские подростки демонстрируют традиционную открытость миру и вместе с тем собственную уязвимость (см. наименования, обозначающие состояния и чувства молодых людей, переживающих несовершенство мира, своего тела, духовной организации и не вписывающихся в социальные стандарты,

не защищенных от агрессии). Думается, что данные психологические свойства делают их восприимчивыми к идеологическому влиянию Запада.

Заключение

Н. А. Аверьянова, К. В. Мацюпа, С. Ю. Максимова и др. ученые предостерегают от потери самобытности русского языка в свете американо-английского влияния [Аверьянова, 2014; Мацюпа, 2019]. По мнению Г. М. Литвиновой, «информационно-психологическое воздействие на гуманитарную сферу как важнейшую составляющую духовной идентичности общества таит в себе серьезную опасность» [Литвинова, 2016, с. 284]. Действительно, утрату языка и культуры, нивелирование национальных особенностей менталитета люди склонны рассматривать как экзистенциальную угрозу. С одной стороны, текущие социально-политические процессы в мире не оставляют в этом сомнений. С другой стороны, «защита языка – это условие национальной безопасности и сохранения цивилизационной идентичности» [Русский язык ... , 2021, с. 63].

Важно отметить, что не только на русский язык и Россию воздействует английский язык как фактор «мягкой силы»: сформировались и активно используются спанглиш, денглиш, хинглиш, чинглиш и др. пиджины, которые, по замечаниям лингвистов, разрушают нормы и английского языка, и контактирующих с ним языков.

Е. М. Лазуткина подчеркивает: «активная государственная языковая политика особенно важна в наше время, когда планетарный процесс глобализации, преследующий цель разрушения национальных языков и культур, осуществляет свои планы по определенным программам и каналам воздействия на сферу употребления языка, применяет приемы искусственного формирования отрицательных черт речевой практики» [Русский язык ... , 2021, с. 47]. Направления деятельности «агентов культурной глобализации», с ее точки зрения, – «пропаганда отказа от языковых норм; распространение моды на сниженный стиль речи; отрицание престижности высокого уровня владения языком; отрицание общеупотребительности русского литературного языка» [Замятин, 2012, с. 38]. В свете этого понятно, что уход от глобализации «может оказаться действенным способом сохранения культурной самобытности» [Замятин, 2012, с. 38], языкового многообразия.

Рассуждая о перспективах русского языка, ученые и общественные деятели приводят множество разнообразных, по преимуществу малопредсказуемых обуславливающих факторов. Результат дискуссии, упомянутой в начале нашей статьи, – в 2100 г. будет «совсем другой русский» [Будут ли говорить ... , 2014]. В целом это соответствует направлению естественного языкового развития. Однако нельзя не согласиться с замечания-

ми Е. М. Лазуткиной и других исследователей о необходимости защиты русского языка в текущей геополитической обстановке: «Бездействие дает широкий простор для агрессивной политики...» [Русский язык..., 2021, с. 63]; «...в рамках «русского мира» сегодня должна быть организована универсальная система обеспечения безопасности на лингвокультурной основе, в полном соответствии с национальными интересами государства» [Языковая политика..., 2018, с. 78]; «необходима целенаправленная, последовательная, активная государственная языковая политика,

тщательная разработка мер контроля и регулирования» [Русский язык..., 2021, с. 47]. Вместе с тем важно заниматься широким просвещением носителей русского языка, и, прежде всего, молодежи, разъяснением последствий смешения языков, использования пиджинов, а также повышением уровня речевой культуры, раздельного владения родным и иностранными языками, что невозможно без должного развития культуры мышления, поведения, системы ценностей, в том числе гражданской ответственности россиян.

Библиографический список

1. Аверьянова Н. Н. Рунглиш: модный гибрид или необходимость // Профессиональное образование и общество. 2014. № 1(9). С. 6-13.
2. Будут ли говорить по-русски в 2100 году? Проблема исчезновения языков // Идеи и идеалы. 2014. Т. 1, № 1(19). С. 4-31.
3. Индекс положения русского языка в мире: индекс глобальной конкурентоспособности (ГК-Индекс), индекс устойчивости в странах постсоветского пространства (УС-Индекс). Выпуск 2 / сост. А. Л. Арефьев, А. Р. Голубь, С. Ю. Камышева, И. А. Маев, А. И. Ольховская, М. А. Осадчий, М. Н. Русецкая, А. С. Хехтель; под ред. М. А. Осадчего. Москва: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2022. 60 с.
4. Замятин К. Как и зачем сохранять языки народов России? / К. Замятин, А. Пасанен, Я. Саарикиви. Хельсинки : Vammala, 2012. 180 с.
5. Кондрашкина Е. А. Филологические науки. Языковой сдвиг как результат влияния социальных факторов (на примере финно-угорских языков РФ) // Вопросы теории и практики Philology. Theory & Practice. 2022. Т. 15, Вып. 10. С. 3306-3311.
6. Крысин Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). Москва : Языки русской культуры, 1996. С. 142-161.
7. Кушнир А. Русский язык и безопасность // Народное образование. 2001. № 2. URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2001-2/russkiiy-yazik-i-nacionalnaya-bezopasnost->. (Дата обращения: 22.05.2023).
8. Литвинова Г. М. «С чего начинается Родина?..» О языковой экологии и не только // Русский язык и культура в зеркале перевода. Москва : Высшая школа

перевода (факультет) Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 2016. № 1. С. 284-294.

9. Мацюпа К. В. Рунглиш как феномен языковых контактов / К. В. Мацюпа, С. Ю. Максимова // Языковая и культурная идентичность в цифровую эпоху : коллективная монография / под общ. ред. А. А. Зарайского. Саратов : Амирит, 2019. С. 34-40.

10. Мурашко С. Ф. Английский язык как инструмент «мягкой силы» / С. Ф. Мурашко, А. Н. Долгенко, В. Р. Богуславская, С. В. Рудакова // Этносоциум и межнациональная культура. 2019. № 5(131). С. 79-84.

11. Общее языкознание: формы существования, функции, история языка / ред. Б. А. Серебренников. Москва : Наука, 1970. 604 с.

12. Пучинина А. Н. Англицизмы в речи современной русскоговорящей молодежи / А. Н. Пучинина, Н. В. Сергиенко // Вестник Шадринского педагогического университета. 2021. № 3 (51). С. 124-128.

13. Рассказова Е. А. Англицизмы в речи современной молодежи (на материале студентов СФ БашГУ) / Е. А. Рассказова, О. О. Хасанова // Перспективы развития современного гуманитарного знания: Сб. материалов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. С. В. Миннибаева. Стерлитамак : Стерлитамакский филиал ФГБОУ ПО «Башкирский государственный университет», 2020. С. 102-107.

14. Русский язык в современном мире: настоящее и будущее: сб. статей / Отв. ред., ред.-составитель Раренко М. Б. Москва : РАН, ИНИОН, Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. отд. языкознания, 2021. 215 с. (Теория и история языкознания).

15. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666) // URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119>. (Дата обращения: 22.05.2023).

16. Хазимуллина Е. Е. О вариантах преодоления асимметрии языковой и когнитивной картин мира в условиях полилингвизма // Мир русского слова. 2009а. № 3. С. 11-19.

17. Хазимуллина Е. Е. Мотивационные аспекты школьного жаргона // Русский язык в школе. 2009b. № 4. С. 90-96.

18. Цибизова О. В. Англицизмы в молодежном сленге 2020-2021 гг.: опыт описания и анализа / О. В. Цибизова, И. И. Галанкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2021. Т. 12. № 3. С. 684-698.

19. Шенаева О. В. Рунглиш в языковой среде современной России // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7-1. С. 53-55.

20. Языковая политика и лингвистическая безопасность : материалы второго международного научно-образовательного форума 25-26 сентября 2018 г. / Ответств. за выпуск проф. М. А. Викулина. Нижний Новгород : НГЛУ, 2018. 300 с.

Reference list

1. Aver'janova N. N. RunGLISH: modnyj gibrigid ili neobhodimost' = RunGLISH: a fashionable hybrid or a necessity // Professional'noe obrazovanie i obshhestvo. 2014. № 1(9). S. 6-13.
2. Budut li govorit' po-russki v 2100 godu? Problema ischeznovenija jazykov = Will Russian be spoken in 2100? The problem of language extinction // Idei i idealy. 2014. T. 1, № 1(19). S. 4-31.
3. Indeks polozhenija russkogo jazyka v mire: indeks global'noj konkurentosposobnosti (GK-Indeks), indeks ustojchivosti v stranah postsovetskogo prostranstva (US-Indeks). Vypusk 2 = Index of the Russian language status in the world: Global Competitiveness Index (GC-Index), Sustainability Index in the post-Soviet countries (SU-Index). Issue 2 / sost. A. L. Aref'ev, A. R. Golub', S. Ju. Kamysheva, I. A. Maev, A. I. Ol'hovskaja, M. A. Osadchij, M. N. Ruseckaja, A. S. Hehtel' ; pod red. M. A. Osadchego. Moskva: Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2022. 60 s.
4. Zamjatin K. Kak i zachem sohranjat' jazyki narodov Rossii? = How and why to preserve the languages of the peoples in Russia? / K. Zamjatin, A. Pasanen, Ja. Saarikivi. Hel'sinki : Vammala, 2012. 180 s.
5. Kondrashkina E. A. Filologicheskie nauki. Jazykovej sdvig kak rezul'tat vlijanija social'nyh faktorov (na primere finno-ugorskih jazykov RF) = Philological sciences. Language shift as a result of the social factors influence (the example of Finno-Ugric languages in the RF) // Voprosy teorii i praktiki Philology. Theory & Practice. 2022. Tom 15. Vypusk 10. S. 3306-3311.
6. Krysin L. P. Inojazychnoe slovo v kontekste sovremennoj obshhestvennoj zhizni = Foreign words in the context of contemporary social life // Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995). Moskva : Jazyki russkoj kul'tury, 1996. S. 142-161.
7. Kushnir A. Russkij jazyk i bezopasnost' = The Russian language and security // Narodnoe obrazovanie. 2001. № 2. URL: <https://narodnoe.org/journals/narodnoe-obrazovanie/2001-2/russkiy-yazyk-i-nacionalnaya-bezopasnost->. (Data obrashhenija: 22.05.2023).
8. Litvinova G. M. «S chego nachinaetsja Rodina?..» O jazykovej jekologii i ne tol'ko = "Where does the Motherland begin...?" On linguistic ecology and more // Russkij jazyk i kul'tura v zerkale perevoda. Moskva : Vysshaja shkola perevoda (fakul'tet) Moskovskij gosudarstvennyj universitet im. M.V. Lomonosova. 2016. № 1. S. 284-294.
9. Macjupa K. V. RunGLISH kak fenomen jazykovyh kontaktov = RunGLISH as a linguistic contacts phenomenon / K. V. Macjupa, S. Ju. Maksimova // Jazykovaja i kul'turnaja identichnost' v cifrovuju jepohu : kollektivnaja monografija / pod obshh. red. A. A. Zараjskogo. Saratov : Amirit, 2019. S. 34-40.
10. Murashko S. F. Anglijskij jazyk kak instrument «mjagkoj sily» = The English language as a tool of "soft power" / S. F. Murashko, A. N. Dolgenko, V. R. Boguslavskaja, S. V. Rudakova // Jetnosocium i mezhnacional'naja kul'tura. 2019. № 5(131). S. 79-84.
11. Obshhee jazykoznanie: formy sushhestvovaniija, funkicii, istorija jazyka = General linguistics: forms of existence, functions, history of language / red. B. A. Serebrennikov. Moskva : Nauka, 1970. 604 s.

12. Puchinina A. N. Anglicizmy v rechi sovremennoj russkogovorjashhej molodezhi = Anglicisms in the speech of modern Russian youth / A. N. Puchinina, N. V. Sergienko // Vestnik Shhadrinskogo pedagogicheskogo universiteta. 2021. № 3 (51). S. 124-128.

13. Rasskazova E. A. Anglicizmy v rechi sovremennoj molodezhi (na materiale studentov SF BashGU) = Anglicisms in the speech of modern youth (on the material of Bashkir State University students) / E. A. Rasskazova, O. O. Hasanova // Perspektivy razvitija sovremennogo gumanitarnogo znaniya: Sb. materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii / otv. red. S. V. Minibaeva. Sterlitamak : Sterlitamaskij filial FGBOU PO «Bashkirskij gosudarstvennyj universitet», 2020. S. 102-107.

14. Russkij jazyk v sovremennom mire: nastojashhee i budushhee = The Russian language in the modern world: present and future : sb. statej / Otv. red., red.-sostavitel' Rarenko M. B. Moskva : RAN, INION, Centr gumanit. nauch.-inform. issled. otd. jazykoznanija, 2021. 215 s. (Teorija i istorija jazykoznanija).

15. Strategija gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda (utv. Ukazom Prezidenta RF ot 19 dekabrja 2012 g. № 1666) = The Strategy of the Russian Federation State National Policy for the period to 2025 (approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of December 19, 2012) // URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/State/document119>. (Data obrashhenija: 22.05.2023).

16. Hazimullina E. E. O variantah preodolenija asimmetrii jazykovoj i kognitivnoj kartin mira v uslovijah polilingvizma = On the variants of overcoming the asymmetry between linguistic and cognitive pictures of the world in the context of polylingualism // Mir russkogo slova. 2009a. № 3. S. 11-19.

17. Hazimullina E. E. Motivacionnye aspekty shkol'nogo zhargona = Motivational aspects of school jargon // Russkij jazyk v shkole. 2009b. № 4. S. 90-96.

18. Cibizova O. V. Anglicizmy v molodezhnom slenge 2020-2021 gg.: opyt opisaniya i analiza = Anglicisms in youth slang 2020-2021: description and analysis / O. V. Cibizova, I. I. Galankina // Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Teorija jazyka. Semiotika. Semantika. 2021. T. 12. № 3. S. 684-698.

19. Shenaeva O. V. RunGLISH v jazykovoj srede sovremennoj Rossii = RunGLISH in the modern Russian linguistic sphere // Sovremennye naukoemkie tehnologii. 2013. № 7-1. S. 53-55.

20. Jazykovaja politika i lingvisticheskaja bezopasnost' : materialy vtorogo mezhdunarodnogo nauchno-obrazovatel'nogo foruma 25-26 sentjabrja 2018 g. = Language policy and linguistic security : materials of the second international scientific and educational forum September 25-26, 2018 / Otv. za vypusk prof. M. A. Vikulina. Nizhnij Novgorod : NGLU, 2018. 300 s.

Статья поступила в редакцию 19.09.2023; одобрена после рецензирования 15.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted on 19.09.2023; approved after reviewing 15.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Научная статья
УДК 82-311.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_87
EDN UVLOEP

Трансгрессивность романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка»

Михаил Юрьевич Егоров

Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы, доцент кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет имени К. Д. Ушинского, г. Ярославль.

michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению черт романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка», которые позволяют назвать его трансгрессивным. Роман создаёт определённый трансгрессивный образ эмиграции. Эмигранты в изображении Э. Лимонова представляют собой если не маргинализованные типы, то типаж неудачников. Сам Эдичка чувствует свою ненужность и в Америке, и в СССР. Создается ощущение, что главный герой романа «Это я – Эдичка» выстраивает своё поведение таким образом, чтобы оно выглядело трансгрессивным, нарушающим принятые нормы. На протяжении почти всего повествования Эдичка пьян, что часто оборачивается странными поступками. Крайности характера героя проявляются в эротических эпизодах романа, которые сразу же после публикации придали ему скандальную известность. Э. Лимонов не идет по пути трепетного отношения к эротике, а его описания любовных актов далеки от сакрализации. Эдичка выступает в роли скрупулезного фиксатора сексуальных процессов. Трансгрессивность романа «Это я – Эдичка» подсвечивается соседством эротических фрагментов с фрагментами, посвященными политике. Радикализм и граничащий с ним экстремизм политических взглядов героя не вызывают сомнения. Язык «Это я – Эдички» перешагивает допустимые границы, устанавливающие языковую норму. Словесная ткань романа отличается прежде всего обилием обсценной лексики, присутствующей в разнообразных видах и употребляемой при разнообразных ситуациях. Э. Лимонов нарушает границы ещё в одном смысле – он «переходит» условные рамки повествования. Метаповествовательные приёмы, используемые в «Это я – Эдичка», создают условную ситуацию, ставящую под сомнение границы текста и реальности.

Ключевые слова: Э. Лимонов; «Это я – Эдичка»; трансгрессивность; трансгрессивная литература; третья волна эмиграции; русское зарубежье; герой; граница

Для цитирования: Егоров М. Ю. Трансгрессивность романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 87-102. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_87. <https://elibrary.ru/UVLOEP>.

© Егоров М. Ю., 2023

Original article

The transgressive nature of E. Limonov's novel *It's Me, Eddie*

Mikhail Y. Egorov

Candidate of philological sciences, associate professor at the department of Russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl. michael_egorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0049-1535>

Abstract. The article focuses on examining the specifics of E. Limonov's novel *It's Me, Eddie*, which can be described as transgressive. The novel creates a certain transgressive image of emigration. The emigrants as portrayed by E. Limonov are, if not marginalized types, then the types of losers. Eddie himself feels useless in both America and the USSR. One gets the feeling that the protagonist of the novel *It's Me, Eddie* builds his behavior in such a way that it looks transgressive, violating the accepted norms. Throughout almost the entire narrative, Edichka is drunk, which often results in strange behavior. The extremes in the hero's character are manifested in the erotic episodes of the novel, which made the novel infamous immediately after its publication. E. Limonov's attitude to eroticism is far from being reverent, and his descriptions of love acts are not at all sacralized. Eddie acts as a scrupulous recorder of sexual processes. The transgressiveness of the novel *It's Me, Eddie* is highlighted by the juxtaposition of erotic fragments with those dealing with politics. The hero's radicalism and the extremism of his political views are beyond doubt. The language of the novel oversteps the permissible boundaries of the linguistic norm. The wording of the novel is characterized primarily by the abundance of obscene language in a variety of forms and used in a variety of situations. E. Limonov breaks the boundaries in one more sense – he "crosses" the conventional framework of the narrative. The meta-narrative devices used in *It's Me, Eddie* create a conventional situation that doubts the boundaries of text and reality.

Key words: E. Limonov; *It's Me, Eddie*; transgressiveness; transgressive literature; third wave of emigration; Russians abroad; hero; boundary

For citation: Egorov M. Yu. The transgressive nature of E. Limonov's novel *It's Me, Eddie*. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 87-102. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_87. <https://elibrary.ru/UVLOEP>.

Введение

Первая публикация романа Э. Лимонова «Это я – Эдичка» состоялась в эмигрантском парижском журнале «Ковчег» в 1979 году. Произведение тогда было напечатано с некоторыми сокращениями. За этим последовало издание на французском, немецком и английском языках. Именно этот роман

сформировал специфическую репутацию Э. Лимонова: «Маргинал, пария, изгой, он ухитрился восстать против себя культурно-общественный истеблишмент трех главных городов мира, где обитал, – Нью-Йорка, Парижа и Москвы» (Соловьев В. В защиту немолодого подростка: казус Лимонова //

Литературная газета. 2003. 19 марта. №11. С.15).

Постараемся доказать, что дискурс романа «Это я – Эдичка» в своей основе связан с феноменом трансгрессивной литературы. Считается, что первым это понятие употребил М. Силверблатт в статье 1993 года «Шокирующее обращение: Кто эти писатели и почему они хотят причинить нам боль?» [Silverblatt, 1993]. Хотя, справедливости ради, отметим, что в отношении художественной литературы нечто подобное высказывалось и раньше (например, книга 1989 года П. Сталлибрасса и А. Уайта «Политика и поэтика трансгрессии» [Stallybrass, White, 1989]). М. Силверблатт указывает на те признаки трансгрессивной литературы, по которым её можно опознать: трансгрессивные авторы намеренно включают в произведения неприятный, неприличный контент (запретный секс, насилие, употребление наркотиков и т. п.) для того, чтобы спровоцировать читателя. П. Вайль и А. Генис так характеризовали «Это я – Эдичку», указывая на автобиографичность романа: «Лимонов написал талантливую исповедальную прозу в отчаянной попытке довести до крайнего предела материальное, телесное познание самого себя. Такая проза пишется раз в жизни, ни повторить, ни переписать не выйдет: только знание и опыт, а не вымысел и фантазия, дают вдохновение вседозво-

ленности» [Вайль, Генис, 1982, с.168].

Методы исследования

На предлагаемую работу оказали влияние исследования о трансгрессии, в которых последовательно рассматривается история понятия и практическое его воплощение, в том числе в произведениях литературы [Jenks, 2003; Mookerjee, 2013; Stallybrass, White, 1989]. Статья не могла бы состояться без учёта опыта структуралистского исследования литературного текста, воплощенного, в частности, в «Структуре художественного текста» Ю. М. Лотмана [Лотман, 1970]. Особо выделим понимание события в тексте, которое выглядит трансгрессивным: «Событием в тексте является перемещение персонажа через границу семантического поля» [Лотман, 1970, с. 282].

Результаты исследования

Роман «Это я – Эдичка» создаёт определённый трансгрессивный образ эмиграции. Эмигранты в изображении Э. Лимонова представляют собой если не маргинализованные типажи, то типажи неудачников.

Эмиграция всегда сама по себе трансгрессивна, что связано не только с пересечением границ географических, но и с кардинальным изменением образа жизни, миропонимания (см. подробнее [Бугаева, 2010]).

В одном из эпизодов описывается посещение героем своих знако-

мых-эмигрантов из Советского Союза: «Мы идем к посудомойкам и в комнате одного из них устраиваем пир. Пир посудомоек, сварщика, безработного и вэлфэровца. Еще несколько лет назад, соберись мы вместе в СССР мы были бы: поэт, музыкант, спортсмен, чемпион Союза, миллионер (один из посудомоек – Семен – имел около миллиона в России), и известный на всю страну тележурналист» [Лимонов, 1992, с.31]. Советское прошлое персонажей выглядит куда более радужным, чем американское настоящее.

Эдичка живёт в отвратительном отеле «Винслоу», где многие из его соседей – выходцы из Советского Союза. Героя возмущает то, как ужасное отношение демонстрируется к ним в гостинице: «К нам, людям из России, в отеле относятся так, как некогда относились к черным до отмены рабства. Белье нам меняют куда реже, чем американцам, ковер на нашем этаже не чистили ни разу за все время... Простыни и полотенца нам дают самые старые, свой туалет я мою сам. Короче – мы люди последнего сорта» [Лимонов, 1992, с.17-18].

Неслучайно Эдичка публикует в нью-йоркской газете «Русское Дело» статью «Разочарование», в которой рассказал: «...западный мир не оправдал надежд, которые возлагали на него евреи и неевреи, уезжавшие из России, что во многом он оказался даже хуже, чем мир советский» [Лимонов, 1992,

с.112]. Из-за своего резко негативного отношения к капиталистической действительности статья была перепечатана советской газетой «Известия». Автор статьи был уволен из эмигрантской газеты.

Многие из изображенных в романе эмигрантов мечтают пересечь границу в обратном направлении – уехать в СССР. Из диалога с одним из беженцев выясняется следующее: «Слышал, в октябре впускать будут? ...в Россию. ...Две тысячи хотят обратно. А половина заявлений начинается с того, что люди просят прямо с самолета отправить их в лагерь, что они хотят отсидеть за свое преступление, за то, что они уехали с Родины» [Лимонов, 1992, с.22-23]. Он откровенничает с Эдичкой: «Я, понимаешь, там [в Советском Союзе] впал в амбицию, слишком много о себе возомнил, а вот приехал, и увидел, что ни на что не способен. Покою хочу. Куда-нибудь в Тульскую область, домишко, рыбки половить, ружьишко, учителем в сельскую школу пристроиться. Здесь ад... Нью-Йорк – город для сумасшедших. Я поеду, довольно я здесь помыкался. Свободы у них тут ни х... нет, попробуй что на работе смелое скажи. Без шума вылетишь, тихо» [Лимонов, 1992, с.23]. Другой эмигрант жалуется: «...у меня отчаянное положение, что делать, не знаю – я так тоскую по жене, она у меня русская... Зачем меня сюда принесло... Я неспособен выучить

язык. Живу очень плохо...» [Лимонов, 1992, с.25].

В отеле обитает поэт Женя Кникич (под этим именем выведен Евгений Вертлиб). Он филолог, защитил диссертацию на тему «„Село Степанчиково и его обитатели“ Достоевского, с точки зрения странности». Женя хочет работать в США по своей специальности. Эдичка убежден в тщетности таких усилий: «Я думаю, он серьезный ученый, почему нет, только он и я понимаем, что его профессия серьезного ученого, специалиста по Гоголю и Достоевскому, преподавателя эстетики, никому тут на х... не нужна. Тут нужны серьезные посудомойки, те кто без всяких литературных размышлений будут выполнять черную работу. В литературе тут своя мафия, в искусстве своя мафия...» [Лимонов, 1992, с. 33].

Сам Эдичка чувствует свою ненужность и в Америке, и в СССР. Получение в США социального пособия парадоксальным образом комментируется: «...в один день экстренно получил пособие, которое хотя и опустило меня на дно жизни, сделало бесправным и презираемым, но я е...л ваши права, зато мне не нужно добывать себе на хлеб и комнатенку, и я могу спокойно писать свои стихи, которые ни здесь, в вашей Америке, ни там в СССР на х... не нужны» [Лимонов, 1992, с.17]. Говоря о возможности возвращения в Советский Союз, Эдичка боится осмеяния со стороны сограждан: «Нет, я не со-

бираюсь [возвращаться], мне там [в СССР] делать не х.... Да и стыдно возвращаться. Засмеют. Я не поеду, я никогда не иду назад» [Лимонов, 1992, с. 23].

Герой оценивает свои творческие возможности, сопоставляя порядки в двух странах: «И приехал сюда [в США]. Теперь вижу – один х..., что здесь, что там [в СССР]. Те же шайки в каждой области. Но здесь я еще дополнительно проигрываю, потому что писатель-то я русский, словами русскими пишу, и человек я оказался избалованный славой подпольной, вниманием подпольной Москвы, России творческой, где поэт – это не поэт в Нью-Йорке, а поэт издавна в России все – что-то вроде вождя духовного, и с поэтом, например, познакомиться, там – честь великая. Тут – поэт – говно...» [Лимонов, 1992, с. 34-35]. Эдичку не устраивает отношения к творческим людям как в родной стране, так и в стране, приютившей его. Можно заметить, с каким усилием он избегает хрестоматийной фразы Е. Евтушенко: «Поэт в России – больше, чем поэт» [Евтушенко, 1967, с. 69].

В романе присутствуют эмигранты, увлеченные творчеством, которым удалось найти своё место в новом обществе. Но все они представлены таким образом, чтобы показать негативные в них изменения. Так, упоминается Иосиф Бродский, который пошёл на компромисс, ради достижения успеха за границей: «Тут [в Америке] –

поэт – говно, потому и Иосиф Бродский здесь у вас тоскует в вашей стране и однажды, придя ко мне на Лексингтон еще, говорил, водку выпивая: «Здесь нужно словню кожу иметь, в этой стране, я ее имею, а ты не имеешь». И тоска была при этом в Иосифе Бродском, потому что послушен он стал порядкам этого мира, а не был послушен порядкам того», – сокрушается Эдичка [Лимонов, 1992, с. 35].

В более жестком ключе показан главный редактор газеты «Русское Дело» Моисей Яковлевич Борода-тых. Это явный намёк на Якова Моисеевича Цвибака (литературный псевдоним – Андрей Седых), возглавлявшего газету «Новое Русское Слово». «[Эдичка] работал в газете «Русское Дело» у одного из главных мафиози русской эмиграции – у Моисея Яковлевича Борода-тых. Мафиози никогда не подпустят других к кормушке. ...Дело идет о хлебе, о мясе и жизни, о девочках. Нам это знакомо, попробуй пробейся в Союз Писателей в СССР. Всего изомнут. Потому что речь идет о хлебе, мясе и п...е. Не на жизнь, а на смерть борьба» [Лимонов, 1992, с. 33]. Обратим внимание на указание вновь невыносимости существования для Эдички и в СССР, и в США.

От Эдички достаётся и А. И. Солженицыну. Во второй главе «Я – басбой» писатель критикуется мягко: «...печатал же свои книги Солженицын, живя в СССР, здесь, на Западе, его совесть не му-

чила, по сути дела он думал только о своей писательской карьере, но не о последствиях или влиянии своих книг» [Лимонов, 1992, с. 59]. Чуть сильнее в пятой главе «Кэррол»: «...Сахаровыми и Солженицыны-ми ...взгляды у названных личностей путаные и малореальные, а фантазии и энергии сколько угодно, что эти люди явно представляли бы опасность, находишь они у власти. Их возможные политические и социальные эксперименты были бы опасны для населения Советского Союза, и опасны тем более, чем больше у них фантазии и энергии» [Лимонов, 1992, с. 113-114]. В восьмой главе «Луис, Алешка, Джонни и другие» критика достигает кульминации – призванная принизить авторитет А. И. Солженицына сцена решена в раблезианском стиле: «...помню, е...сь во время выступления Солженицына с включенным телевизором и его мордой на экране, е...сь, и я хотел в этот момент кончить, но не мог, созерцая его в полувоенном френче, даже сладкая пипка моей девочки не могла меня заставить кончить. Е...сь мы при Солженицыне, конечно, из озорства» [Лимонов, 1992, с. 184].

Создается ощущение, что главный герой романа «Это я – Эдичка» выстраивает своё поведение таким образом, чтобы оно выглядело трансгрессивным, нарушающим принятые нормы, в духе то ли человека из подполья, то ли Раскольникова [Ryan-Hayes, 1988]. Напри-

мер, только из-за любви к скандалу Эдичка будучи эмигрантом посылает подборку стихотворений в советский журнал «Новый мир»: «Письмо в редакцию журнала «Новый мир» написал я из озорства и любви к скандалу. Почти будучи уверен в том, что стихи мои не напечатают, не отказывал я себе в удовольствии поморочить голову...» [Лимонов, 1992, с. 59].

Уже на первой же странице произведения читатель узнает, что Эдичка предпочитает питаться щами на балконе своей квартиры, пребывая в голом виде. «Окружающие оффисы своими дымчатыми стеклами-стенами – тысячью глаз клерков, секретарш и менеджеров глазуют на меня. Почти, а иногда вовсе голый человек, едящий щи из кастрюли» [Лимонов, 1992, с. 14]. Тут же герой охарактеризует себя без стеснения: «Я считаю, что я подонок, отброс общества, нет во мне стыда и совести, потому она меня и не мучит, и работу я искать не собираюсь, я хочу получать ваши деньги [социальное пособие] до конца дней своих» [Лимонов, 1992, с. 15].

Переход через границу общепринятого демонстрирует следующий эпизод. От Эдички уходит жена к другому. Он, очевидно, из чувства мести устраивает в квартире экстравагантную выставку интимных вещей бывшей жены: «...увидел опять свою жуткую выставку вещей Елены, развешанных по стенам, с этикетками под каждой такого содержания: «Чулочек

Елены – белый/ Где второй неизвестно/ Она купила белые чулочки уже когда была/ знакома с любовником, и тогда же купила/ два тонких пояска – в них она с любовником/ и е...сь – Лимонову Эдичке грустно и/ страстотерпно». Или: «Тампакс/ Елены Сергеевны/ неиспользованный,/ девочка моя могла вложить его в пипку – у нее/ смешно тогда торчала, висела/ из пипки нитка». Предметы висели на гвоздях и плечиках, были прикреплены к стенам клейкой лентой. Веселенькая выставка была, да?» [Лимонов, 1992, с. 60]. На выставку под названием «Мемориал Святой Елены» были приглашены друзья, фотограф. «Безумный был я, признаю...», – вновь самохарактеристика героя [Лимонов, 1992, с. 60].

Антисоциальность поведения Эдички проявляется и в том, что он подворовывает из ресторана в отеле «Хитроу», где работает помощником официанта: «Иной раз я что-нибудь уношу из отеля домой. ...Ворую. А х...ля. ...Я ворую из ресторана еще несколько ножей, вилок и ложек и все, больше вещей мне не нужно» [Лимонов, 1992, с. 52].

Однако это выглядит мелким по сравнению с тем, чем занимался герой, будучи харьковским подростком. Он в подробностях описывает, как тогда происходили с его непосредственным участием вооруженный разбой [Лимонов, 1992, с. 96], грабёж [Лимонов, 1992, с. 233] (об автобиографичности романа и её преодолении см. [Ryan-Hayes, 1993;

Carden, 1984]). На американской территории Эдичка тоже готов на ограбление квартиры. В главе «Лус, Алёшка, Джонни и другие» героя ведёт за собой бродяга Джонни, который очень нравится Эдичке. Он думает, что Джонни планирует совершить грабёж, в чём герою видится выражение социального протеста. Эдичка полон решимости поддержать друга: ««Если он ведет меня кого-то ограбить, это мне как нельзя кстати», – подумал я хладнокровно» [Лимонов, 1992, с. 199]. К сожалению, у Джонни другие планы: «Я был раздражен. Я уже построил планы, а он... «Любовь потом, – сказал я ему. – Я хочу делать роббе-ри – грабеж в апартементе, я думал, мы идем сюда грабить апартемент. Зачем ты обманул меня?» – сказал я» [Лимонов, 1992, с.199].

На протяжении почти всего повествования Эдичка пьян или находится под воздействием наркотиков, что часто оборачивается странными поступками. Вспоминая скульптора Эраста Провозвестного (очевидно подразумевается Эрнст Неизвестный) и поэта Генриха Сапгира, герой упоминает их алкогольные скандалы и даже драки. Далее он оправдывает это: «Так было принято в том мире, откуда я уехал, там это не считалось бесчестием, всякий имел право расслабиться, если мог и хотел» [Лимонов, 1992, с. 213].

Приведём один из показательных примеров, характеризующих такое поведение Эдички. На вечеринке своей любовницы Розанн герой зна-

комится с прекрасной китайкой Лилией. Он выпивает две бутылки водки и перестает себя контролировать. Через некоторое время Эдичка «уже... лежал с ней [с Лилей], целовал ее, обнимал и что-то говорил, едва ли не делал с ней любовь при всех. ... Она лежала, ей, конечно, было неудобно, вокруг толпа людей, но видно было, что ей приятно, она хихикала. Ее выгнала Розанн, Розанн даже плакала от злости» [Лимонов, 1992, с. 218].

В другом эпизоде герой после обильных возлияний обнаруживает себя «в каком-то храме» во время службы и начинает играть с ножом: «Я вынул из сапога свой любимый нож и воткнул его в пол... рядом целая семья верующих обменялась дикими взглядами. ...Далее я включился в какой-то бред, несколько раз выдираю нож из доски и целовал его, опять втыкал его в подножье. Один раз я уронил Его Величество нож, и тот загремел на весь храм...» [Лимонов, 1992, с. 95].

После того, как жена Эдички объявила ему, что изменила и хочет расстаться, они ещё некоторое время жили вместе. Герой признаётся, что хотел убить Елену. Для этого он приготовил верёвку, «чтобы в самом крайнем случае, когда станет совсем неумоготу, легко и бесшумно удавить ее» [Лимонов, 1992, с. 47].

Обратим внимание на ещё одну цитату о воображаемом диалоге с харьковской шпаной: «В среде, где любовь и кровь стояли рядом, измена была чуть впереди слова нож, я

сидел на табурете и думал, что ребята мои, друзья мои, гниющие по лагерям за уголовные преступления, бандиты и воры из Харькова, сейчас презирают меня как жалкую тряпку. «Увели ее, а ты, б...дь, фраеру даже нож под ребра не пустил...» [Лимонов, 1992, с. 310-311]. В соответствии с законами марксизма, среда, в которой вырос Эдичка, предопределила его характер.

Однажды ему пришла идея изнасиловать Елену [Лимонов, 1992, с. 46]. Для этой цели Эдичка покупает наручники, придя домой «с ужасом обнаруживает», что «они оказались с кнопкой для открывания без помощи ключа, то есть и стальные и будто бы крепкие, но для игры, для детей» [Лимонов, 1992, с. 46]. Заканчивается эта история плачем: «от жалости к себе и своему телу, которое, чтобы добиться ласки, вынуждено прибегать к таким кошмарным методам, я разрыдался. И даже в попытке насилия у меня случилась неудача. Я выл, плакал очень долго...» [Лимонов, 1992, с. 47]. Образ Эдички сочетает в себе две составляющие: с одной стороны, жестокий циник, а с другой, крайне чувствительный человек. Показательно название статьи О. Матич о романе – «Моральный имморалист» [Matich, 1986].

Многими исследователями (прежде всего Ж. Батаем [Батай, 2006]) трансгрессивность связывалась с эротикой. Крайности характера героя проявляются в эротических эпизодах романа, которые сра-

зу же после публикации придали ему скандальную известность. Особенно критики были возмущены присутствием в «Это я – Эдичке» двух гомосексуальных сцен. Во Франции, Италии, Греции перевод романа издавался под неполиткорректным сейчас названием «Русский поэт предпочитает больших негров» [Limonov, 1980; Limonov, 1985; Лимонов, 1986]. Э. Лимонов бесстыдно живописует акты любви между мужчинами. «Никогда прежде в русской литературе гомосексуальная связь не изображалась так откровенно и в таком положительном ключе» [Матич]. Описания, предлагаемые читателю, предельно телесны, натуралистичны. «Думаю, я до крайности возбудил его. Я не знаю, что он сделал, возможно, он смочил свой х... собственной слюной, но постепенно он входил в меня, его х... Это ощущение заполненности я не забуду никогда. ...Так что его х... в моей попке не испугал меня, и мне не было очень больно даже в первое мгновение. Очевидно, я растянул свою дырочку давно. Но восхитительное чувство заполненности – это было ново. Он е...л меня, и я начал стонать. Он е...л меня, а одной рукой ласкал мой член, я ныл, стонал, изгибался и стонал громче и сладостней» [Лимонов, 1992, с. 104-105] и т. д.

Избранниками Эдички в обоих случаях становятся маргиналы. В первом случае – Крис, который, как предполагает герой, скрывается от

полиции, во втором – Джонни, бездомный, не брезгующий криминальным бизнесом. И та, и другая ситуации связаны с риском и его преодолением.

Эпизод с Крисом начинается с его нападения на Эдичку, но при этом, как утверждает рассказчик: «Мне не было страшно. Честное слово, совершенно не страшно. Я же говорю, что имел тогда какой-то подсознательный инстинкт, тягу к смерти» [Лимонов, 1992, с. 99]. Эпизод с Джонни, как было показано в цитате выше, связан с намерением Эдички ограбить квартиру вместе с этим бродягой [Лимонов, 1992, с. 199].

В обоих случаях желание охватывает героя внезапно. Особенно показательным в случае с Крисом: «Этот парень душил меня... Мы лежали, задыхаясь, он тоже задыхался от усилий, душить нелегко, я это знаю по себе, не так просто, как кажется. ...Внезапно я высвободил свои руки и обхватил ими его спину. «Я хочу тебя, – сказал я ему, – давай делать любовь?»» [Лимонов, 1992, с. 99-100].

Для указанных сцен Э. Лимонов выбирает необычное пространство, неприспособленное для подобного рода действий, – внутренний дворик рядом с детской площадкой [Лимонов, 1992, с. 97], лестничная площадка в шикарном многоэтажном здании [Лимонов, 1992, с. 199].

Не менее детально, хотя и с меньшим азартом, изображается в романе секс с женщинами. Напри-

мер: «Взяв свой х..., который по пьянке не очень-то мне повиновался, то стоял, то не стоял, кренился и падал, я прикоснулся им к её [Розанны] п...е. Я опять отдаю ей должное – п...а у нее была хорошая, сладкая, сочная, спелая п...а – видите, сколько эпитетов. Поводив х...м по ее п...е, которая от этого прикосновения стала еще жарче и понравилась моему х... как и мне, я воткнул его в эту мягкость, текучесть и сочность» [Лимонов, 1992, с. 214] и т. д.

Э. Лимонов не идет по пути трепетного отношения к эротике, а его описания любовных актов далеки от сакрализации. Эдичка выступает в роли скрупулезного фиксатора сексуальных процессов.

Трансгрессивность романа «Этот я – Эдичка» подсвечивается соседством эротических фрагментов с фрагментами, посвященными политике. Герой является поклонником идей Мао Цзэдуна, о чём свидетельствует портрет основателя Китайской Народной Республики в квартире Эдички: «...большой портрет Мао Цзэ Дуна – предмет ужаса для всех людей, которые заходят ко мне» [Лимонов, 1992, с. 15].

Радикализм и граничащий с ним экстремизм политических взглядов героя не вызывают сомнения: «...я всю свою жизнь связываю с революцией. ...Я относился к революции лично. Я не прикрывался высокими словами. Я закономерно выводил свою любовь к мировой революции из своей личной траге-

дии» [Лимонов, 1992, с. 114, 118]. Здесь Эдичка имеет в виду измену и уход жены. Важно то, что революция для него приобретает крайне личностное звучание.

Эдичка вспоминает то, как работал помощником официанта, и изображает насыщенное чувство классовой ненависти к капиталистам, он всё равно обращается к воспоминаниям о жене: «...я постоянно видел своих врагов, тех, кто увел у меня Елену – наших посетителей, людей, имеющих деньги. ...Чувство, которое я условно определил для себе как классовую ненависть, все глубже проникало в меня. Я даже не столько ненавидел наших посетителей как личностей, нет, в сущности, я ненавидел весь этот тип джентльменов, седых и ухоженных» [Лимонов, 1992, с. 55].

Герой проявляет интерес прежде всего к вооруженному разрешению вражды классов: «Опасный митинг только и нужен был мне в этом мире. Если б она [Кэрол, активистка Рабочей партии] сказала, приходи завтра в такое-то место – получишь автомат и патроны, будешь участвовать в акции, например, в захвате самолета, я был бы, конечно, куда больше рад, но и митинг – это было неплохо. Я не кривлю душой, меня полностью устроила бы только революция, но можно было начать и с митинга» [Лимонов, 1992, с.115]. И чуть далее: ««Как ты думаешь, Кэрол, при нашей жизни в Америке будет революция?» «Обязательно будет, – сказала, не задумываясь,

Кэрол, – иначе зачем бы я работала в партии?» «Пострелять мне хочется, Кэрол», – сказал я ей тогда. И я не кривил душой. «Постреляешь, Эдвард», – сказала она, усмехнувшись» [Лимонов, 1992, с.124].

Ещё один красноречивый пример: «Я не был официант, я не плевал им [посетителям] в пищу, я был поэт, притворяющийся официантом, я бы взорвал их на х..., но мелких гадостей я не мог им делать, не был способен. «Я разнесу ваш мир!» – думал я... Я разнесу ваш мир вместе с этими ребятами – младшими мира сего!» [Лимонов, 1992, с.42]. Сколь откровенен рассказчик в описании сексуальных соитий, столь не стесняется он описывать свою приверженность насильственным способам переустройства мира.

Для демонстрации противоречивости, контрастности черт героя интересна сцена с чтением книги Л. Д. Троцкого «История русской революции», над которой Эдичка, взывающий к насилию, будет буквально рыдать: «Над некоторыми страницами, где описывались вооруженные народные шествия, я буду рыдать, и шептать в своей камерке: «Неужели у меня этого никогда не будет!» Плакать от восторга, зависти и надежды над толстой трехтомной книгой, над нашей русской революцией. ...Другие страницы вызвали у меня злость...» [Лимонов, 1992, с. 120].

Стиль «Это я – Эдички» перешагивает допустимые границы,

устанавливающие языковую норму. Словесная ткань романа отличается прежде всего обилием обсценной лексики, присутствующей в разнообразных видах и употребляемой при разнообразных ситуациях. Например: об эмиграции – «Ну мы и х...нули все в Западный мир, как только представилась возможность. Х...нули сюда, а увидев, что за жизнь тут, многие х...ули бы обратно, если не все, да нельзя» [Лимонов, 1992, с. 120], о социальном возмущении – ««Я разнесу ваш мир! – думал я, – я убираю после вас пищевые отходы, а жена моя е...тся и вы развлекаетесь с нею, только потому, что такое неравенство, что у нее есть п...а, на которую есть покупатели – вы, а у меня п...ы нет»» [Лимонов, 1992, с.42], о сексуальных отношениях – «Я п...л ее, она кончила, а я даже не возбуждался по-настоящему. А п...а, я же вам говорю, была вся подернута слизью, мягкая, всасывающая мой х... П...а не была истеричной, как Розанн, она не раздражалась, не кричала, она была п...ой 33-х или 35-тилетней бабы, доброй п...ой» [Лимонов, 1992, с. 214] и т. д.

Не все критики разделяли мнение Ф. Дрейзина, считавшего романного рассказчика виртуозом в употреблении мата, видящего в мате «оазис авторской национальной идентичности» [Dreizin, 1988, s. 65]. Л. Геллер укорял автора: «Великий могучий русский мат заслужил мировую известность. Но Эдичка почему-то выражается

крайне убого – не по количеству, а по качеству» [Геллер, 1980, с. 85].

Провокативно последними фразами романа становятся: ««Я е...л вас всех, е...ные в рот суки!» – говорю я и вытираю слезы кулаком. Может быть, я адресую эти слова билдингам вокруг. Я не знаю. «Я е...л вас всех, е...ные в рот суки! Идите вы все на х...!» – шепчу я» [Лимонов, 1992, с. 322]. Происходит соединение основных мотивов романа – и американские декорации («билдинги»), и русский язык, и повышенный субъективизм, и натурализм, и агрессия, и сентиментальность, и шоковый эффект.

Обратим внимание на присутствие во фразе калькированного иностранного слова «билдинги», имеющего обычный русский аналог «здания». Рассказчик часто прибегает к намеренному использованию англицизмов. ««Вы имеете длинный жаркий день вокруг бассейна, и вы склонны, готовы иметь Ваш обычный любимый летний напиток. Но сегодня Вы чувствуете желание заколебаться. Итак, вы делаете кое-что другое. Вы имеете Кампари и Оранджус взамен...» Я никогда не имел длинного жаркого дня вокруг бассейна. ...Я имел вчера холодное отвратительное утро...» [Лимонов, 1992, с. 322] (см. по этому поводу статью Ф. Дрейзена «Русский стиль в эмиграции: англицизмы Э. Лимонова» [Dreizin, 1988]). В данном случае нам важно отметить это явление в качестве одного из проявлений

преднамеренных трансгрессивных нарушений, присутствующих в романе.

Э. Лимонов нарушает границы ещё в одном смысле – он «переходит» условные рамки повествования. Укажем на один из метаповествовательных приёмов. По роману рассыпано множество обращений к условным слушателям, которых часто именуют «господами»: «Так, господа, я на собственной шкуре испытал, что такое дискриминация» [Лимонов, 1992, с. 19], «Это, конечно, частная судьба, господа, я рассказал о ней только потому...» [Лимонов, 1992, с. 22], «Мысль о сближении, о знакомствах была полнейшей чепухой, господа...» [Лимонов, 1992, с.49], «...ведь мне пришлось покинуть «Олд Бургунди», господа» [Лимонов, 1992, с.50], «Приходя домой, я ложился в постель и, сознаюсь, господа...» [Лимонов, 1992, с.52] и т. д. Даже самая первая фраза романа уже содержит подобное обращение: «Проходя между часом дня и тремя по Мэдисон-авеню, там где ее пересекает 55-я улица, не поленитесь, задерите голову и взгляните вверх...» [Лимонов, 1992, с. 14]. Читателя призывают проделать определенные действия, указывая на его (читателя) «бли-

зость» к рассказчику, а также на «невывышенность» истории.

Заключение

Комплекс особенностей романа «Это я – Эдичка» позволяет назвать его трансгрессивным. Э. Лимонов обращается к теме эмиграции, что связано с пересечением рубежей пространственных. При этом представленные в повествовании эмигранты выглядят маргинальными. Поведение Эдички часто провокативно, агрессивно, что осложняется постоянным употреблением алкоголя. Большую роль в романе играют эротические эпизоды, подаваемые откровенно натуралистически. Рассказчик обращается к «запретной» гомосексуальной тематике. С сексуальными темами соседствуют политические. Предпочтения героя в сфере политики связаны с насильственным изменением существующих порядков. Для того, чтобы облечь всё вышеназванное в текст, избирается язык, изобилующий непристойностями, табуированной лексикой. Метаповествовательные приёмы, используемые в «Это я – Эдичка», создают условную ситуацию, ставящую под сомнение границы текста и реальности.

Библиографический список

1. Батай Ж. Эротика // Батай Ж. Ж. Проклятая часть: Сакральная социология. Москва : Ладомир, 2006. С. 491-705.
2. Бугаева Л. Д. Литература и rite de passage. Санкт-Петербург : Петрополис, 2010. 412 с.
3. Вайль П. Современная русская проза / П. Вайль, А. Генис. Ann Arbor : Эрмитаж, 1982. 192 с.
4. Геллер Л. Приготовительные заметки к теории скандалов, авангарда и эротики в литературе на материале сочинения Э.Лимонова «Это я – Эдичка» // Ковчег. 1980. №5. С.84-88.
5. Евтушенко Е. А. Братская ГЭС. Москва : Советский писатель, 1967. 240 с.
6. Лимонов Э. Это я, Эдичка. Москва : Независимый альманах «Конеч века», 1992. 335 с.
7. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. Москва : Искусство, 1970. 384 с.
8. Матич О. Эдуард Лимонов: история автора и его персонажа // Журнальный зал. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/11/eduard-limonov-istoriya-avtora-i-ego-personazha.html>. (Дата обращения: 10.05.2023).
9. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. Pp.221-232.
10. Dreizin F. Russian Style in Emigration: Edward Limonov's Anglicisms // Wiener Slawistischer Almanach. Band 22, 1988. S. 55-67
11. Jenks C. Transgression. London, New York: Routledge, 2003. 205 p.
12. Limonov E. Il poeta russo preferisce i grandi negri. Milan o: Edizioni Frassinelli, 1985. 311 p.
13. Limonov E. Le poète russe préfère les grands nègres. Paris: Éditions Ramsay et Jean-Jacques Pauvert, 1980. 351 p.
14. Matich O. The Moral Immoralist: Edward Limonov's «Èto Ja – Èdìčka» // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30, № 4. Pp. 526-540.
15. Mookerjee R. Transgressive Fiction: The New Satiric Tradition. Palgrave Macmillan, 2013. 263 p.
16. Ryan-Hayes K. Limonov's «Eto ia – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, №4. Pp. 438-459
17. Ryan-Hayes K. Limonov's «It' s Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Beck Papers in Russian and East European Studies. 1993. №1003. Pp. 1-37.
18. Silverblatt M. Shock Appeal. Who Are These Writers, and Why Do They Want to Hurt Us?: The New Fiction of Transgression // Los Angeles Times. 1993. August 1. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1993-08-01-bk-21466-story.html>. (Дата обращения: 10.05.2023).
19. Stallybrass P., White A. The Politics and Poetics of Transgression. Ithaca: Cornell UP, 1989. 228 p.
20. Λιμονοφ Ε. Ένας ρώσος ποιητής προτιμά τούς μεγάλους νέγρους. Athens: Aquarius, 1986. 285 σ.

Reference list

1. Bataj Zh. Jerotika = Eroticism // Bataj Zh. Zh. Prokljataja chast': Sakral'naja sociologija. Moskva : Lodomir, 2006. S. 491-705.
2. Bugaeva L. D. Literatura i rite de passage = Literature and rite de passage. Sankt-Peterburg : Petropolis, 2010. 412 c.
3. Vajl' P. Sovremennaja russkaja proza = Modern Russian prose. P. Vajl', A. Genis. Ann Arbor : Jermitez, 1982. 192 s.
4. Geller L. Prigotovitel'nye zametki k teorii skandalov, avangarda i jerotiki v literature na materiale sochinenija Je.Limonova «Jeto ja – Jedichka» = Preliminary notes to the theory of scandal, avant-garde and eroticism in literature on the material of E. Limonov's work "It's me, Eddie" // Kovcheg. 1980. №5. S.84-88.
5. Evtushenko E.A. Bratskaja GJeS = The Bratsk Station. Moskva : Sovetskij pisatel', 1967. 240 s.
6. Limonov Je. Jeto ja, Jedichka = "It's me, Eddie". Moskva : Nezavisimyj al'manah «Konec veka», 1992. 335 s.
7. Lotman Ju.M. Struktura hudozhestvennogo teksta = Literary text structure. Moskva : Iskusstvo, 1970. 384 s.
8. Matich O. Jeduard Limonov: istorija avtora i ego personazha = Eduard Limonov: the story of the author and his character // Zhurnal'nyj zal. URL: <https://magazines.gorky.media/october/2013/11/eduard-limonov-istoriya-avtora-i-ego-personazha.html>. (Data obrashhenija: 10.05.2023).
9. Carden P. Edward Limonov's Coming Out // The Third Wave: Russian Literature in Emigration. Ann Arbor: Ardis, 1984. Pp.221-232.
10. Dreizin F. Russian Style in Emigration: Edward Limonov's Anglicisms // Wiener Slavistischer Almanach. Band 22, 1988. S. 55-67
11. Jenks C. Transgression. London, New York: Routledge, 2003. 205 p.
12. Limonov E. Il poeta russo preferisce i grandi negri. Milano: Edizioni Frassinelli, 1985. 311 p.
13. Limonov E. Le poète russe préfère les grands nègres. Paris: Éditions Ramsay et Jean-Jacques Pauvert, 1980. 351 p.
14. Matich O. The Moral Immoralist: Edward Limonov's «Èto Ja – Èdička» // The Slavic and East European Journal. 1986. Vol. 30, № 4. Pp. 526-540.
15. Mookerjee R. Transgressive Fiction: The New Satiric Tradition. Palgrave Macmillan, 2013. 263 p.
16. Ryan-Hayes K. Limonov's «Èto ia – Edichka» and the Failure of an American Dream // Canadian Slavonic Papers / Revue Canadienne des Slavistes. 1988. Vol. 30, №4. Pp. 438-459
17. Ryan-Hayes K. Limonov's «It's Me, Eddie» and the Autobiographical Mode // The Carl Veski Papers in Russian and East European Studies. 1993. №1003. Pp. 1-37.
18. Silverblatt M. Shock Appeal. Who Are These Writers, and Why Do They Want to Hurt Us?: The New Fiction of Transgression // Los Angeles Times. 1993. August 1. URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1993-08-01-bk-21466-story.html> (Data obrashhenija: 10.05.2023).

19. Stallybrass P., White A. The Politics and Poetics of Transgression. Ithaca: Cornell UP, 1989. 228 p.

20. Λιμονοφ Ε. Ένας ρώσος ποιητής προτιμά τούς μεγάλους νέγρους. Athens: Aquarius, 1986. 285 σ.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 19.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted on 26.09.2023; approved after reviewing 19.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_103
EDN VROHTQ

**Художественная репрезентация образа отца
в повести Б. П. Екимова «Предполагаем жить»**

Наталья Владимировна Лукьянчикова^{1✉}, Наталья Витальевна Киселева²

¹Кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского,
г. Ярославль

²Кандидат культурологии, доцент кафедры общего образования,
Институт развития образования, г. Ярославль

¹lunavl@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

²scorti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-3859>

Аннотация. В статье представлен вариант анализа одного из наиболее репрезентативных образов в творчестве русских писателей-классиков (Д. И. Фонвизин, А. П. Чехов, И. А. Бунин, М. Горький и др.) – образа отца – в повести талантливейшего представителя современной литературы Бориса Петровича Екимова «Предполагаем жить». Указанное произведение Б. П. Екимова недостаточно изучено исследователями. Авторы сопоставляют образ отца в повести «Предполагаем жить» с различными типами отцов в русской литературе, выявляя типологическое сходство доктора Хабарова с персонажами произведений XVIII – XX веков.

Обращаясь к героям произведений А. П. Чехова, А. И. Куприна и др., авторы анализируют черты самоотверженного, благородного бессребреника в характере Хабарова, соотносят персонажа с традиционным национальным характером русского праведника, выявляя в то же время специфику трансформации образа отца. С другой стороны, в образе доктора Хабарова Б. П. Екимов намечает черты, свойственные типу «слабых» мужей и отцов русской литературы (Простаков, Андрей Прозоров, Сергей Железнов и др.): подчинение жене, отсутствие заботы о материальном благосостоянии семьи, уход от решения семейных проблем, перекладывание их на плечи супруги. В то же время, отмечают авторы статьи, доктор Хабаров остается благородным, сострадательным и милосердным человеком.

В статье рассматривается связь образа отца с историческим временем: персонаж, подобный Хабарову, выглядит особенно чужеродным в 90-е годы XX века, требовавшие появления героя совершенно иного типа. Авторы обращают особое внимание на то, что отец на страницах повести «Предполагаем жить» появляется исключительно как герой воспоминаний семьи, пациентов, знакомых.

Ключевые слова: Борис Екимов; деревенская проза; традиции русской классической литературы; образ отца; образ матери

© Лукьянчикова Н. В., Киселева Н. В., 2023

Для цитирования: Лукьянчикова Н. В., Киселева Н. В. Художественная репрезентация образа отца в повести Б. П. Екимова «Предполагаем жить» // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 103-115. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_103. <https://elibrary.ru/VROHTQ>.

Original article

**Artistic representation of the image of the father
in the story of B. P. Ekimov “We assume to live”**

Natalia V. Lukyanchikova¹, **Natalia V. Kiseleva²**

¹Candidate of philological sciences, associate professor of the Russian literature department, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

²Candidate of culture studies, associate professor at the Department of general education, Institute for the development of education, Yaroslavl

¹lunavl@yandex.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0002-8995-4016>

²scorti@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1252-3859>

Abstract. The article presents a literary analysis of one of the most representative images in the works of Russian classical writers (D. I. Fonvizin, A. P. Chekhov, I. A. Bunin, M. Gorky, etc.) – the image of the father – in the story of one of the brightest representatives of modern literature Boris Petrovich Ekimov “We assume to live”. The specified work of B.P. Ekimov has not been sufficiently studied by researchers. The authors compare the image of the father in the story with various types of fathers in Russian literature, revealing the typological similarity of Dr. Khabarov with the characters of the works of the XVIII – XX centuries.

Turning to the heroes of the works of A.P. Chekhov, A.I. Kuprin, etc., the authors analyze the traits of a selfless, noble, silverless character in the character of Khabarovsk, correlate the character with the traditional national character of the Russian righteous, revealing at the same time the specifics of the transformation of the image of the father. In the image of Dr. Khabarov, traits characteristic of the type of “weak” husbands and fathers of Russian literature (Prostakov, Andrey Prozorov, Sergey Zheleznov, etc.) manifest themselves: subordination to his wife, lack of concern for the material well-being of the family, avoiding solving family problems, shifting them onto the shoulders of his wife. At the same time, the authors of the article note, Dr. Khabarov remains a noble, compassionate and merciful person.

The article examines the connection of the father's image with historical time: a character like Khabarovsk looks especially alien in the 90s of the twentieth century, which required the appearance of a completely different type of hero. The authors pay special attention to the fact that the father appears on the pages of the story “We Assume to live” exclusively as the hero of the memories of family, patients, acquaintances.

Key words: Boris Ekimov; village prose; traditions of Russian classical literature; the image of the father; the image of the mother

For citation: Lukyanchikova N. V., Kiseleva N. V. Artistic representation of the image of the father in the story of B.P. Ekimov “We assume to live”. *World of Russian-*

Введение

Борис Петрович Екимов (род. 1938) – один из ярчайших представителей современной русской литературы, творческая деятельность которого началась в 70-е годы XX века и продолжается до сих пор. В его произведениях отражены темы взаимоотношений между людьми, становление человека, отношение к природе и миру.

Основные жанры, в которых работает Б. П. Екимов, – повесть и рассказ. Современному читателю хорошо известны такие произведения, как «Ночь исцеления», «Говори, мама, говори», в которых автор поднимает проблему взаимоотношений поколений: бабушки и внука, дочери и матери.

В повести «Предполагаем жить» (2008) проблема семейных отношений является одной из ведущих. Наиболее интересной и перспективной для исследования, на наш взгляд, является линия, связанная с образом отца.

Методология исследования

Исследователи второй половины XX – начала XXI веков не оставляли без внимания произведения Бориса Екимова. Среди заметных работ можно выделить исследования, в которых творчество Б. П. Екимова рассматривается в контексте такого заметного явления русской литературы XX века, как «деревенская проза» (С. В. Перевалова, М. В. Мокро-

ва, И. В. Великанова). Проблемам изучения «деревенской прозы» посвящен ряд литературоведческих трудов, в которых исследователи анализируют специфику этого художественного явления [Партэ, 2004], его бытование в литературном процессе [Четырова, 2023, с. 99]. В круг интересов авторов, пишущих о Б. П. Екимове, включены вопросы, касающиеся развития в творчестве писателя традиций, заложенных русскими «деревенщиками», а также исследования духовных начал в ключевых произведениях, сохранения «основ народного мировидения» [Перевалова, 2020, с. 191], специфики повествовательной организации произведений Б. П. Екимова [Великанова, 2006; Великанова, 2013, с. 147], типологического сходства персонажей рассказов Б. П. Екимова с персонажами В. М. Шукшина и других писателей-«деревенщиков» [Мокрова, 2009, с. 44–45]. Вопросы жанровой организации произведений Б. П. Екимова также серьезно интересуют исследователей (М. В. Мокрова, А. И. Смирнова, О. В. Дудинских и др.). Так, А. И. Смирнова и В. Б. Смирнов, рассматривая рассказы и повести Б. П. Екимова, утверждают, что новеллика писателя способна «удовлетворять «крупные» запросы времени» [Смирнова, Смирнов, 2013, с. 64]. Большинство исследователей соотносят художественное мировидение Б. П. Екимова с

И. А. Буниным [Дудинских, 2013], И. С. Тургеневым [Куделько, 2013], В. М. Шукшиным в контексте выявления истоков народного национального характера.

Необходимо отметить, что в начале XXI века заметный интерес к произведениям писателя проявили исследователи, занимающиеся вопросами преподавания литературы в школе и других образовательных организациях, что связано с включением рассказов Б. П. Екимова в программы литературного образования и рекомендательные списки для чтения (С. В. Перевалова и др.).

Творчество Б. П. Екимова (рассказы и повести) продолжает оставаться объектом интереса исследователей (см., например, работу Г. Ц. Бадуевой, посвященную месту произведений Б. П. Екимова в круге чтения нашего современника [Бадуева, 2023], статью Л. И. Деминой, в которой рассматриваются формы выражения авторского видения мира [Демина, 2021], статью А. В. Тагильцева, посвященную новаторству Бориса Екимова [Тагильцев, 2022]) и требует системного, многогранного изучения.

Повесть Б. П. Екимова «Предполагаем жить», вызвавшая чрезвычайно серьезный читательский интерес, долгое время находилась вне исследовательского поля, периодически упоминалась в статьях культурологов и литературоведов, например, в статье С. В. Переваловой [Перевалова, 2023, с. 4], но не

становилась самостоятельным объектом изучения, несмотря на то, что в последнее десятилетие появилось значительное количество работ, связанных с близкой Б. П. Екимову проблематикой (90-е годы XX века в истории страны, осмысление выбора человеком жизненного пути в кризисное для страны время, взаимоотношения поколений). В 2010-е годы появляется немало исследований, посвященных художественной репрезентации образов отца и матери в литературных произведениях разных эпох, прежде всего в мировой литературе, в частности, Г. Г. Топор рассматривает в своих работах образ отца в зарубежной классике литературы [Топор, 2015, с. 177], репрезентации этого образа посвящена статья Ю. А. Скальной [Скальная, 2013, с. 167] и др. Отечественные литературоведы обращаются к проблеме реализации образа отца, прежде всего, в детской и подростковой литературе [Губайдуллина, 2016, с. 34]. Полагаем, что в данном контексте обращение к исследованию художественной репрезентации образа отца в повести Б. П. Екимова «Предполагаем жить» является актуальным и перспективным.

Результаты исследования

Повесть Б. П. Екимова «Предполагаем жить...» убедительно свидетельствует о том, что творчество писателя выходит далеко за рамки «деревенской прозы».

В центре повести «Предполагаем жить» история семьи Хабаровых, главой которой является мать, властная бизнесвумен, известная «не только заслугами главы семейства, но магазинами, хлебом» [Екимов], с нуля создавшая компанию по производству хлеба в суровые 90-ые годы, взяв на себя функцию кормильца. В семье Хабаровых два сына, один из которых, Алексей, с детства мечтавший стать ученым, биологом, занялся бизнесом, следуя примеру матери, в отличие от Ильи, не столь привязанному к матери и мечтам о семейном бизнесе. Илья отличался медлительностью, склонностью к философствованию, что сближало его с отцом, образ которого в повести Б. П. Екимова, на первый взгляд, нарушает традиции изображения в отечественной литературе отца – кормильца главы, семьи, сильного и волевого человека.

Отец братьев Хабаровых – доктор, врач-офтальмолог, талантливый человек, ученый, спасший от слепоты многих детей и взрослых. Если мать в повести Б. П. Екимова представлена как человек твердый, волевой, жесткий, то отец – ее прямая противоположность: мягкий, рассеянный, умеющий собраться только когда речь идет о любимой работе и совершенно не думающий о материальном благополучии семьи. К моменту событий, о которых говорится в повести, отца уже нет в живых, Борис Екимов делает его героем воспоминаний как близких,

так и посторонних людей. Обращают на себя внимание способы именования Б. П. Екимовым персонажей повести, например, мать и сыновья названы по имени (Мария, Алексей, Илья), в то время как имя отца не упомянуто. Он присутствует в тексте исключительно как доктор Хабаров. С одной стороны, фамилия подчеркивает его принадлежность семье. С другой стороны, именование «доктор Хабаров» воспринимается окружающими как своеобразный знак, статус. Так с восхищением и благодарностью называют его пациенты, которых доктор спас. В повести это подчеркивается и тем, что к сыновьям эпизодические персонажи, случайные знакомые часто обращаются: «Хабаров? Сын, что ли? Алексей?», «Докторов сын» [Екимов].

Полагаем, что образ доктора Хабарова, с одной стороны, продолжает традицию изображения самоотверженных врачей, бесребреников, благородных людей, которая в отечественной литературе укоренилась в образах героев А. П. Чехова (Дымов из рассказа «Попрыгунья»), А. И. Куприна («Чудесный доктор») и продолжилась в героях произведений советской литературы (Ю. П. Герман «Дело, которому ты служишь» и др., А. Г. Алексин «Звоните и приезжайте»). Доктор Хабаров в глазах своих пациентов выглядит чудотворцем, способным на любую самую сложную операцию: «Бывший солдат оставался слепым целых

тридцать лет. <...> К отцу он попал случайно. И отец, осмотрев его, сказал: «Можно помочь. Нужна операция». И сделал ее» [Екимов]; сострадательным и милосердным: «Да как же не помнить! Он же Машу вылечил. Операцию сделал... Бесплатно. И лекарства бесплатно... Господи. Такого человека не помнить. Он же спас ее!» [Екимов]; человеком, для которого главным было помочь другим, который не думает о материальном благополучии: «Его отправили работать в Индию, на год. <...> Обычно из таких командировок возвращались с легковой машиной, не говоря про заграничные тряпки, магнитофоны-кассетники и прочее. Но доктор Хабаров вернулся <...> с пустыми руками. Даже без чемодана, с каким уезжал» [Екимов].

Отсутствие интереса к материальной выгоде подчёркивает в воспоминаниях о нем и сам доктор: ««Нищета вокруг. Спят прямо на тротуарах. На помойках копаются. Детишки... Тянут ручонки... Глазищи большие... В них такая боль». <...> Он не выдержал. Раздал все, что было у него: деньги, одежду, белье, даже чемодан отдал – и вернулся домой» [Екимов].

В ряде упомянутых выше произведений отечественной литературы авторы изображают глубокий внутренний конфликт между доктором-праведником и его семьей, причем часто внешне отношения в семье могут быть спокойными, терпимыми. Так Ольга Ивановна в рассказе

А. П. Чехова «Попрыгунья» начинает понимать внутреннюю красоту, гениальность своего мужа доктора Дымова только после его смерти, на протяжении всей семейной жизни считая его самым обычным и даже стесняясь за него перед своими «талантливыми» друзьями. В цикле рассказов А. Г. Алексина «Звоните и приезжайте» инициатором конфликта являлась теща доктора-бессребреника, которая считала зятя «неудачником и постоянно приводила в пример его институтских товарищей, которые, как назло, все стали профессорами, главврачами и кандидатами наук» [Алексин, 2021].

В повести Б. П. Екимова художественно реализована ситуация, когда признающая внутреннее превосходство мужа жена идет своим путем, заботясь прежде всего о благостоянии семьи, зарабатывая деньги, в то время как доктор думает не о материальном благополучии своих детей, а о благе мира, человечества вообще. Хабаров стремится помочь тем, кому особенно плохо, у кого нет возможности платить, для кого встреча с ним – единственная надежда остаться зрячими: «Какие у них деньги? <...> Учительница. Она же на тетрадках слепнет», «мальчонка без отца», «молодой парень, без работы, завод закрылся», «девочка. Мать – воспитательница детского сада. Слепнет...» [Екимов]. Символично, что доктор Хабаров – офтальмолог, он избавляет своих пациентов от

слепоты, помогает им прозреть не только физически, но и духовно – это заставляет вспомнить евангельский сюжет об исцелении слепорожденного нищего, просящего подаяния у дороги, по которой Иисус Христос следовал к Иерихону: «И сказал ему Иисус: «Пусть откроются глаза твои! Вера твоя исцелила тебя»» [Евангелие от Луки, глава 18, ст. 42]

В то же время Б. П. Екимов акцентирует внимание на связи образа доктора Хабарова с образами «слабых» отцов и «слабых» мужей отечественной литературы, восходящими к Простакову (Д. И. Фонвизин «Недоросль»), Андрею Prozорову (А. П. Чехова «Три сестры»), безмянному чиновнику (рассказ И. А. Бунина «Красавица»), Железнову (М. Горький «Васса Железнова») и др. Авторское отношение ко всем перечисленным персонажам проявляется по-разному: если Простакова Д. И. Фонвизин в соответствии с принципами классицизма включает в круг отрицательных героев, то отец-чиновник, герой И. А. Бунина, и Железнов М. Горького – персонажи более противоречивые. Читательское неприятие отношения отца, женившегося во второй раз, к семилетнему сыну от первого брака объясняется страхом перед «второй» красавицей, которая «сделала вид, что совершенно не замечает его. <...> отец, от страха перед ней, тоже притворился, будто у него нет и никогда не было сына»

[Бунин, 2022, с. 23]. Отец, безусловно, виновен в том, что ребенок несчастен, практически изгнан из родительского дома. Сергей Петрович Железнов в драме М. Горького изображен как человек порочный, безнравственный, что хорошо понимают члены его семьи и что доводит его до уголовного преследования. С одной стороны, персонаж не вызывает симпатии, но с другой – его жаль, потому что Васса принуждает его к самоубийству, чтобы муж не позорил семью, не оставляя никакого выбора (за все те преступления, которые совершил герой, его ждала бы каторга). Когда же Сергей Петрович отказывается «принять» порошок, жена «помогает» ему уйти из жизни. Андрей Prozоров в этом ряду «слабых» мужей и отцов выглядит самым безобидным: не преступный, не порочный, но его слабость, готовность подчиняться склочной жене Наташе лишают героя самостоятельности и взаимопонимания с сестрами. В случае с отцом повести Б. П. Екимова невольно вспоминается и герой трагедии У. Шекспира – отец Гамлета, которого на момент действия трагедии нет в живых, но который присутствует от начала и до конца в мыслях главного персонажа, обуславливает отношение к окружающим и поступки Гамлета. Доктора Хабарова также нет в живых на момент действия повести, но память о нем значима как для членов семьи, так и для окружающих людей.

На первый взгляд, доктор Хабаров в отличие от упомянутых выше «слабых» отцов и мужей представляется человеком, которого можно назвать идеальным. Это проявляется в его врачебном таланте, увлеченности своей работой, готовности, не раздумывая, браться за самую сложную операцию. Образ Хабарова вызывает восхищение у коллег, пациентов и младшего сына. «Все были такие тяжелые. Самые тяжелые – всегда наши... <...>. А к отцу пусть приходят и зовут его. Пусть приходят...» [Екимов].

Юношеская увлеченность старшего сына Алексея биологией явно объясняется влиянием отца, неосознанным восхищением, которое испытывает сын по отношению к доктору. Кроме того, Екимовым подчеркивается внешняя сила и мощь героя: он был высоким, плечистым, с большими руками. Доктор Хабаров занимался спортом, носил на руках сыновей, бегал. Но «идеальность» доктора Хабарова могла бы быть реализована только в «идеальные» времена, без общественных потрясений, когда отсутствует необходимость думать, чем завтра накормить семью, где будут жить твои дети. Но в произведении Бориса Екимова знакомство читателя с доктором начинается с воспоминаний о 1990-х годах, об эпохе, которую Мария Хабарова характеризовала: «Тогда все начало меняться: страна, производство, люди. Я видела, я чувствовала, что скоро-скоро

все рухнет – вся наша налаженная жизнь» [Екимов]. Сильный, мощный, талантливый герой оказывается не способным адаптироваться к новым социальным условиям, взять на себя ответственность за семью. И включение Марией мужа в перечень тех, кого она, женщина, должна была тащить на своих плечах. «А ведь надо было и вас растить, и старики наши были живы, и отец – ведь все на мне. <...> Что делать? Рыдать и плакать? На митинги ходить? Или трусиками торговать на рынке. Вот я и начала почти с трусиков, только по-другому» [Екимов] – уже не выглядит неожиданным и несправедливым.

Б. П. Екимов акцентирует внимание на том, что доктор Хабаров честно пытается продолжать то дело, которому он посвятил свою жизнь: лечить людей в клинике «Чистые глаза», но при этом автор подчеркивает, что создается клиника на деньги матери. Жена доктора видит в клинике не смысл жизни своего супруга, для нее это игрушка, которую дают ребенку, чтобы «он не маялся неприкаянным» [Екимов]. Поскольку вместо доходов клиника приносила только расходы, в 90-е годы такому предприятию не было смысла существовать.

Таким образом, идеальный герой не способен быть «рыцарем» в реальной ситуации. Это понимает старший сын Алексей, выбирая путь матери, а не отца: он становится бизнесменом, расширяя хабаровский концерн, отказываясь от

юношеского увлечения наукой. Принципиально важным для раскрытия образа доктора Хабарова становится эпизод встречи Алексея с профессором, у которого не было денег для того, чтобы пообедать даже в студенческой столовой, и который вынужден приносить с собой на кафедру банку борща. С одной стороны, профессор явно напоминает доктора Хабарова как человек, достигший вершин в своей деятельности: «заведующий кафедрой, любимый и уважаемый профессор» [Екимов], чье «молодое стремление, какой-то дар, потом институт, аспирантура, кандидатская диссертация, потом докторская – это все годы и годы, труды и труды. Забрался, поднялся на вершину, о которой мечталось смолоду» [Екимов]. С другой стороны, Алексей с ужасом видит, насколько жалко выглядит этот уважаемый человек: «немолодой усталый... в стоптанных дешевых башмаках, в заношенном костюме. <...> обтерханные сорочки, давно из моды вышедшие галстуки, застиранные носки, запах плохого одеколona... Вот он – венец жизни» [Екимов]. Романтический образ разбивается о суровую действительность девяностых. И Алексею приходит в голову аналогия с его «идеальным» отцом. Отец – тот же профессор, но кто его кормит? Получается, что, думая о своем настоящем и будущем, Алексей в качестве единственной опоры видит не отца, а мать: «Маме нашей большое спа-

сибо за то, что она нас выкормила и вырастила. <...> Но главная опора – ты, мамочка» [Екимов]. В этих размышлениях Алексея даже общая фамилия соотносится не с отцом, а с матерью.

У Б. П. Екимова образ отца связан с прошлым, а образ матери – с будущим. Слезы Ильи и его стремление поехать в деревню на могилу отца может означать дань прошлому, воспоминание о прошлом.

Мать юношей – Мария Хабарова – периодически возвращается в прошлое, особенно, когда очень тяжело: «А она и теперь чувствовала тяжкую усталость, словно навалилось все разом <...> еще и прошлое, близкое и далекое» [Екимов]. Ее называли когда-то «железной Марьей». Но она была просто женщиной: на работе – Марья, дома – ласковая мама, Маша, Машурочка – для мужа, Маняша – для покойных родителей. Но прошлое, подчеркивает Борис Петрович Екимов, ушло и словно забылось: Маняшей, Машей, Машурочкой ее давно никто не зовет.

И все же образ отца, даже давно покойного, необходим сыновьям Хабаровым, так, полагаем, что поиск отцовской могилы Ильей становится попыткой вернуться в детство, к идеалу, когда жизнь казалась спокойной.

Заключение

В повести Б. П. Екимова «Предполагаем жить» образ отца, продолжая традицию русской классики

XVIII – XX веков, претерпевает значительные изменения. Писатель соединяет в характере персонажа черты сильного, мудрого человека, преданного своему призванию, являющегося для сыновей примером самоотверженного служения благородному делу – с чертами «слабого» отца и мужа, не приспособленного к реальной жизни, не умеющего обеспечить семью, переложившего попечение о ней на плечи жены. Подобная типологическая

неоднозначность, с точки зрения Б. П. Екимова, обусловлена эпохой 90-х годов, когда произошел слом традиционных представлений о мире, отношений между людьми, когда сместились оценки и трансформировались ценности. Нам представляется перспективным проследить связь образа отца в повести «Предполагаем жить» с архетипом отца в мировой литературе.

Библиографический список

1. Алексин А. Звоните и приезжайте. Москва : АСТ, 2022. 416 с.
2. Бадиева Г. Ц. Проза Б. Екимова в кругу чтения современного человека // Книжная культура в цифровую эпоху: материалы Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Улан-Удэ, 2023. С. 250–255.
3. Бунин И. А. Красавица // Бунин И. А. Темные аллеи. Москва : АСТ, 2022.
4. Великанова И. В. Автор и герой в прозе Б. Екимова // Вестник ВолГУ. Серия 8. Вып. 10, 2011. С. 46–54.
5. Великанова И. В. Идеино-эстетические функции и поэтика пейзажа в прозе Б. Екимова, 2006. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/ideyno-esteticheskie-funktsii-i-poetika-peyzazha-v-proze-b-ekimova>. (Дата обращения: 01.10.2023).
6. Великанова И. В. Конфликт и сюжет в повестях Б. П. Екимова // Вестник ВолГУ, 2013, Серия 8. Вып. 12. С. 147–153.
7. Губайдуллина А. И. Роль отца в современной детской прозе // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2016. № 1. С. 34–38.
8. Демина Л. И. Жанровые особенности современной прозы: «житейские истории» Б. П. Екимова // Творчество В. И. Лихоносова и актуальные проблемы развития языка, литературы, журналистики, истории. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Краснодар, 2020. С. 17–23.
9. Демина Л. И. Формы выражения авторского мировидения в прозе Б. П. Екимова // Реклама, маркетинг, PR: теоретические и прикладные аспекты интегрированных коммуникаций. Материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Ответственный редактор В. В. Касьянов; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар, 2021. С. 88–92.
10. Дудинских О. В. Импрессионистское начало в малой прозе Б. П. Екимова // Грамота. 2015. № 2 (44): в 2-х ч. Ч. II. С. 87–91.
11. Евангелие от Луки // Новый Завет. Москва : Скрижаль, 2022.

12. Екимов Б. П. Предполагаем жить // Новый мир. 2008. № 5–6. URL : <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/143468-boris-ekimov-predpolagaem-zhit.html>. (Дата обращения: 06.10.2023).
13. Куделько Н. А. Праведники Бориса Екимова в свете традиций И. С. Тургенева («Записки охотника») // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки, 2013. № 1. С. 259–264.
14. Мокрова М. В. Художественный мир Б. П. Екимова // Русская словесность. 2009. № 2. С. 43–46.
15. Павлова Е. А. Своеобразие пейзажа в прозе Б. Екимова // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания, 2012. № 11. С. 38–41.
16. Партэ К. Русская деревенская проза: светлое прошлое / пер. с англ. И. М. Чеканниковой и Е. С. Кирилловой. Томск : Изд-во Томского ун-та, 2004. 203 с.
17. Перевалова С. В. Автор и его герой в повести Б. П. Екимова «Предполагаем жить» // Отчий край. 2023. № 2. С. 4 – 6.
18. Перевалова С. В. Проблема преемственности исторической памяти народа в повести Б. П. Екимова «Осень в Задонье» // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия: Педагогические науки. Филологические науки: научный журнал, 2020. № 10 (153). С. 187–196.
19. Скальная Ю. А. Образ отца в художественной литературе викторианской эпохи // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. 2013. № 3. С. 166–173.
20. Смирнова А. И., Смирнов В. Б. Большие возможности малого жанра: о новеллистики Бориса Екимова / А. И. Смирнова, В. Б. Смирнов // ВЕСТНИК ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2013. №2. С. 64–67.
21. Тагильцев А. В. Борис Екимов: новации и традиции в «деревенской» прозе / А. В. Тагильцев, А. М. Вагапова // Молодой ученый. 2022. № 22 (417). С. 594–597. URL: <https://moluch.ru/archive/417/92332/>. (Дата обращения: 08.10.2023).
22. Топор Г. Г. Образ отца в мировой литературе XIX века // Славянский чтения, 2015. № 5. С. 177 – 187.
23. Четырова Л. Б. Деревенская проза в контексте столкновения традиционной русской культуры и современной модерности / Л. Б. Четырова, А. С. Сахаров // Семиотические исследования, 2023. № 3 (2). С. 99–106.

Reference list

1. Aleksin A. Zvonite i priezhhajte = Call and come over. Moskva : AST, 2022. 416 s.
2. Badueva G.C. Proza B. Ekimova v krugu chtenija sovremennogo cheloveka = B. Ekimov's prose in the reading circle of a modern person// Knizhnaja kul'tura v cifrovuju jepohu: materialy Vserossijskoj (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoj konferencii. Ulan-Udje, 2023. S. 250–255.
3. Bunin I.A. Krasavica = A beautiful woman // Bunin I.A. Temnye allei. Moskva : AST, 2022.

4. Velikanova I.V. Avtor i geroj v proze B. Ekimova = The author and the hero in B. Ekimov's prose // Vestnik VolGU. Serija 8. Vyp. 10, 2011. S. 46–54.
5. Velikanova I.V. Idejno-jesteticheskie funkcii i pojetika pejzazha v proze B. Ekimova = Ideological and aesthetic functions and landscape poetics in B. Ekimov's prose. 2006. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/idejno-esteticheskie-funksii-i-pojetika-pejzazha-v-proze-b-ekimova>. (Data obrashhenija: 01.10.2023).
6. Velikanova I.V. Konflikt i sjuzhet v povestjah B.P. Ekimova = Conflict and plot in B.P. Ekimov's stories // Vestnik VolGU, 2013, Serija 8. Vyp. 12. S. 147–153.
7. Gubajdullina A.I. Rol' otca v sovremennoj detskoj proze = Paternal role in modern prose for children // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija. 2016. № 1. S. 34–38.
8. Demina L.I. Zhanrovyje osobennosti sovremennoj prozy: «zhitejskie istorii» B. P. Ekimova = Genre specifics of modern prose: "life stories" by B.P. Ekimov // Tvorchestvo V.I. Lihonosova i aktual'nye problemy razvitija jazyka, literatury, zhurnalistiki, istorii. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Krasnodar, 2020. S. 17–23.
9. Demina L. I. Formy vyrazhenija avtorskogo mirovidenija v proze B.P. Ekimova = Expressive forms of the authorial worldview in B.P. Ekimov's prose // Reklama, marketing, PR: teoreticheskie i prikladnye aspekty integrirovannyh kommunikacij. Materialy IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Otvetstvennyj redaktor V.V. Kas'janov; Ministerstvo nauki i vysshego obrazovanija Rossijskoj Federacii, Kubanskij gosudarstvennyj universitet. Krasnodar, 2021. S. 88–92.
10. Dudinskih O. V. Impressionistskoe nachalo v maloj proze B. P. Ekimova = Impressionist beginning in B. P. Ekimov's small prose // Gramota, 2015. № 2 (44): v 2- h ch. Ch. II. S. 87–91.
11. Evangelie ot Luki = Gospel of Luke // Novyj Zavet. Moskva : Skrizhal', 2022.
12. Ekimov B. P. Predpolagaem zhit' = Supposing to live // Novyj mir. 2008. № 5-6. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/143468-boris-ekimov-predpolagaem-zhit.html>. (Data obrashhenija: 06.10.2023).
13. Kudel'ko N. A. Pravedniki Borisa Ekimova v svete tradicij I.S. Turgeneva ("Zapiski ohotnika") = Boris Ekimov's righteous people in terms of I.S. Turgenev's traditions ("The Hunting Sketches") // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i social'nye nauki, 2013. № 1. S. 259–264.
14. Mokraja M.V. Hudozhestvennyj mir B. P. Ekimova = B. P. Ekimov's artistic world // Russkaja slovesnost'. 2009. № 2. S. 43–46.
15. Pavlova E.A. Svoeobrazie pejzazha v proze B. Ekimova = Unique landscapes in B. P. Ekimov's prose // Intellektual'nyj potencial XXI veka: stupeni poznaniya, 2012. № 11. S. 38–41.
16. Partje K. Russkaja derevenskaja proza: svetloe proshloe = Russian village prose: the bright past / Per. s angl. I.M. Chekannikovej i E.S. Kirillovoj. Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 2004. 203 s.
17. Perevalova S.V. Avtor i ego geroj v povesti B. P. Ekimova «Predpolagaem zhit'» = The author and his hero in B.P. Ekimov's story "Supposing to Live" // Otchij kraj. 2023. № 2. S. 4–6.

18. Perevalova S.V. Problema preemstvennosti istoricheskoy pamjati naroda v povesti B. P. Ekimova "Osen' v Zadon'e" = Continuity of the people's historical memory in the story "Autumn in Zadonye" by B. P. Ekimov // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Serija: Pedagogicheskie nauki. Filologicheskie nauki: nauchnyj zhurnal, 2020. № 10 (153). S. 187–196.
19. Skal'naja Ju.A. Obraz otca v hudozhestvennoj literature viktorianskoj jepohi = Paternal image in Victorian literature // Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 7: Literaturovedenie. 2013. № 3. S. 166–173.
20. Smirnova A. I., Smirnov V. B. Bol'shie vozmozhnosti malogo zhanra: o novellistiki Borisa Ekimova = Great possibilities of a small genre: on Boris Ekimov's short stories / A.I. Smirnova, V.B. Smirnov // VESTNIK VGU. Serija: Filologija. Zhurnalistika. 2013. №2. S. 64–67.
21. Tagil'cev A.V. Boris Ekimov: novacii i tradicii v «derevenskoj» proze = Boris Ekimov: innovations and traditions in "village" prose / A. V. Tagil'cev, A. M. Vagapova // Molodoj uchenyj. 2022. № 22 (417). S. 594-597. URL: <https://moluch.ru/archive/417/92332/>. (Data obrashhenija: 08.10.2023).
22. Topor G.G. Obraz otca v mirovoj literature XIX veka = The image of father in XIX century world literature // Slavjanskij chtenija, 2015. № 5. S. 177–187.
23. Chetyrova L.B. Derevenskaja proza v kontekste stolknovenija tradicionnoj russkoj kul'tury i sovremennoj modernosti = Village prose in the context of conflict between traditional Russian culture and contemporary modernity / L. B. Chetyrova, A.S. Saharov // Semioticheskie issledovanija, 2023. № 3 (2). S. 99–106.

Статья поступила в редакцию 20.09.2023; одобрена после рецензирования 09.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted on 20.09.2023; approved after reviewing 09.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Научная статья

УДК 008

DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_116

EDN RQEITW

**Культурный туризм
как ресурс социально-экономического развития российских регионов**

Ольга Николаевна Астафьева¹✉, Анастасия Юрьевна Смирнова²

¹доктор философских наук, профессор, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», профессор кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

²кандидат философских наук, заместитель директора Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», доцент кафедры ЮНЕСКО Института государственной службы и управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва

¹astafeva-on@ranepa.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8727-6322>

²smirnova-ay@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0831-9429>

Аннотация. В статье исследуется актуальное направление региональной политики, связанное с развитием культурного туризма. Опираясь на междисциплинарный подход, авторы раскрывают культурный туризм как межотраслевой многофункциональный комплекс, развитие которого основывается на использовании ресурсов специализированной и повседневной культуры, включающих историко-культурное наследие, искусство, художественное творчество, предметы быта, нематериальное наследие, современные виды креативных индустрий. Культурный туризм определяется конкурентным преимуществом России, поскольку опирается на уникальные природные и культурные ресурсы, среди которых не только памятники, обладающие универсальной ценностью и аутентичностью, но и современные креативные пространства, отвечающие целям регионального развития и социально-экономическим запросам. Развитие туризма рассматривается как направление стимулирования социально-экономической активности в регионе. В статье анализируется опыт реализации проектов особых экономических зон туристско-рекреационного типа. Выявляются позитивные практики и негативные последствия игнорирования факторов, влияющих на развитие культурного туризма, продвижение территориальных брендов и др. Специальное внимание уделено

проектам создания туристско-рекреационных кластеров – «точек роста», обеспечивающих качество культурной среды и социально-экономическую вовлеченность культурных ресурсов. В продолжение темы рассматривается концепция опорного каркаса, выявляющая влияние рекреационно-географических взаимосвязей на социокультурное пространство региона. В качестве выводов обосновывается необходимость дальнейшего исследования ведущих тенденций в области культурного туризма: активизации процесса конвергенции культуры и туризма; эффективности внедрения инструментов социокультурного проектирования в региональную практику управления; целесообразности инвестиционной поддержки проектов креативных пространств и культурно-туристских кластеров, внедрения инноваций и развития предпринимательства в социокультурной сфере при сохранении традиций; социально-экономического запроса на распространение цифровых продуктов для обеспечения доступности и качества (дистанционные форматы, онлайн-платформы, интерактивные персональные гиды и др.).

Ключевые слова: культурный туризм; социально-экономическое развитие; государственная культурная политика; культурные ресурсы региона; культурное наследие; креативный кластер

Для цитирования: Астафьева О. Н., Смирнова А. Ю. Культурный туризм как ресурс социально-экономического развития российских регионов // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 116-132. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_116. <https://elibrary.ru/RQEITW>.

CULTURAL SCIENCE

Original article

Cultural tourism as a resource for Russian regional socio-economic developmen

Olga N. Astafieva^{1✉}, Anastasia Y. Smirnova²

¹Doctor of philosophy, professor, director of the Scientific and Educational Center "Civil society and social communications", professor of the UNESCO Chair, Institute of Public Service and Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow.

²Candidate of philosophy, deputy director, Scientific and Educational Center "Civil society and social communications", associate professor of the UNESCO Chair, Institute of Public Service and Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow.

¹astafeva-on@ranepa.ru ✉, <https://orcid.org/0000-0001-8727-6322>

²smirnova-ay@ranepa.ru, <https://orcid.org/0009-0007-0831-9429>

Abstract. The article studies the present trend in regional policy towards the development of cultural tourism. Using an interdisciplinary approach, the authors describe cultural tourism as an inter-sectoral multifunctional complex, whose development is

based on applying the resources of specialized and everyday culture, including historical and cultural heritage, the arts, creativity, everyday objects, intangible heritage, modern types of creative industries. Cultural tourism is Russia's competitive advantage, as it relies on unique natural and cultural resources, including not only monuments of universal value and authenticity, but also modern creative spaces that meet the goals of regional development and socio-economic needs. Developing tourism is viewed as a way to stimulate socio-economic activity in the region. The authors analyze the experience of implementing the projects for special touristic recreational economic zones and identify positive practices and negative consequences of ignoring the factors that influence the development of cultural tourism, promotion of territorial brands etc. Special attention is paid to the projects of setting up tourist and recreational clusters – “points of growth”, ensuring the quality of cultural environment and socio-economic involvement of cultural resources. Furthermore, the concept of a support frame is considered, which reveals the influence of recreational and geographical relationships on the socio-cultural space of the region. As a conclusion, it is necessary to further investigate the leading trends in the field of cultural tourism: intensifying the convergence of culture and tourism; efficient introduction of sociocultural design techniques into regional management practice; rational investment support of creative space projects and cultural-tourist clusters, promoting innovations and developing entrepreneurship in the sociocultural sphere while keeping up traditions; socio-economic demand for distributing digital products to ensure accessibility and quality (distance formats, online platforms, interactive personalized guides, etc.).

Key words: cultural tourism; socio-economic development; state cultural policy; regional cultural resources; cultural heritage; creative cluster

For citation: Astafieva O. N., Smirnova A. Yu. Cultural tourism as a resource for Russian regional socio-economic development. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 116-132. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_116. <https://elibrary.ru/RQEITW>.

Введение

Процессы становления новой социально-культурной конфигурации, связанной с трансформацией геополитической реальности, остротой проблем взаимодействия культур и цивилизаций, выступают комплексным вызовом, с которым столкнулась Россия в первой четверти XXI в. И, чтобы ощущать себя уверенно в ситуации выбора обновляемых сценариев развития, будь то открытие уникальных меж-

дународных маршрутов или культурного обмена с дружескими странами, российское общество активно включилось в путешествия по территории своей собственной страны. Содействующие этому процессу формы поддержки со стороны государства свидетельствуют о новых подходах к пониманию возможностей культурного туризма и оценке вклада отечественного туризма в социально-

экономическое развитие Российской Федерации.

Конкурентным преимуществом для России являются ее собственные уникальные природные и культурные ресурсы, среди которых не только памятники и памятные места, обладающие универсальной ценностью, аутентичностью и целостностью, но и удовлетворяющие критериям исторической значимости культурные ландшафты и современные креативные пространства, отвечающие стратегии социокультурного развития, экономическим интересам и потребностям территории. В совокупности именно комплексное понимание целей государственной культурной политики направлено на укрепление единого культурного пространства страны и коллективной идентичности, системы традиционных духовно-нравственных ценностей, патриотизма и любви к своей Родине.

Осмысление такого сложного явления как культурный туризм (объект нашего исследования) осуществляется в социально-гуманитарном знании в разных научных направлениях. Наиболее устойчивый интерес наблюдается со стороны культурологического сообщества, предлагающего подойти к изучению культурного туризма в русле междисциплинарных исследований, а также у ученых управленческого экономического профиля, где сфера туризма представлена как организованный бизнес с вытекающим из такого подхода обращением к вопро-

сам менеджмента и маркетинга, укрепления человеческого потенциала. Отмечаемая широта научного интереса к туризму обусловила обращение к работам, раскрывающим общие проблемы его развития [Квартальнов, 2015; Чимирис, 2022], а также к исследованиям, с одной стороны, связанным с актуализацией культурного наследия, музеефикации и развития архитектурно-исторической среды, составляющими основу развития туристской отрасли [Пиляк, 2020; Егоров, 2022; Астафьева, Егоров, 2021], с другой стороны – к трудам, касающимся вопросов внедрения разных форм социокультурного проектирования в ресурсный потенциал территории [Астафьева, 2023], внедрения кластерного подхода в сферу культуры [Сапрыкина, 2014], в индустрию отдыха и туризма, в целом – регионального развития.

Исходя из определения культурного туризма как межотраслевого и многофункционального комплекса, развитие которого основывается на использовании ресурсов специализированной и повседневной культуры, включающих историко-культурное наследие, искусство, традиционное художественное творчество, материальные предметы быта и нематериальное наследие, современные виды креативных индустрий, ограничимся в данной статье изучением лишь одного из возможных аспектов исследования – *выявлением социально-экономического потенциала ту-*

ризма в развитии территории. Однако задачу в целом мы видим, как проекцию на появление широких междисциплинарных исследований с целью предложения по разработке комплексной межотраслевой стратегии развития культурного туризма в России.

Социально-экономический потенциал туризма

В современной практике государственного управления деятельность по развитию внутреннего и въездного туризма вполне заслуженно рассматривается как направление стимулирования социально-экономической активности в регионе или ином территориально-административном образовании. Так, туризм вносит весомый вклад в рост экономики и стимулирует развитие других отраслей. По информации, приводимой в Концепции ФЦП «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 – 2025 годы)», туризм формирует 3,4 % ВВП страны – эксперты обосновывают необходимость и перспективы по увеличению этого вклада, – а также оказывает влияние на 53 отрасли экономики: одно рабочее место в индустрии туризма способно создать до пяти рабочих мест в смежных отраслях [Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2018 N 872-р ... , 2019]. Немаловажным представляется и то, что туризм обеспечивает занятость и самозанятость граждан, стимулируя их активность в секторах малого и среднего пред-

принимательства. В ракурсе решения задач, стоящих перед системой публичного управления, меры по поддержке туризма призваны содействовать сглаживанию диспропорций в территориальном развитии, повышать качество жизни населения, увеличивать объем налоговых поступлений в бюджет.

Еще одно значение туризма раскрывается в Национальном проекте «Туризм и индустрия гостеприимства», в котором путешествия граждан по своей стране рассматриваются с точки зрения формы развития человеческого капитала. Предполагается, что именно через путешествия люди приобщаются к культуре и истории своей страны, знакомятся с её культурно-этническим многообразием, расширяют кругозор и формируют социально ответственное отношение к окружающему миру. Отмечается в документе и рекреационная функция отрасли – способность вносить вклад в сохранение здоровья населения [Паспорт национального проекта ... , 2021].

В целом всё вышеуказанное определяет, что туризм на государственном уровне мыслится одной из приоритетных отраслей экономики, не просто обладающей потенциалом генерировать положительные социальные и экономические эффекты, но и способной выступать стратегически важным ресурсом национального развития: профильный национальный проект ориентирован на достижение наци-

ональных целей развития страны до 2030 г. Такое понимание, в свою очередь, актуализирует вопрос о выборе форм и методов управления развитием национального туризма – темы нетривиальной – как показывает отечественная управленческая практика.

Вопросами создания условий для развития национального туризма органы государственной власти стали активно заниматься с середины 2000-х гг. Тогда разрабатывались масштабные проекты по созданию особых экономических зон туристско-рекреационного типа во многих российских субъектах. С 2007 по 2015 гг. были инициированы проекты 13 ОЭЗ ТРТ [Мышлявцева, 2018]. Из них по состоянию на 2023 г. продолжают функционировать только пять: «Байкальская гавань» (Республика Бурятия), «Бирюзовая Катунь» (Алтайский край), «Завидово» (Тверская область), «Ворота Байкала» (Иркутская область) и Северо-Кавказский туристический кластер (создавался как объединение 6 ОЭЗ ТРТ, расположенных в республиках Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Ингушетии, Чечне и Дагестане) [ОЭЗ туристско-рекреационного типа ... , 2023]. Остальные в течение первых пяти лет функционирования прекратили своё существование, как сходятся во мнению многие исследователи, из-за типовых причин: неопределенности правового регулирования механизма ОЭЗ и непроработанности модели управ-

ления экономической зоной, недостаточного бюджетного финансирования (вероятно, здесь сказались и факторы внешней среды – мировой финансовый кризис 2007-2008 гг., – и управленческого характера – одновременная реализация крупных инфраструктурных проектов, требующих значительных инвестиций), неразвитости инженерной и транспортной инфраструктуры, наличия административных барьеров, недостаточной квалификации кадров, низкой заинтересованности инвесторов и потенциальных резидентов [Селеванова, 2016, с. 50; Мышлявцева, 2018]. Тем не менее если попытаться выявить первопричину неэффективности проектов ОЭЗ ТРТ, то её истоки, на наш взгляд, стоило бы искать именно в управленческой практике. Масштабирование мало апробированной модели управления ОЭЗ, отсутствие системного видения проводимой на федеральном уровне политики по внедрению ОЭЗ в регионы, недостаточность конкретизации взаимодействия между федеральными и региональными властями в части как разработки, так и практического воплощения проектов, неопределенность приоритетов в реализации финансируемых из федерального бюджета инициатив – всё это реальные управленческие упущения, которые и привели к настоящему итогу. В совокупности с негативными экономическими факторами, влияющими на развитие туризма, наличи-

ем глубоких противоречий между производителями туристического продукта, их соответствия мировым стандартам оказания услуг, необходимости разработки системы продвижения территориальных брендов, все это приводит к выводам о необходимости кардинальных изменений в системе межотраслевых взаимодействий и развитии конкурентной среды.

**Кластерное проектирование
в контексте задач регионального
управления**

Продолжая размышления относительно внедрения инновационных форм развития туризма в регионах, подчеркнем, что часть из отмеченных замечаний была учтена. И в последнее десятилетие уже активно развиваются проекты по созданию туристско-рекреационных кластеров: они разрабатываются и выдвигаются не только для получения финансирования за счет средств соответствующей государственной программы (ранее – федеральной целевой программы) региональными властями, но и, конечно, для создания «точек роста» и повышения привлекательности региона и с целью создания узнаваемых брендов. Исходя из этой комплексной задачи, определено и целевое назначение использования выделенных бюджетных средств – строительство или реновация технических и коммуникационных обеспечивающих систем. В то время как создание туристской инфра-

структуры должно осуществляться за счет средств, в том числе и привлеченных, потенциальных участников кластера. Взамен помимо доступа ко всем жизнеобеспечивающим системам они получают еще и консультативную, маркетинговую и иной вид помощи от специально создаваемых региональными департаментами экономического развития некоммерческих структур по поддержке малого и среднего предпринимательства [Александрова, Владимиров, 2016, с. 48-49].

В рамках этой модели кластерной политики, как мы видим, уже регламентировано разграничение полномочий между федеральным и региональным уровнями власти: первые занимаются вопросами стратегического планирования, подготовкой общих управленческих рекомендаций и распределением бюджетных ресурсов, а вторые разрабатывают или инициируют разработку проектов регионального развития. Конкретизирован алгоритм организации и проведения работы с участниками кластера, в том числе четко прописаны права и обязательства всех субъектов возникающих отношений.

Несмотря на очевидные преимущества по сравнению с первыми проектами ОЭЗ ТРТ, кластерная форма развития туризма также не освобождена от управленческих рисков. Важным моментом здесь является то, что разработка и последующее сопровождение кластера возлагается на региональные власти.

И если, с одной стороны, мы видим в этом несомненный плюс, так как именно на данном уровне возможно создать такой проект, который бы максимально полно отвечал целям регионального развития, то, с другой стороны, это предопределяет значительную зависимость от компетентности региональных государственных служащих, их умений и опыта стратегически планировать и составлять обоснованные дорожные карты по реализации намеченных планов. В разных субъектах Российской Федерации сегодня имеется ряд успешно развиваемых кластеров, что свидетельствует о перспективах инвестирования в отрасль и реального влияния на экономику региона.

**Культурный каркас
как основа для формирования
туристского каркаса территории**

Говоря о средовом подходе к развитию территории средствами культуры, многие исследователи поднимали вопрос об определении возможностей, в частности культурного наследия как особого ресурса, используемого в процессе социально-экономического и социокультурного развития России. Идеи формирования целостного культурного пространства и одновременного выявления самобытности каждого проживающего в ней народа, отдельных регионов и поселений нашли свое воплощение в концепции опорного каркаса культурного пространства России [Ве-

денин, 2018, с. 67-81]. В разных своих преломлениях они широко использовались при решении задач отбора и последующего внедрения в региональную практику подходов по определению «точек роста» внутреннего и въездного туризма, что приобретает первостепенное значение для обеспечения эффективности взятого на федеральном уровне политического курса по развитию отрасли.

Особый интерес среди них должны представлять те, которые базируются не только на исследовании количественно-качественной характеристики имеющихся туристских ресурсов. Систематизация наличествующих ресурсов является лишь первым шагом в разработке стратегии развития регионального туризма и связанных с ней проектов. С этим соглашаются и специалисты в области туристско-рекреационной экспертизы – технологии по определению и обоснованию перспектив развития туризма на конкретной территории.

Так, Н. В. Шабалина подчеркивает, что содержательную основу отраслевых региональных стратегий помимо результатов оценки туристско-рекреационного потенциала должны составлять и сведения об актуальном состоянии рынка и функционирующего на исследуемой территории туристско-рекреационного комплекса (посредством проведения разнообразных социологических и маркетинговых исследований), степени вовлеченности в эко-

номический оборот обнаруженных ресурсов. Всего исследователь выделила 9 этапов проведения туристско-рекреационной экспертизы, призванной обосновать перспективные направления стратегического управления развитием регионального туризма [Шабалина, 2020].

Этот детализированный перечень представляется целесообразным дополнить и задачей по выявлению рекреационно-географических взаимосвязей в пространстве региона. Данная мысль положена в основу разрабатываемой А. Ю. Александровой и Д. П. Сорокиным *концепции туристского опорного каркаса*, под которым они понимают единую «совокупность туристских центров и туристских маршрутов, создающих пространственно-организованную структуру туристской деятельности» на определенной территории [Александрова, Сорокин, 2022, с. 25]. Фактически опорный каркас соединяет в одно целое туристско-рекреационное пространство региона, которое уже предстает единым объектом управления: *воздействие на один из структурных элементов сети влечет за собой изменения в другом*.

Апробация методики определения туристского опорного каркаса осуществлена учеными на примере Рязанской области. *На первом этапе* была проведена комплексная оценка туристско-рекреационного потенциала региона, что позволило выделить 40 реальных и потенци-

альных туристских дестинаций, ранжированных по административно-территориальному статусу. В каждой группе дестинации также были распределены по критерию специализации туризма: культурно-познавательный, религиозный, событийный и экологический.

На втором этапе посредством метода экспертного оценивания определялся уровень развития каждой из выделенных *дестинаций по пяти ключевым блокам*: туристский спрос, туристское предложение, обеспечивающая и специализированная инфраструктура, регулирование развитием туризма на государственном или муниципальном уровнях. В зависимости от итогового балла обосновывался ранг дестинации в структуре проектируемого каркаса: ядро, опорная точка первого, второго или третьего уровней, а также прочая опорная точка. На основе полученных данных была составлена карта области с нанесенными на неё элементами опорного каркаса, соединенными между собой транспортными коридорами. Логичным итогом исследования стала разработка портфеля рекомендаций для дальнейшего комплексного развития туризма в регионе [Александрова, 2022].

В целом этот пример демонстрирует широкие возможности для применения системного подхода к управлению развитием регионального туризма. На наш взгляд, туристский опорный каркас предстает проектируемой открытой системой

взаимосвязанных между собой в географическом, экономическом и социокультурном планах туристских дестинациях разного типа. И именно через системное видение объекта управления становится возможной разработка единой стратегии управления региональным туризмом, направленной на достижение целей комплексного развития региона.

Заключение

Перспективы развития разных форм туризма, на которые мы предлагаем обратить внимание на перспективу, на наш взгляд, связаны с включением в программы социально-экономического развития региональных территорий четырех основных векторов в разработке культурного туристического продукта, отвечающего интересам потребителя и укрепляющего потенциал индустрии. В настоящее время очевидна актуальность следующих тенденций:

1. Сохраняет свое значение процесс конвергенции культуры и туризма, *работа с культурным наследием*, рассматриваемая не только в контексте обязательных плановых мероприятий и процедур по сохранению наследия, решение вопросов вписанности в культурные ландшафты региона и рельефы новой городской застройки, но и, конечно, – содержательная сторона туристического продукта – *расширение тематических направлений*, предложения по интегрированию объектов культур-

ного наследия в межотраслевые программы, в целом – к признанию наследия динамично развивающейся частью культуры [Курьянова, 2011, с. 12-18]. В контексте расширяющихся практик работы с наследием и управлением его объектами, серьезную угрозу наследию создают факты несанкционированного «благоустройства» прилегающих территорий, массовых туристских потоков и уровень «культуры отдыха» у отечественного туриста, превращающего прилегающие к наследию территории, ввиду отсутствия специальных благоустроенных общественных мест, в прогулочные зоны.

2. *Требует активизации работа по внедрению инструментов социокультурного проектирования*, результатом которого становится создание событийных мероприятий и формирование региональных событийных брендов, как это происходит, к примеру, в Нижнем Новгороде, где продвигается коммуникативная стратегия знакомства с областью, наполненная интересными программами. Это не только бренд «100 % настоящая Россия» с его поднаправлениями, ориентированными на целевую аудиторию – для молодежи «100 % настоящее веселье», для семей с детьми «100 % настоящее детское счастье» и т. д., но и Мультижанровый музыкальный фестиваль «Столица закатов», «Горький Fest» – фестиваль нового российского кино, Международный фестиваль искусств «Стрелка» – серия гала-

концертов с выступлением оперных звёзд первой величины и лучших симфонических оркестров и др. событийные мероприятия. Их продвижению также способствует участие области в конкурсах и получение званий, привлекающих туристские потоки. В результате Нижний Новгород получил статус «Молодежная столица России – 2023», признан «Культурной столицей года» на 2024 год. В целом, такие конкурсы, как «Культурная столица года» в полной мере соответствуют стратегиям социокультурного развития [Астафьева, 2019].

3. Целесообразным представляется включение в план территориального развития инвестиций по формированию креативных пространств и культурно-туристских кластеров. Одной из задач этого направления выступает внедрение инноваций и развитие предпринимательства в социокультурной сфере при сохранении культурных традиций региона [Астафьева, 2020], преодоление сложившихся стереотипов и штампов по организации культурной жизни, которые выступают составляющими маркетинга туризма. Такой «точкой роста», к примеру, даже на стадии строительства, выступает проект формирования мощного Сибирского кластера искусств в Кузбассе – комплексного по своей сути, поскольку будет включать широкий спектр учреждений культуры, образовательных, спортивных организаций, культурных и исторических пространств [Создание Сибирско-

го ... , 2022]. Соответственно, ориентация и на жителей региона, и на его гостей, изначально предполагает стремление к достижению мирового уровня стандартов обслуживания, расширению рынка труда и привлечению в регион профессионалов из разных сфер индустрии креативной экономики и туризма.

4. Увеличивается потребность в распространении альтернативных продуктов, имеющих как прямое, так и косвенное отношение к развитию индустрии туризма. В частности, речь идет о расширении возможностей применения информационно-коммуникативных ресурсов (дистанционных форм, цифровизации и др.) для создания альтернативных форм и форматов в музейном туризме, где уже сегодня широко используются VR-технологии и AR-технологии в выставочной деятельности, обеспечивающие персонализацию предложения и развитие коммуникаций для малоформатных групп потребителей, состоящих из детей дошкольного возраста, групп людей пожилого возраста, а также – имеющих ограничения по здоровью. Здесь на первый план выходят вопросы доступности и возможности погружения в музейное пространство, что уже в настоящее время привело к созданию официальных приложений музеев, к размещению видео-экскурсий на онлайн-платформах, разработке интерактивных персональных гидов. В целом речь идет о достижении балан-

са между он- и офф-лайн посещениями, чтобы диверсификация музейного предложения была интересна сфере туризма [Каримова, 2023], а использование технологий способствовало расширению возможностей участия учреждений культуры в создании привлекательных турпродуктов [Pilyak, 2022].

Таким образом, потенциал культурного туризма огромен, и, несмотря на ряд факторов международного, политического, экономического, демографического характера, влияющих на объем услуг и состояние туристской отрасли, представляется перспективным для наращивания культурного капитала территории. В этой связи необходимо, на наш взгляд, расширять культурологические исследования для последующей разработки комплексной стратегии развития культурного туризма, вне которой нацеленность на решение исключительно отраслевых задач (улучшение состояния охраны и использования объектов культуры, внутренней инфраструктуры, обеспечение транспортной доступности и качества культурно-туристских услуг и мн. др.) отодвинет далеко на зад-

ний план, с одной стороны, цели создания общедоступного и полноценного, наполненного культурно-просветительской и культурно-развлекательной составляющей, сферы отдыха и рекреации населения страны, а с другой – цели и индустрии туризма, объединяющих специализированные предприятия, организации и учреждения, отвечающие задачам социально-экономического направления развития.

Разработка такой стратегии возможна в результате совместных усилий ученых и экспертов, профессиональных социокультурных проектировщиков при активном заинтересованном участии правительства, органов региональных властей, отраслевых субъектов управления, при учете мнений местного населения. Стратегия должна быть направлена на преодоление существующего разрыва между задачами по сохранению природного ландшафта и культурно-исторической среды, которыми во многом и формируется туристский каркас территории, и задачами развития индустрии туризма в России.

Библиографический список

1. Александрова А. Ю. Особенности создания туристских кластеров в России (на примере Вологодской области) / А. Ю. Александрова, Ю. Л. Владимиров // Современные проблемы сервиса и туризма. 2016. Т. 10, № 1. С. 47-58.
2. Александрова А. Ю. Туристский опорный каркас территории: теоретические основания, методика выделения, практическая значимость (на примере Рязанской области): монография / А. Ю. Александрова, Д. П. Сорокин. Москва-Берлин : Директ-Медиа, 2022. 96 с.
3. Астафьева О. Н. Культурная столица России – инструмент модернизации городов / О. Н. Астафьева, А. Р. Протасевич // Государственное управление и раз-

витие России: национальные цели и институты: Сборник статей международной конференц-сессии, Москва, 20–24 мая 2019 года. Том 1. Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2019. С. 264-273.

4. Астафьева О. Н. Творческие индустрии и креативное предпринимательство для развития территорий: о конкурентной среде модернизирующегося общества // «Государственное управление и развитие России: глобальные угрозы и структурные изменения»: сборник статей международной конференц-сессии. Том 3. Москва: Издательский дом «Научная библиотека», 2020. С. 178-194.

5. Астафьева О. Н. Культурное наследие в территориальных проектах развития / О. Н. Астафьева, В. К. Егоров // Музеефикация фортификационных сооружений: проблемы и пути их решения : сборник материалов Международного научно-практического семинара-конференции, посвященного 425-летию начала строительства Смоленской крепостной стены / сост. С. А. Пиляк, канд. архит. Смоленск: Свиток, 2021. С. 30-41.

6. Астафьева О. Н. Социокультурное проектирование: персонифицируемое наследие в музейных практиках Сибири / О. Н. Астафьева, О. Н. Шелегина // Вестник Кемеровского государственного института культуры и искусств. 2023. № 65. С. 243-254.

7. Веденин Ю. А. География наследия. Территориальные подходы к изучению и сохранению наследия. Москва : Новый хронограф, 2018. С. 67-81.

8. Егоров В. К. К вопросу о культурном наследии как цивилизационном ресурсе // Таврические студии. №30 / ГБОУВОРК «Крымский университет культуры искусств и туризма». Симферополь : «Антиква», 2022. С.4-10.

9. Каримова Г. Р. Музейный туризм в постпандемийный период: проблемы и перспективы развития / Г. Р. Каримова, Р. Р. Идрисова // Обсерватория культуры. 2023. Т.20. №4. С. 351-357.

10. Квартальнов А. В. Современное состояние и перспективы развития сферы туризма в Российской Федерации / А. В. Квартальнов, О. В. Чабанюк // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал). 2015. № 7(51). С. 549-571.

11. Курьянова Т. С. Культурное наследие: смысловое поле и практика // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2011. № 2. С. 12-18.

12. Мышлявцева С. Э. Особые экономические зоны туристско-рекреационного типа: вопросы эффективности функционирования // Современные тенденции пространственного развития и приоритеты общественной географии: материалы междунар. науч. конф. в рамках IX ежегод. науч. ассамблеи Ассоциации российских географов-обществоведов. Том 2 / отв. ред. Н. И. Быков; Алт. гос. ун-т. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2018. С. 118-122.

13. ОЭЗ туристско-рекреационного типа // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. 2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobye_ekonomicheskie_zony/oez_turistsko_rekreacionnogo_tipa/?ysclid=lpmytqlu6h425726087. (Дата обращения: 01.10.2023).

14. Пиляк С. А. Региональный опыт актуализации культурных ценностей в контексте реализации государственной национальной политики // Социально-гуманитарные знания. 2020. № 2. С. 265-270.

15. Пиляк С. А. Этапы актуализации культурного наследия // Ценности и смыслы. 2022. № 3 (79). С. 51–59.

16. Российская Федерация. Подзаконные акты. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019 – 2025 годы)»: Распоряжение Правительства РФ от 05.05.2018 N 872-р (ред. от 11.07.2019) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297883/18eb24005fd062573c142fb7f98769137ce7d974/?ysclid=lpmbomtmt0381148167. (Дата обращения: 01.10.2023).

17. Российская Федерация. Подзаконные акты. Паспорт национального проекта «Туризм и индустрия гостеприимства» // Министерство экономического развития Российской Федерации: официальный сайт. 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/da6490a6b838998e49df2556be17aaff/NP_Turizm_i_industriya_gostepriimstva.pdf. (Дата обращения: 01.10.2023).

18. Сапрыкина А. Н. Кластеры в сфере культуры: необходимость формирования и особенности создания // Вопросы управления. 2014. №2 (8). С. 152-156.

19. Селеванова Е. В. Международный и российский опыт создания особых экономических зон туристско-рекреационного типа: проблемы и перспективы // Вестник СевКавГТИ. 2016. № 1(24). С. 46-50.

20. Создание сибирского кластера искусств: образ культурного региона в сознании учащейся молодежи Кузбасса / Н. В. Костюк, В. И. Марков, Т. А. Волкова, З. М. Ахметгалеева, А. С. Тельманова, А. О. Гольская // Известия Российской академии образования. 2022. № 3 (59). С. 62-72.

21. Чимирис С. В. Потенциал развития индустрии туризма в Российской Федерации / С. В. Чимирис, М. Е. Чеглазова // Таврические студии. №30 / ГБОУ ВОРК «Крымский университет культуры искусств и туризма». Симферополь: «Антиква», 2022. С. 56-62.

22. Шабалина Н. В. Туристско-рекреационная экспертиза как инновационное направление пространственного анализа развития туристско-рекреационной деятельности // Инновационные технологии управления и стратегии территориального развития туризма и сферы гостеприимства: Материалы Международной научно-практической конференции. Том 2. Москва: Российский государственный университет туризма и сервиса (Черкизово), 2020. С. 363-371.

23. Pilyak S.A. Analysis of the transformation of the interpretation of cultural heritage under the influence of digital technologies // Международный научный журнал «Психология человека и общества». 2021. № 3 (32). P. 27-36.

Reference list

1. Aleksandrova A. Ju. Osobennosti sozdanija turistskih klasterov v Rossii (na primere Vologodskoj oblasti) = Specifics of creating tourist clusters in Russia (the example of the Vologda region) / A. Ju. Aleksandrova, Ju. L. Vladimirov // Sovremennye problemy servisa i turizma. 2016. T. 10, № 1. S. 47-58.

2. Aleksandrova A.Ju. Turistskij opornyj karkas territorii: teoreticheskie osnovanija, metodika vydelenija, praktičeskaja znachimost' (na primere Rjazanskoj oblasti)= Touristic support frame of the territory: theoretical foundations, methods of selection, practical significance (the example of the Ryazan region): monografija / A. Ju. Aleksandrova, D. P. Sorokin. Moskva-Berlin : Direkt-Media, 2022. 96 s.

3. Astaf'eva O.N. Kul'turnaja stolica Rossii – instrument modernizacii gorodov = The cultural capital of Russia as a tool for urban modernization / O. N. Astaf'eva, A. R. Protasevich // Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: nacional'nye celi i instituty: Sbornik statej mezhdunarodnoj konferenc-sessii, Moskva, 20–24 maja 2019 goda. Tom 1. Moskva: Izdatel'skij dom «Nauchnaja biblioteka», 2019. S. 264-273.

4. Astaf'eva O.N. Tvorcheskie industrii i kreativnoe predprinimatel'stvo dlja razvitiya territorij: o konkurentnoj srede modernizirujushhegosja obshhestva = Creative industries and businesses for territorial development: on the competitive environment of a society under modernization // «Gosudarstvennoe upravlenie i razvitie Rossii: global'nye ugrozy i strukturnye izmenenija»: sbornik statej mezhdunarodnoj konferenc-sessii. Tom 3. Moskva: Izdatel'skij dom «Nauchnaja biblioteka», 2020. S. 178-194.

5. Astaf'eva O.N. Kul'turnoe nasledie v territorial'nyh proektah razvitiya = Cultural heritage in regional development projects / O.N. Astaf'eva, V.K. Egorov // Muzeifikacija fortifikacionnyh sooruzhenij: problemy i puti ih reshenija : sbornik materialov Mezhdunarodnogo nauchno-praktičeskogo seminar-konferencii, posvjashhennogo 425-letiju nachala stroitel'stva Smolenskoj krepostnoj steny / sost. S.A. Piljak, kand. arhit. Smolensk: Svitok, 2021. S. 30-41.

6. Astaf'eva O.N. Sociokul'turnoe proektirovanie: personificiruemoe nasledie v muzejnyh praktikah Sibiri = Sociocultural projecting: personalized heritage in museum practices in Siberia / O.N. Astaf'eva, O.N. Shelegina // Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury i iskusstv. 2023. № 65. S.

7. Vedenin Ju.A. Geografija nasledija. Territorial'nye podhody k izucheniju i sohraneniu nasledija. = Heritage geography. Territorial approaches to studying and preserving heritage. Moskva : Novyj hronograf, 2018. S. 67-81.

8. Egorov V. K. K voprosu o kul'turnom nasledii kak civilizacionnom resurse = To the question of cultural heritage as a civilizational resource // Tavricheskie studii. №30 / GBOUVORK «Krymskij universitet kul'tury iskusstv i turizma». Simferopol' : «Antikva», 2022. S.4-10.

9. Karimova G.R. Muzejnyj turizm v postpandemijnyj period: problemy i perspektivy razvitiya = Museum tourism in the post-pandemic period: problems and prospects of development / G.R. Karimova, R.R. Idrisova // Observatorija kul'tury. 2023. T.20. №4. S. 351-357.

10. Kvartal'nov A.V. Sovremennoe sostojanie i perspektivy razvitiya sfery turizma v Rossijskoj Federacii = The current state and prospects of tourism development in the Russian Federation / A. V. Kvartal'nov, O. V. Chabanjuk // Sovremennye issledovanija social'nyh problem (jelektronnyj nauchnyj zhurnal). 2015. № 7(51). S. 549-571.

11. Kur'janova T.S. Kul'turnoe nasledie: smyslovoe pole i praktika = Cultural heritage: semantic field and practice // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologija i iskusstvovedenie. 2011. № 2. S. 12-18.

12. Myshljavceva S.Je. Osobyje jekonomicheskie zony turistsko-rekreacionnogo tipa: voprosy jeffektivnosti funkcionirovanija = Special economic zones of tourism-recreation type: efficient functioning issues // *Sovremennye tendencii prostranstvennogo razvitija i prioritety obshhestvennoj geografii: materialy mezhdunar. nauch. konf. v ramkah IX ezhegod. nauch. assamblei Associacii rossijskih geografov-obshhestvovedov. Tom 2 / otv. red. N. I. Bykov; Alt. gos. un-t. Barnaul : Izd-vo Alt. un-ta, 2018. S. 118-122.*

13. OJeZ turistsko-rekreacionnogo tipa = Special economic zones of tourism-recreation type // *Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. 2023. URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/regionalnoe_razvitie/instrumenty_razvitiya_territoriy/osobyje_ekonomicheskie_zony/oez_turistsko_rekreacionnogo_tipa/?ysclid=lpmytqlu6h425726087. (Data obrashhenija: 01.10.2023).*

14. Piljak S.A. Regional'nyj opyt aktualizacii kul'turnyh cennostej v kontekste realizacii gosudarstvennoj nacional'noj politiki = Cultural values actualization in regional experience within the framework of implementing the state national policy // *Social'nogumanitarnye znaniya. 2020. № 2. S. 265-270.*

15. Piljak S.A. Jetapy aktualizacii kul'turnogo nasledija = The stages of actualizing cultural heritage // *Cennosti i smysly. 2022. № 3 (79). S.51–59.*

16. Rossijskaja Federacija. Podzakonnye akty. Ob utverzhdenii Konceptcii federal'noj celevoj programmy «Razvitie vnutrennego i v#ezdnoogo turizma v Rossijskoj Federacii (2019 – 2025 gody)»: Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 05.05.2018 N 872-r (red. ot 11.07.2019) = The Russian Federation. By-laws. On approving the Concept of the federal target program "Development of internal and foreign tourism in the Russian Federation (2019 – 2025 years)": Order of the RF Government of 05.05.2018 N 872-r (ed. of 11.07.2019) // SPS Konsul'tantPljus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_297883/18eb24005fd062573c142fb7f98769137ce7d974/?ysclid=lpmbomtmt0381148167. (Data obrashhenija: 01.10.2023).

17. Rossijskaja Federacija. Podzakonnye akty. Pasport nacional'nogo proekta «Turizm i industrija gostepriimstva» = The Russian Federation. By-laws. Passport of the National Project "Tourism and Hospitality Industry" // *Ministerstvo jekonomicheskogo razvitija Rossijskoj Federacii: oficial'nyj sajt. 2021. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/da6490a6b838998e49df2556be17aaff/NP_Turizm_i_industriya_gostepriimstva.pdf. (Data obrashhenija: 01.10.2023).*

18. Saprykina A.N. Klastery v sfere kul'tury: neobhodimost' formirovanija i osobennosti sozdanija = Clusters in cultural sphere: necessity of formation and specifics of creation // *Voprosy upravlenija. 2014. №2 (8). S. 152-156.*

19. Selevanova E.V. Mezhdunarodnyj i rossijskij opyt sozdanija osobyh jekonomicheskikh zon turistsko-rekreacionnogo tipa: problemy i perspektivy = International and Russian experience in creating special economic zones of tourism-recreational type: problems and prospects // *Vestnik SevKavGTI. 2016. № 1(24). S. 46-50.*

20. Sozdanie sibirskogo klastera iskusstv: obraz kul'turnogo regiona v soznanii uchashhejsja molodezhi Kuzbassa = Setting up a Siberian arts cluster: the image of a cultural region in the minds of Kuzbass students / N. V. Kostjuk, V. I. Markov, T. A. Volkova, Z. M. Ahmetgaleeva, A. S. Tel'manova, A. O. Gol'skaja // Izvestija Rossijskoj akademii obrazovanija. 2022. № 3 (59). S. 62-72.

21. Chimiris S.V. Potencial razvitija industrii turizma v Rossijskoj Federacii = Tourism industry development potential in the Russian Federation / S.V. Chimiris, M.E. Cheglazova // Tavricheskie studii. №30 / GBOUVORK «Krymskij universitet kul'tury iskusstv i turizma». Simferopol': «Antikva», 2022. S. 56-62.

22. Shabalina N.V. Turistsko-rekreacionnaja jekspertiza kak innovacionnoe napravlenie prostranstvennogo analiza razvitija turistsko-rekreacionnoj dejatel'nosti = Tourism-recreational expertise as an innovative direction of tourist-recreational activity development spatial analysis // Innovacionnye tehnologii upravlenija i strategii territorial'nogo razvitija turizma i sfery gostepriimstva: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Tom 2. Moskva: Rossijskij gosudarstvennyj universitet turizma i servisa (Cherkizovo), 2020. S. 363-371.

23. Pilyak S.A. Analysis of the transformation of the interpretation of cultural heritage under the influence of digital technologies // Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal «Psichologija cheloveka i obshhestva». 2021. № 3 (32). P. 27-36.

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted on 26.09.2023; approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_133
EDN RTQXKK

**Усадебный миф в литературе и живописи –
В. В. Набоков и С. А. Виноградов**

Наталья Владимировна Михаленко

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. г. Москва
rinsan-tin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

Аннотация. В статье проводится интермедиаальный анализ образов усадьбы в поэтическом творчестве В. В. Набокова и живописи С. А. Виноградова. Предмет исследования обусловлен схожестью мотивного и образного ряда, символики, характерных для изображения жизни в поместье, в интерпретации поэта и художника. Сопоставление обусловлено важностью визуальной составляющей для поэзии Набокова, его интересом к живописи, увлечением энтомологией и созданием рисованных анатомических каталогов бабочек, традицией его дарственных надписей, сочетающих небольшую картинку и подпись. В статье показано, что в отдельных стихах Набокова конца 1910 и 1920-х гг. утраченный усадебный быт, который с предельной точностью сохранился в его воспоминаниях, представлен синтетической импрессионистической картиной: в пестроте красок, полифонии звуков и запахов. Поэтом создан образ красоты мимолетного счастья и гармонии жизни.

В живописи Виноградова 1907–1917 гг. был опоэтизирован усадебный быт: на многих его полотнах в неизменно теплой гамме красок, гармонии композиции изображено имение Мамонтовых Головинка Тульской губернии. В его работах и воспоминаниях, значимых как в биографическом, так и в художественном плане, отразился не только расцвет усадебной культуры, но и ее гибель в водовороте войн и революций.

Целью статьи является компаративное сопоставление произведений литературы и живописи, воспоминаний авторов-эмигрантов для выявления составляющих усадебного мифа, погибшего идиллического топоса. Показаны сходные особенности художественного метода интерпретации усадебной жизни средствами литературы и живописи, благодаря чему создается типологически близкий образ.

Ключевые слова: В. В. Набоков; С. А. Виноградов; поэзия; живопись; «усадебный» текст в литературе; образ; интермедиаальный анализ

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00051 <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

© Михаленко Н. В., 2023

Для цитирования: Михаленко Н. В. Усадебный миф в литературе и живописи – В. В. Набоков и С. А. Виноградов // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 133-145. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_133. <https://elibrary.ru/RTQXKK>.

Original article

**The estate myth in literature and painting –
V. V. Nabokov and S.A. Vinogradov**

Natalia V. Mikhalenko

Candidate of philological sciences, senior researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences. Moscow
rinsan-tin@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6200-6211>

Abstract. The article provides an intermediate analysis of the images of the estate in the poetic work of V. V. Nabokov and the painting of S. A. Vinogradov. The subject of the study is due to the similarity of the motivic and figurative series, symbols characteristic of the depiction of life on the estate, in the interpretation of the poet and the artist. The comparison is due to the importance of the visual component for Nabokov's poetry, his interest in painting, his passion for entomology and the creation of hand-drawn anatomical catalogues of butterflies, the tradition of his gift inscriptions combining a small picture and a signature. The article shows that in some of Nabokov's poems of the late 1910s and 1920s, the lost manor life, which was preserved with extreme accuracy in his memoirs, is represented by a synthetic impressionistic painting: in a variety of colors, a polyphony of sounds and smells. The poet created an image of the beauty of fleeting happiness and harmony of life.

In Vinogradov's painting of 1907-1917, the manor life was poetized: on many of his canvases, the Mammoth Golovinka estate of the Tula province is depicted in an invariably warm range of colors, harmony of composition. His works and memoirs, significant both biographically and artistically, reflected not only the flourishing of the manor culture, but also its death in the maelstrom of wars and revolutions.

The purpose of the article is a comparative comparison of works of literature and painting, memoirs of emigrant authors to identify the components of the manor myth, the lost idyllic topos. Similar features of the artistic method of interpreting manor life by means of literature and painting are shown, which creates a typologically similar image.

Key words: V.V. Nabokov; S. A. Vinogradov; poetry; painting; “estate” text in literature; image; intermedial analysis

This work was carried out at IWL RAS and funded by the grant from the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00051, <https://rscf.ru/project/22-18-00051/>

For citation: Mikhalenko N. V. The estate myth in literature and painting – V.V. Nabokov and S.A. Vinogradov. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 133-145. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_133. <https://elibrary.ru/RTQXKK>.

Введение

Мифология дворянского поместья, семантика усадебных мотивов и образов – новая и актуальная тема для русской литературы и культуры в целом [Щукин, 2007; Жаглова, 2019; Дмитриева, 2008]. О. А. Богданова отмечает: «Русская классическая культура, во многом благодаря своей “усадебности”, строила себя на фундаменте сверхличного русского национально-религиозного “предания”, с его полухристиански-полуязыческим культом земли, семьи, общины, с его многомерным мироощущением, несводимым к рациональным проекциям, с его живым чувством Божественного присутствия» [Богданова, 2010, с. 18]. Многие аксиологические основы искусства XIX–XX вв. связаны с особым уединенным типом творчества в поместье, где в гармонии с природой складывалось особое философское осмысление мира.

Трудов, посвященных изучению «усадебного» текста В. В. Набокова, немного [Разумовская, 2002, Гриневич, 2016, Дмитриева, 2019]. Поэтика и символика усадьбы в его творчестве чаще всего рассматривалась в контексте интерпретации этого образа в произведениях других писателей XX века. Так, А. Г. Разумовская и О. А. Гриневич в своих статьях сопоставляли образ усадьбы в поэтических и прозаических текстах И. А. Бунина и В. В. Набокова. Раз-

умовская, проводившая сравнительный анализ стихотворений этих авторов, отмечала, что писатели, «вышедшие из дворянской среды <...> обращались к дворянскому пласту русской культуры, воплощенном в культурном мифе дворянского гнезда, осуществляя, таким образом, синтез культурной и индивидуальной памяти» [Разумовская, 2010, с. 153]. Она делала акцент на том, что «Набоков не наблюдал, подобно Бунину, запустения дворянских имений, но его ностальгия обострялась тем, что, потеряв Россию совсем молодым человеком, он расценивал эмиграцию как утрату не только родины, но и дома, семьи» [Разумовская, 2010, с. 139].

О. А. Гриневич на материале рассказа «Адмиралтейская игла» исследовала «взаимодействие литературных штампов и индивидуальной разработки усадебной традиции» Набоковым [Гриневич, 2016, с. 72]. Ей был сделан вывод, что для «набоковского варианта усадебного мифа характерно усиление семантики воспоминания, разработка проблемы личной и культурной памяти. В соответствии с эстетикой модернизма, усадьба в произведениях писателя переносится в план сознания, становится ментальным пространством памяти, в которое мысленно возвращаются герои» [Гриневич, 2016, с. 72].

Компаративный анализ произведений литературы и живописи, связанный с изображением жизни в усадьбе, новая и перспективная тема [Каждан, 1997; Три века русской усадьбы, 2004; Михаленко, 2019; Михаленко, 2020]. Подробное ее изучение позволит реконструировать целостный образ усадьбы в искусстве XIX–XX вв., выделить приемы передачи особого мировоззрения, которое характерно для традиции поместной жизни на лоне природы.

Результаты исследования

Е. Е. Дмитриева, определяя литературную тенденцию в творчестве И. А. Бунина, В. В. Набокова, Б. К. Зайцева, М. А. Осоргина после 1917 г., писала, что в произведениях этих писателей «усадьба обретает статус той виртуальной ценности, которая уже более не нуждается в реальной субстанции» [Дмитриева, 2008, с. 167]. Как отмечал сам Набоков, его идиллические воспоминания о детстве в усадьбе связаны не только с реальными событиями, но и с литературной традицией: «Пикники, спектакли, бурные игры, наш таинственный вырский парк, прелестное бабушкино Батово, великолепные витгенштейновские имения – все это осталось идиллически гравюрным фоном в памяти, находящей теперь схожий рисунок только в совсем старой русской литературе» [Набоков, 1991, с. 163].

В стихотворении «Весна» (1925) Набоков создал образ памяти, которая способна сохранить в нетро-

нущем виде то, что было давно утрачено (О своеобразном двоемирии Набокова см. [Scherr, 2005]):

Вдали от ропота изгнания
живут мои воспоминанья
в какой-то неземной тиши:
бессмертно все, что неозвратно,
и в этой вечности обратной
блаженство гордое души [Набоков, 1991а, с. 243].

В воспоминаниях он писал об особом свойстве своей памяти, которое позволило запомнить в точных и мельчайших подробностях все реалии усадебной жизни в России. Он упоминал, что «...еще в первые годы изгнания моя мать и я могли без труда обойти весь парк, и старую и новую его часть, по памяти...» [Набоков, 1991, с. 530]. В памяти писателя, как на сохранившейся киноленте, отпечаталось все, что было связано с родовой усадьбой Рождествено, и этот источник впоследствии питал его тексты: «Теперь это был очаровательный, необыкновенный дом. По истечении почти сорока лет я без труда восстанавливаю и общее ощущение и подробности его в памяти... незабвенную колоннаду заднего фасада, под романтической сенью которой сосредоточились в 1915 году счастливейшие часы моей счастливой юности» [Набоков, 1991, с. 168].

Визуальность поэзии Набокова так или иначе связана с его увлечением бабочками. Вероятно, стремление запомнить во всех нюансах

красоту насекомого, «сфотографировать» взглядом необычную раскраску трансформировалось впоследствии в яркие словесные образы: «Началось все это, когда мне шел седьмой год, и началось с довольно банального случая. На персидской сирени у веранды флигеля я увидел первого своего махаона – до сих пор аоническое обаяние этих голых гласных наполняет меня каким-то восторженным гулом! Великолепное, бледно-желтое животное в черных и синих ступенчатых пятнах, с попугаячьим глазком на каждой из парных черно-палевых шпор, свешивалось с наклоненной малиново-лиловой грозди и, упиваясь ею, все время судорожно хлопало своими громадными крыльями» [Набоков, 1991, 460]. Кропотливая работа над энтомологической коллекцией, создание более тысячи подробнейших иллюстраций [Fine Lines, 2016], объясняющих анатомические особенности того или иного вида бабочек, – сфера деятельности, которая, вероятно, опосредованно влияла на визуальность поэтических образов автора. Также следует отметить инскрипты, которые Набоков оставлял на своих книгах. Например, дарственные надписи на обложках изданий, подаренных жене В. Е. Слоним, включали обязательно рисунок бабочки.

Многие темы, мотивы, образы, связанные с интерпретацией усадебной жизни в произведениях Набокова, сходны с теми, что были

созданы на картинах 1907–1917 гг. художника С. А. Виноградова (1869–1938) – члена Академии художеств, «Товарищества передвижных художественных выставок», объединения «Мир искусства», одного из основателей «Союза русских художников». Как отмечала искусствовед и биограф художника Н. И. Лapidус, «...годы, проведенные в Москве и частых поездках по России, были наполнены встречами с известными деятелями. Он лично знал Л. Н. Толстого, рисовал его портреты в имении дочери писателя Кочеты и Ясной Поляне. Вместе с К. А. Коровиным и Ф. И. Шаляпиным отдыхал в деревне. Был вхож в дома меценатов, коллекционеров П. И. Харитоненко, С. И. Щукина, братьев М. А. и И. А. Морозовых, Мамонтовых, дружил со многими московскими художниками. Это были лучшие страницы его жизни. Будучи в эмиграции, он опишет их в своих рассказах, создав необыкновенно яркие повествования о той жизни, когда хотелось жить и творить» [Лapidус, 2001, с. 8].

Очень часто Виноградов изображал имение Головинка в Тульской губернии, принадлежавшее Мамонтовым («В усадьбе» (1907), «Летом» (1909), «Усадьба» (1910), «Сад» (1910), «Цветник» (1910), «Весна идет» (1911)). В своих воспоминаниях он писал: «Как воодушевляла Головинка милая! Как хотел я передать в картинах ее поэ-

зию, ее радостность. Работал я настойчиво, с большим волнением. <...> Радость работы была на счастье похожа. И как же не любить мне ее, родную красавицу. И как не вспомнить о былом счастье!» [Виноградов, 2001, с. 178]. Его работы, созданные на пленэре, передают гармонию и благообразность усадебного быта, его соотносимость с природными циклами. На «усадебных» картинах Виноградова запечатлен идеал жизни, к которому он не раз обращался уже в эмиграции, в своих мемуарах: «Вот там-то я прожил и проработал большую часть жизни моей. И этот кусочек жизни светит мне до сих пор, ибо истинное счастье было и такая поэзия несказанная. Головинка – красивейшая усадьба, поэтическое дворянское гнездо со всем укладом настоящего барства. Перед домом чудесный цветник, много роз, за которыми, помимо садовника, ухаживала красивейшая из женщин – хозяйка, сама похожая на розу» [Виноградов, 2001, с. 178]. Воспоминания Виноградова о времени, проведенном в усадьбах Коровина, братьев Морозовых, Харитоненко, проникнуты таким же светом и теплом [Виноградов, 2001].

Дочь В. С. Мамонтова Софья Всеволодна Волкова вспоминала: «В нашей семье очень любили Сергея Арсеньевича – “Сергеюшку”. Мы с сестрой все детство прожили с сознанием, что Сергеюшка нам ближе многих родственников, в нашей семье все его любили и ценили, все относились как к близко-

му, любимому другу. <...> Ежегодно, лет десять подряд, лето он проводил в нашем имении Головинка, где “желтый дом в цветах” создал ему популярность, и он получал еще и еще заказы на эти красивые пейзажи» [Виноградов, 2001, с. 8].

Традиционные символы умиротворенной жизни в поместье повторяются в стихах Набокова и работах Виноградова, создавая образ усадьбы как идиллического места. Например, в стихотворении «Рай» (1925) Набокова создана картина единства человека и природы. Поэт соединяет приемы словесного рисования и «перенесения» лирического героя в пространство холста, таким образом оживляя это вербально-визуальное полотно:

Любимы ангелами всеми,
толпой глядящими с небес,
вот люди зажили в Эдеме, —
и был он чудом из чудес.
Как на раскрытой Божьей длани,
я со святою простотой
изображу их на поляне,
прозрачным лаком залитой,
среди павлинов, ланей, тигров,
у живописного ручья... <...>
Бессмертен мир картины этой,
и сладкий дух таится в нем <...>
Там по написанному лесу
тропами смуглыми брожу, —
и сокровенную завесу
опять со вздохом завожу...
(«Рай», 1925)

[Набоков, 1991 а, с. 387]

Частотен в стихах Набокова и сюжет ожившей картины. Силой

воспоминания в покинутой усадьбе вновь повторяется давно пережитое:

В полнолуние, в гостиной пыльной и пышной,
где рояль уснул средь узорных теней,
опустив ресницы, ты вышла неслышно
из оливковой рамы своей. В этом доме ветхом, давно опустелом,
над лазурным креслом,
на светлой стене
между зеркалом круглым
и шкапом белым,
улыбалась ты некогда мне. <...>
И теперь ты вышла из рамы старинной,
из усадьбы любимой, и в час тоски
я увидел вновь платя вырез невинный,
на девичьих висках завитки
(1923) [Набоков, 1991а, с. 192].

Интересно, что память в стихах Набокова обладает силой восстанавливать все более мелкие подробности прежнего быта, наполнять ментальную картину новыми деталями:

Верхи берез в лазури свежей,
усадьба, солнечные пни –
все образы одни и те же,
все совершеннее они («Весна»,
1925) [Набоков, 1991а, с. 243].

Как отмечал Б. В. Аверин, в стихах Набокова «прошлое переживается с такой же непосредственностью, как настоящее» [Аверин, 2001, с. 498].

Образ летнего усадебного утра, раскрытых в парк окон характерен как для лирики Набокова, так и для картин Виноградова. Строки стихотворения «Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье!..» будто соответствует картине художника «В доме» (1913), где солнечное утро предстает в полифонии красок парка и отблесков цветных витражных стекол. Девочка на веранде стоит будто перед бушующим морем листвы. Виноградов передает атмосферу частной жизни, семейного уюта, покоя. Девочка не позирует, разглядывая парк. Дочь В. С. Мамонтова Софья Всеволодна Волкова вспоминала: «Меня он с самого далекого детства “пихал” во многие свои произведения, за что я неукоснительно требовала “платы”, то уздечку, то седло, то сарафан и т. д.» [Виноградов, 2001, с. 8]. Как отмечала Н. И. Лapidус, «создавая усадебные пейзажи, Виноградов много писал и интерьеры дома, в которых часто присутствует человек. Разрабатываемая художником световоздушная масса придавала изображению утонченность, эгегическую замедленность. Природа и люди воспринимаются в его картинах как единый художественный образ» [Лapidус, 2010, 146].

Такая же радость и полнота жизни, домашний уют переданы и в стихотворении Набокова «Звени, мой верный стих, витай, воспоминанье!..» (1918):

Пусть будет снова май, пусть небо вновь синее.

Раскрыты окна в сад. На кресло, на паркет широкой полосой янтарный льется свет, и дивной свежестью весенний воздух веет.

Но чу! Вдыхает парк... Там – радость без конца, там вольные мечты сулит мне рай зеленый [Набоков, 1991а, с. 20].

В «усадебных» стихах Набокова, как и в пейзажах Виноградова, много света – солнечного или лунного. В убранстве усадебного дома создается сияющая световая переключка:

И блестящие клавиши пели ярко, и на солнце глубокий вспыхивал пол, и в окне, на еловой опушке парка, серебрился березовый ствол («В полнолуние, в гостиной пыльной и пышной...», 1923») [Набоков, 1991а, с. 192].

Практически иллюстрацией этих строк является картина Виноградова «Играет» (1914), где в солнечных лучах переливаются желтые и зеленые листья за окном, блестят клавиши фортепиано, на котором музицирует девочка, а веселое настроение создает единственный зритель – пес, сидящий на стуле.

На почти праздничной картине «Алупка» (1917) Виноградова изображено море в лучах луны. Световая дорожка, бегущая по водной глади, точно пересекает границы комнаты, входит в распахнутую дверь, где сидящие на диване женщины заморожены красотой ночного пейзажа: «...фиолетовые отсве-

ты ночного моря врываются цветными рефлексам в освещенную свечами комнату, высвечивают пол, желтую скатерть, одежду портретируемых, создавая общую цветовую гармонию» [Лapidус, 2010, с. 80]. Подобный сюжет представлен и на полотне «Южная ночь» (1915). Почти мистической кажется и картина «В беседке» (1910–1920-е). Ночь у Виноградова наполнена светом: лунные блики отражаются в воде, белое платье женщины гармонирует с цветами и стенами беседки, героиня будто заморожена этим пейзажем. Образ благоухающей ночи в «Головинке» создал художник в своих воспоминаниях: «А при самом выходе из цветника в парк, по обе стороны дорожки были большие ряды с цветами-матиолами, совсем днем невидными, начинающими жить только с вечера до утра. В сумерки вдруг они посылают такой волнующий аромат и такой сильный, что приносится издалека он к дому, к балкону, на котором сидишь в обществе очаровательной женщины-розы» [Виноградов, 2001, с. 178].

У Набокова ночь в усадьбе «Гуманна и светла», способна пробудить воспоминания, светлую грусть. В стихотворении «Сирень» (1928):

Ночь в саду, послушная волнению, нарастающему в тишине, потянулась, дрогнула сиренью, серой и пушистой при луне. Смешанная с жимолостью темной, всколыхнулась молодость моя [Набоков, 1991а, с. 230].

Солнцем и теплом, атмосферой покоя и благообразности наполнена картина Виноградова «Летом» (1909). Песочные стены дома вторят солнечным бликам, сочной зелени цветника и парка. Белизна платьев дам, светлая скатерть, букет на столе – все создает атмосферу уюта и гармонии с природой. Зритель не видит лиц героинь этой картины, точно он не должен нарушить тишину и умиротворенность их времяпрепровождения.

Почти импрессионистичные картины создает Набоков в своих стихах. Например, в стихотворении «Домой» он описывает пейзаж после дождя, ловит мгновение, наполненное запахами и звуками. Его усадебный мир предстает во всей полноте и проявленности чувств:

Жаворонок тонет
в звенящем небе, и велик,
и свеж, и светел мир, омытый
недавним ливнем: благодать,
благоуханье. Что гадать?
Все ясно, ясно; мне открыты
все тайны счастья; вот оно:
сырой дороги блеск лиловый,
по сторонам то куст ольховый,
то ива; бледное пятно
усады дальней... («Домой»,
1917–1922) [Набоков, 1991а, с. 149].

Кинематографичный взгляд, необыкновенный слух лирического героя Набокова, способность «вчувствования» в природный мир позволяет услышать биение «сердца <...> каждого листка», понять «азбуку душистого ветерка»:

И ты поймешь, и слух прозрачный твой
все различит: и солнца смех летучий,
и в небе вздох блестящей легкой тучи,
и песню пчел над шепчущей травой («Сонет», 1922) [Набоков, 1991а, с. 186].

Стихи Набокова красочны, наполнены неожиданными оттенками цветов. Вероятно, это во многом связано со синестезией поэта, которая проявилась в раннем возрасте, когда он осознал, что все буквы, как русского, так и латинского алфавита, окрашены в его сознании в разные цвета. См. об этом: [Глазунова, 2012, Задорнова, 2020]. Например, в стихах «Глаза прикрою – и мгновенно...» (1923) ощущение «рая» усадьбы, уюта передается теплыми оттенками цветов, сочетанием разнообразных запахов и разноцветного шума:

И вот, над полками, гортензий
легчайшая голубизна,
и солнца луч, как Божий вензель,
на венском стуле, у окна <...>
неизъяснимой веет смесью
еловой, липовой, грибной:
там, по сырому пестролесью,
— свист, щебетанье, гам цветной! [Набоков, 1991а, с. 190].

В стихотворении «Велосипедист» (1918) создан многоцветный образ бегущего мира:

Мне снились полевые дали,
дороги белой полоса,
руль низкий, быстрые педали,
два серебристых колеса [Набоков, 1991а, с. 141].

Красочность, яркость картин Виноградова отмечали критики: «...исключительно теплые краски палитры художника, манеру его письма, где живопись господствует над рисунком, где краски вызывают музыкальные ощущения, где тонкий мазок, часто импрессионистического свойства, придает картине изящную нервность...» [Püte, 1925]. У Виноградова была своя манера письма: он не делал этюды, писал маслом на пленэре, что позволяло передавать движение света и воздуха, тончайшие цветовые оттенки. Так, комната на картине «Солнечный свет через цветные стекла» (1916) залита цветными бликами, как бы переносимыми героиню в иное, сказочное пространство. (Вероятно, на манеру письма Виноградова повлиял В. Д. Поленов, «...занятия с которым позволили художнику увидеть в пейзаже личную тему – пленэр с эффектами закатного освещения, обрисовывающий силуэт церквей» [Поленкова, 2022, с. 5]).

Импрессионистичные по идее и технике исполнения, три картины «Весна идет», «Сад весной» (1911), «Сад осенью» (1910), на которых изображено одно и то же место – терраса усадебного дома, клумба и парк – передают очарование разных времен года. Виноградов будто хочет остановить мгновение, показать изменения пейзажа. В каждой из работ он несколько корректирует ракурс, изменяет акценты. Так, на картине «Весна идет» очень много

воздуха, свободного пространства. Белый рыхлый снег гармонично сочетается со светло-серым небом, яркие краски еще осенней листвы делают пейзаж уютным, точно подчеркивая временное забвение усадьбы. Картина «Сад весной» написана широкими мазками разных оттенков зеленого цвета: здесь и первая трава, и распускающиеся почки на кустах и деревьях – радостный «зеленый шум». Различными оттенками желтого, оранжевого, красного цвета наполнена картина «Сад осенью».

Заключение

В «усадебных» стихах Набокова и живописи Виноградова были интерпретированы близкие темы и мотивы, для создания образа благообразной жизни в гармонии с природой использованы похожие приемы.

В литературе и живописи отразились сходные составляющие «усадебного мифа»: образ утраченного рая, который сохранился в воспоминаниях, романтический топос, созданный работой воображения, символика гибели прежнего мира. Но сходное осмысление усадебной культуры дало и близость стиля, и художественного метода, что позволяет средствами интермедиального анализа сопоставить произведения разных видов искусств.

Вербальный и визуальный образы создают единый усадебный топос, миф об идеальном утраченном мире, ставшем камертоном в дальнейшей эмигрантской жизни Набокова и Виноградова.

Библиографический список

1. Аверин Б. В. Воспоминание у Набокова и Флоренского // В. В. Набоков: Pro et contra. Том 2. Санкт-Петербург : Русский христианский гуманитарный институт, 2001. С. 485–498.
2. Богданова О. А. «Усадебная культура» в русской литературе XIX – начала XX века. Социокультурный аспект // Новый филологический вестник. 2010. № 2 (13). С. 14–25.
3. Виноградов С. А. Прежняя Москва: воспоминания / авт.-сост. Нина Лapidус. Рига : MultiCentrs, 2001. 215 с.
4. Глазунова С. И. Цвет и звук как компоненты критических работ Владимира Набокова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. № 1. С. 276–279.
5. Гриневич О. А. Сюжет усадебной любви в произведениях И. А. Бунина и В. В. Набокова // Уральский филологический вестник. Серия: Драфт: молодая наука. 2016. №5. С. 72–81.
6. Дмитриева Е. Е. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова . Москва : ОГИ, 2008. 528 с.
7. Дмитриева Е. Е. Русская усадьба: семантика, топос и Хронос // Имагология и компаративистика. 2019. №11. С. 140–173.
8. Жаплова Т. М. Символизация и детализация в «усадебной» лирике И. С. Тургенева 1840 – 1870х годов // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2019. № 3. С. 156–163.
9. Задорнова В. Я. Синестезия как стилистический прием в прозе В. Набокова и возможности его передачи на другом языке // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2020. №1. С. 9–18.
10. Каждан Т. П. Художественный мир русской усадьбы. Москва : Традиция Б. г., 1997. 319 с.
11. Лapidус Н. И. Московская среда художника // Виноградов С. А. Прежняя Москва: воспоминания / авт.-сост. Нина Лapidус. Рига : MultiCentrs, 2001. С. 7–8.
12. Лapidус Н. И. Сергей Виноградов. Санкт-Петербург : Золотой век, 2010. 488 с.
13. Михаленко Н. В. Образ усадьбы в литературе и живописи конца XIX – начала XX века // «Studia Wschodniosłowiańskie», 2019, № 19. С. 151–163.
14. Михаленко Н. В. Слово и образ: русская усадьба в поэзии и живописи символизма (К. Д. Бальмонт – В. Э. Борисов-Мусатов, А. А. Блок – З. Е. Серебрякова) // Русская словесность, № 6, 2020. С. 59–63.
15. Набоков В. В. Другие берега // Набоков В. В. Рассказы. Воспоминания / Сост., подгот. текстов, предисл. А. С. Мулярчика; Коммент. В. Л. Шохинной. Москва : Современник, 1991. С. 451–626
16. Набоков В. В. Стихотворения и поэмы / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и примеч. В. С. Федорова. Москва : Современник, 1991а. 574 с.
17. Поленкова Д. Н. Культурно-художественный аспект формирования творческой личности Сергея Виноградова // Universum: филология и искусствоведение. 2022. №4 (94). С. 4–7.

18. Разумовская А. Г. «И веет свежестью из сада...» последние страницы усадебного «текста» в поэзии И. А. Бунина и В. В. Набокова // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2010. № 11 (54). С. 138–156.
19. Три века русской усадьбы. Живопись, графика, фотография. Изобразительная летопись. XVII–XX в. Альбом-каталог. Москва : Изд-во, 2004. 268 с.
20. Щукин В. Г. Российский гений просвещения: исследования в области мифопоэтики и истории идей. Москва : РОССПЭН, 2007. 606 с.
21. Fine Lines: Vladimir Nabokov's Scientific Art, edited by St. H. Blackwell, K. Johnson, London: Yale University Press, 2016. 336 p.
22. Scherr B.P. Nabokov as poet // The Cambridge Companion to Nabokov. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2005. P. 103–118.
23. Pūte V. Akadēmiķa Vinogradova gleznu izstādē <Выставка картин академика Виноградова> // Latvijas Sarge. 1925. No 290.

Reference list

1. Averin B.V. Vospominanie u Nabokova i Florenskogo = Memories in Nabokov and Florensky // V.V. Nabokov: Pro et contra. Tom 2. Sankt-Peterburg : Russkij hristianskij gumanitarnyj institut, 2001. S. 485–498.
2. Bogdanova O.A. «Usadebnaja kul'tura» v russkoj literature XIX – nachala XX veka. Sociokul'turnyj aspekt = "Estate culture" in Russian literature of the XIX – early XX century. Sociocultural aspect // Novyj filologičeskij vestnik. 2010. № 2 (13). S. 14–25.
3. Vinogradov S.A. Prezhnjaja Moskva: vospominanija = The former Moscow: memories / avt.-sost. Nina Lapidus. Riga : MultiCentrs, 2001. 215 s.
4. Glazunova S.I. Cvet i zvuk kak komponenty kritičeskikh rabot Vladimira Nabokova = Colour and sound as components of Vladimir Nabokov's critical works // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.A. Nekrasova. 2012. № 1. S. 276–279.
5. Grinevich O.A. Sjuzhet usadebnoj ljubvi v proizvedenijah I.A. Bunina i V.V. Nabokova = The plot of estate love in the works by I.A. Bunin and V.V. Nabokov // Ural'skij filologičeskij vestnik. Serija: Draft: molodaja nauka. 2016. №5. S. 72–81.
6. Dmitrieva E.E. Zhizn' usadebnogo mifa: utrachennyj i obretnennyj raj = The life of the estate myth: lost and found paradise / E.E. Dmitrieva, O.N. Kupcova . Moskva : OGI, 2008. 528 s.
7. Dmitrieva E.E. Russkaja usad'ba: semantika, topos i Hronos = The Russian estate: semantics, topos, and Chronos // Imagologija i komparativistika. 2019. №11. S. 140–173.
8. Zhaplova T.M. Simvolizacija i detalizacija v «usadebnoj» lirike I. S. Turgeneva 1840 – 1870h godov = Symbolization and detailing in I. S. Turgenev's "estate" lyrics of 1840 – 1870s // Izvestija Juzhnogo federal'nogo universiteta. Filologičeskie nauki. 2019. № 3. S. 156–163.
9. Zadornova V.Ja. Sinestezija kak stilističeskij priem v proze V. Nabokova i vozmožnosti ego peredachi na drugom jazyke = Synesthesia as a stylistic device in V. Nabokov's prose and the possibilities of its translation into another language // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 9. Filologija. 2020. №1. S. 9–18.
10. Kazhdan T. P. Hudožestvennyj mir russkoj usad'by = The Russian estate artistic world. Moskva : Tradicija B. g., 1997. 319 s.

11. Lapidus N.I. Moskovskaja sreda hudozhnika = The artist's Moscow environment // Vinogradov S.A. Prezhnjaja Moskva: vospominanija / avt.-sost. Nina Lapidus. Riga : MultiCentrs, 2001. S. 7–8.
12. Lapidus N.I. Sergej Vinogradov = Sergei Vinogradov. Sankt-Peterburg : Zolotoj vek, 2010. 488 s.
13. Mihalenko N.V. Obraz usad'by v literature i zhivopisi konca XIX – nachala XX veka = The estate image in literature and in painting at the end of XIX- early XX centuries // «Studia Wschodniosłowiańskie», 2019, № 19. S. 151–163.
14. Mihalenko N.V. Slovo i obraz: russkaja usad'ba v poezii i zhivopisi simbolizma (K.D. Bal'mont – V.Je. Borisov-Musatov, A.A. Blok – Z.E. Serebrjakova) = Word and Image: Russian estate in Symbolism poetry and painting (K.D. Balmont – V.E. Borisov-Musatov, A.A. Blok – Z.E. Serebryakova) // Russkaja slovesnost'. № 6. 2020. S. 59-63.
15. Nabokov V.V. Drugie berega = Other Shores // Nabokov V.V. Rassказы. Vospominanija / Sost., podgot. tekstov, predisl. A.S. Muljarchika; Komment. V. L. Shohinoj. Moskva : Sovremennik, 1991. S. 451–626
16. Nabokov V.V. Stihotvorenija i pojemy = Verses and poems / Sost., vstup. st., podgot. tekstov i primech. V.S. Fedorova. Moskva : Sovremennik, 1991a. 574 s.
17. Polenkova D.N. Kul'turno-hudozhestvennyj aspekt formirovanija tvorcheskoj lichnosti Sergeja Vinogradova = Cultural and artistic aspect of forming Sergey Vinogradov's creative personality // Universum: filologija i iskusstvovedenie. 2022. №4 (94). S. 4–7.
18. Razumovskaja A.G. «I veet svezhest'ju iz sada...» poslednie stranicy usadbnogo «teksta» v poezii I.A. Bunina i V.V. Nabokova = “And freshness winds from the garden...” the last pages of the estate “text” in I.A. Bunin's and V.V. Nabokov's poetry // Vestnik RGGU. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija. 2010. № 11 (54). S. 138–156.
19. Tri veka russkoj usad'by. Zhivopis', grafika, fotografija. Izobrazitel'naja letopis'. XVII–XX v. = Three centuries of the Russian estate. Painting, graphics, photography. Pictorial chronicle. XVII-XX c. Al'bom-katalog. Moskva : Izd-vo, 2004. 268 s.
20. Shhukin V.G. Rossijskij genij prosveshhenija: issledovanija v oblasti mifopojetiki i istorii idej. = The Russian enlightenment genius: studies in mythopoeitics and the history of ideas. Moskva : ROSSPJeN, 2007. 606 s.
21. Fine Lines: Vladimir Nabokov's Scientific Art, edited by St. H. Blackwell, K. Johnson, London: Yale University Press, 2016. 336 p.
22. Scherr B. P. Nabokov as poet // The Cambridge Companion to Nabokov. Cambridge; New York : Cambridge University Press, 2005. P. 103–118.
23. Pūte V. Akadēmiķa Vinogradova gleznu izstādē <Vystavka kartin akademika Vinogradova> // Latvijas Sarge. 1925. No 290.

Статья поступила в редакцию 30.09.2023; одобрена после рецензирования 24.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.

The article was submitted on 30.09.2023; approved after reviewing 24.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Научная статья
УДК 821.161.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_146
EDN WJNUDD

**Культура диалога и коммуникативная культура:
Л. Н. Толстой в переписке с А. И. Герценом**

Евгения Михайловна Геронимус

Младший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького
Российской академии наук, г. Москва
geronimus1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4063-7083>

Аннотация. Статья посвящена осмыслению культуры диалога между Л. Н. Толстым и А. И. Герценом, анализу коммуникативных стратегий и тактик, используемых в переписке указанных литераторов. Во введении обозначается цель работы, предмет и объект исследования, объясняется выбор корреспондента и хронологические рамки отобранных для анализа писем. Второй раздел посвящен определению тех понятий, которыми в дальнейшем автор статьи активно пользуется. В третьем, основном разделе статьи, анализируются коммуникативные тактики и стратегии Толстого, показывается, что высокая коммуникативная культура диалога оппонентов была связана не только с их личной позицией, грамотностью, уровнем развития, но и с видением необходимости обоими разрешения определенных общественно-политических проблем России. Письма Герцена, к сожалению, не сохранились, однако автор делает предположения о реакции Герцена на те или иные замечания оппонента по письмам Толстого и отзывам современников. Письма Толстого изучены по юбилейному полному собранию сочинений писателя, а также проверены по архивным источникам, которые хранятся в Российском государственном архиве литературы и искусства. Отмечается уникальный феномен балансирования Толстого на различных риторических приемах. Подробно анализируются причины такой нарративной культуры писателя, описываются взаимоотношения двух корреспондентов, учитываются их идейные и социально-политические взгляды (мнения на положение народа и судьбу крестьянства в России), которые во многом и определяют основные смысловые узлы переписки. В заключительной части подводятся итоги проделанной работы. Нам удалось показать, как Толстой в выражении своей позиции в письмах балансирует между открытым возражением, коммуникативным конфликтом и отстаиванием своей точки зрения, используя различные стилистические и риторические фигуры. Статья дает четкое представление о взаимоотношениях двух политических оппонентов.

Ключевые слова: Л. Н. Толстой; А. И. Герцен; переписка; культура личности; культура диалога; коммуникативные стратегии; коммуникативные тактики; полемика; конфликт

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00661 «Переписка Л. Н. Толстого с русскими писателями, литераторами и публицистами. 1860-е годы», <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

© Геронимус Е. М., 2023

Для цитирования: Геронимус Е. М. Коммуникативные стратегии и тактики Л. Н. Толстого в переписке с А. И. Герценом // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 146-158. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_146. <https://elibrary.ru/WJNUDD>.

Original article

**Culture of dialogue and communicative culture:
L. N. Tolstoy in correspondence with A. I. Herzen**

Evgeniya M. Geronimus

Junior Research Fellow, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow

geronimus1999@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0006-4063-7083>

Abstract. The article comprehends the culture of the dialogue between L. N. Tolstoy and A. I. Herzen, analyzes communicative strategies and tactics used in the correspondence between the two writers. The introduction indicates the purpose of the work, its subject and object and explains the choice of the correspondent and the chronological framework of the letters selected for the analysis. The second part gives the definition of the concepts that the author of the article uses further on. The third, main part of the article analyzes Tolstoy's communicative tactics and strategies and shows that the opponents' high communicative dialogue culture was connected not only with their personal position, literacy, and level of development, but also with the necessity of solving certain socio-political problems in Russia understood by both of them. Unfortunately, Herzen's letters have not survived, but the author makes assumptions, based on Tolstoy's letters and the comments of their contemporaries, about Herzen's reaction to certain remarks of his opponent. Tolstoy's letters have been taken for study from the jubilee complete collection of the writer's works, and verified using archival sources from the Russian State Archive of Literature and Art. The author notes the unique phenomenon of Tolstoy's balancing on various rhetorical techniques, analyzes the reasons for such a narrative culture, describes the relations between the two correspondents, taking into account their ideological and socio-political views (opinions on the people's situation and the peasantry's fate in Russia), which in many respects determine the main semantic centers of the correspondence. The final part summarizes the results of the work where the author shows how Tolstoy balances between open objection, communicative conflict and defending his point of view in his letters using various stylistic and rhetorical devices. The article gives a clear picture of the relationship between the two political opponents.

Key words: L. N. Tolstoy; A. I. Herzen; correspondence; personality culture; dialogue culture; communication strategies; communication tactics; controversy; conflict

This work was carried out at IWL RAS with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00661 "Correspondence of L. N. Tolstoy with Russian writers and publicists. 1860s" <https://rscf.ru/project/23-28-00661/>

For citation: Geronimus E. M. Culture of dialogue and communicative culture: L. N. Tolstoy in correspondence with A. I. Herzen. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 146-158. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_146. <https://elibrary.ru/WJNUDD>.

Введение

Переписка Л. Н. Толстого с писателями, литераторами и публицистами представляет для реципиентов особенную историко-литературную, культурологическую и эстетическую ценность. На фоне поистине огромной переписки Толстого с деятелями искусства, общественными деятелями, политиками, с родственниками, единомышленниками, последователями и в целом достаточно широким кругом лиц корреспондентия Толстого и его знакомых-литераторов особенно примечательна не только в идейном и проблемном плане, она может быть рассмотрена как богатый материал с точки зрения языка, а также построения диалога, организации его культуры. Письма позволяют увидеть не только художника Толстого, но и человека своего времени, ведущего споры, испытывающего неприязнь или симпатию к разным сторонам действительности и людям, выражающим определенные позиции. Между тем удивительно, что при всей своей резкости и прямолинейности, которыми обладал Толстой и которые были особенно заметны в его молодые годы, писатель фактически не позволял себе резкие и нелюбезные высказывания по отношению к современникам. В письмах он нередко умело «обходил» прямые оппозиции, используя свое прекрасное чувство и знание языка. *Объектом нашего исследования* является переписка Толстого, а *предметом* – коммуникативные стратегии и тактики, используемые Толстым в письмах Герцену.

За свою жизнь Толстой написал огромное количество писем. В юби-

лейном полном собрании сочинений писателя его письма отведены 32 тома (тома с 59 по 89, также частично письма представлены в 90 томе). Всего в указанном издании содержится примерно 8 500 посланий Толстого к различным адресатам. Особенного внимания современных исследователей заслуживает указатель из писем, которые до сих пор не были найдены или неизвестны (некоторые тексты могли остаться нерасшифрованными, неопубликованными). Этот список насчитывает около 1 360 писем.

В данной статье мы не ставим перед собой цели подробно охарактеризовать все коммуникативные стратегии Толстого, в силу объема работы мы не берем множество корреспондентов, а останавливаемся на наиболее яркой и значимой для нашего исследования области, на письмах Толстого за 1860-е гг. известному русскому революционному демократу – Герцену. Мы считаем, что высокий уровень культуры диалога Толстого и Герцена был связан не только с их уровнем развития и интеллигентностью, но также с высоким уровнем гражданского самосознания.

Хронологические рамки изучаемого материала неслучайны. Они обусловлены тем, что именно 1860-е гг. для социально-политической жизни России во многом стали переломными: это было время так называемых либеральных реформ Александра II. Корреспондент Толстого был выбран по его политическим воззрениям, которые не были близки писателю, что в свою очередь дает нам богатый материал для анализа непосредственно коммуникативных стратегий и тактик, используемых

Толстым в создании писем своему политическому оппоненту.

В работе с эпистолярными текстами порою возникают некоторые трудности, связанные с тем, что для писем не характерно четкое структурное деление, смысловые блоки их часто очень тесно переплетены, однако при этом конкретные послания, как правило, имеют очень широкое смысловое поле, которое содержит элементы биографий, душевных переживаний, духовного опыта, психических проявлений, культурных переживаний, оценок эстетических элементов и пр. Являясь самостоятельным речевым жанром, письма интересны еще и тем, что, по справедливому замечанию А. Г. Балакай, «стилистический синкретизм эпистолярного стиля, обусловленный полифункциональностью письма как средства коммуникации, делает эпистолярный стиль открытым для разнообразных лексико-фразеологических и грамматических средств» [Балакай, 2002, с. 182]. Но в функциональной стилистике до сих пор стоит под вопросом правомерность выделения эпистолярного стиля. Так, Л. В. Щерба полагал, что «эпистолярный стиль является промежуточным», поскольку он существует в рамках форм делового и художественного языков как разновидностей письменной речи» [Щерба, 1939, с. 21]. А. И. Ефимов, продолжая рассуждения Л. В. Щербы и во многом возражая ему, выделил «эпистолярный стиль как самостоятельный и самодостаточный в системе функциональных стилей» [Ефимов, 1971, с. 41–43].

Эпистолярный текст, как и любой другой, в большинстве случаев не является самоцелью автора. Любое письменное слово создается для своего читателя. Потому и эпистолярный текст нельзя рассматривать исключительно как лингвистическую единицу, абстрагированную от действительности. При исследовании писем важно помнить о характере взаимодействия адресата и адресанта, о роли и функциях посланий, о многочисленных подтекстах, возникающих в силу того, что между корреспондентами устанавливаются сложные социальные отношения. В нашем случае чрезвычайно важно, что при всех противоречиях Толстого и Герцена, порою непримиримых разногласиях, их диалог характеризуется высоким уровнем коммуникативной культуры: оба собеседника прекрасно осознавали свою ответственность за сказанное, внимательно относились к оппонентам, проявляли взаимопонимание в наличии пунктов разногласий.

Структуру и содержание письма важно исследовать постоянно помня о личности его создателя, о ее индивидуальной культуре, определяемой уровнем развития, положением в обществе. По мнению Б. М. Гаспарова, любой пример использования языковых средств, начиная от краткого замечания или реплики в диалоге и заканчивая целым художественным произведением, является частью постоянно пополняющегося и динамичного потока совокупного опыта людей. Также Б. М. Гаспаров выделяет различные обстоятельства, сопутствующие текстам. К этим обстоятельствам ученый относит: «1) ком-

муникативное намерение; автора; 2) взаимоотношения автора и адресата; 3) всевозможные обстоятельства, значимые и случайные; 4) общие идеологические черты и стилистический климат эпохи в целом и той конкретной среды и конкретных личностей, которым сообщено прямо или косвенно адресовано, в частности; 5) жанровые и стилевые черты, как самого сообщения, так и той коммуникативной ситуации, в которую оно включается; 6) множество ассоциаций с предыдущим опытом, так или иначе попавших в орбиту данного языкового действия» [Гаспаров, 1996, с. 10].

Вслед за немецким лингвистом К. Эрметом, который разработал подробную классификацию эпистолярных текстов, мы рассматриваем письмо в первую очередь как форму коммуникации [Ermet, 1979]. Поэтому для нас важно, что одной из главных составляющих письма является его прагматическая сущность, которая достигается за счет определенных коммуникативных стратегий. Как верно отмечала С. В. Павлова: «Субъект речи сознательно использует знаки в коммуникации, прогнозируя возможность социальных и психологических последствий. Эта заданность, направленность вербального акта на воздействие и регуляцию поведения, объективированная в предназначенных для этого языковых средствах (нормативных способах воздействия) составляет прагматический компонент общения» [Павлова, 1980, с. 66].

Культура диалога, коммуникативные стратегии и тактики

Переходя к непосредственному анализу коммуникативных стратегий и тактик в корреспонденции Толстого, нам необходимо прояснить значение терминов, которые мы применяем в нашей работе.

Современная лингвистика и коммуникология в последнее время активно пользуется такими понятиями как «культура диалога», «коммуникативные стратегии», «тактики» и «коммуникативное поведение». Однако их устоявшихся определений пока не выработано. Многие исследователи понимают эти термины по-разному, убедительно аргументируя свое видение языковой картины мира.

Проблема характеристики культурного диалога между писателями и общественными деятелями, занимающими значимое положение среди элиты страны, при этом имеющими активную гражданскую позицию, всегда остается актуальной. *Под культурой диалога обычно имеют в виду определенный уровень моральных и нравственных норм, традиций, ценностей, общественной и политической корректности, который содействует выстраиванию продуктивного обмена мнениями.*

Определение коммуникационной стратегии было предметом дискуссий среди ученых на протяжении длительного периода времени. Дж. Гумперц связывает понятие стратегии с интерпретацией говорящего в конкретной коммуникативной ситуации: характер такой интерпретации определяет интуитивный выбор лексических, грамматических,

дискурсивных и других вербальных и невербальных средств репрезентации сообщений [Gumperz, 1982, с. 35–36]. Д. Таннен, разделяя эту точку зрения, утверждает, что коммуникативная стратегия обладает свойством автоматизма и не осознается коммуникаторами, но предусматривает возможность дальнейшей расшифровки производителями [Tannen, 1994].

В отечественной филологии предлагаются разные трактовки данного термина. О. С. Иссерс понимает речевую стратегию как «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативных целей» [Иссерс, 2006, с. 100]. Кроме того, «стратегия – это некоторая последовательность действий (в данном случае; речевых), организующихся в зависимости от цели воздействия» [Иссерс, 2006, с. 101]. В широком смысле «коммуникативная стратегия может определяться как тип поведения одного из партнеров в ситуации диалогического общения, который обусловлен и соотносится с планом достижения глобальной и локальных коммуникативных целей...» [Романов, 1988, с. 103]. Между тем, в науке есть иная точка зрения на понятие коммуникативной стратегии. Ее выражает, к примеру, И. Н. Борисова, которая определяет *стратегии диалоговедения в процессе проведения непринужденной коммуникации*. Исследовательница отмечает, что «коммуникативная стратегия есть результат организации, речевое поведение говорящего в соответствии с прагматической целеустановкой, интенцией. В широком смысле стратегия понимается как общее намерение, задача в

глобальном масштабе, сверхзадача речи» [Борисова, 1996, с. 22].

В наши задачи не входит анализ разных терминологических определений, тем более уже существует ряд работ, в которых дается подробный обзор этого научного вопроса [см: Галактионова, 2008; Лукашова, 2014; Сибирякова, Кренц 2019].

Мы же будем определять используемые нами понятия вслед за Т. В. Черницыной, которая дефиницирует их так: «Коммуникативная стратегия – это планирование речевого взаимодействия, которое содержит определенные коммуникативные цели. Коммуникативные тактики же – конкретные речевые действия, определяющие те или иные коммуникативные стратегии. КТ соотносятся с набором коммуникативных намерений и реализуются с помощью языковых средств на уровне семантики, лексики, морфологии, синтаксиса» [Черницына, 2013, с. 196].

О «балансировании» Толстого в переписке с Герценом

Краткая переписка Толстого и Герцена завязалась между ними после непродолжительного визита Льва Николаевича в Лондон, состоявшегося во время его второго заграничного путешествия. Перед тем, как начать анализировать их непосредственное письменное общение, необходимо сказать несколько слов об их взаимоотношениях как до их личного знакомства, так и после.

Толстой, как впоследствии напишет в своей книге «Очерки былого» его сын, «в начале 1850-х годов был предубежден против Герцена» [Толстой С., 1965, с. 113]. Такое замеча-

ние вероятнее всего связано с их политическими несогласиями. Но, несмотря на некое предубеждение, Толстой искреннее ждал личной встречи с лондонским эмигрантом, о чем свидетельствуют сохранившиеся до наших дней письма И. С. Тургенева к Герцену: «Толстому я передала твой привет; он очень ему обрадовался и велит тебе сказать, что давно желает с тобой познакомиться и заранее тебя любит лично, как любил твои сочинения (хотя он NB далеко не красный)» [Тургенев, 1987, т. 3, с. 197]. Уже в этом письме, передающем косвенную речь Толстого, можно увидеть, как акцентируется внимание на политических разногласиях. Мы предполагаем, что написанные Тургеневым в скобках слова принадлежат самому Толстому, который и обратил внимание своего старшего соотечественника на то, что он не только не ощущает себя революционером, но и противопоставляет себя им.

Долгожданная встреча между двумя политическими оппонентами произошла в марте 1861 г. [Гусев, 1941, с. 492]. К сожалению, в течение своего пребывания в Лондоне Толстой не вел дневник, а потому мы располагаем самыми малыми сведениями о пребывании писателя в этом городе. Источником данных становятся послания знакомых Толстого, редкие воспоминания и мемуары. Однако через сорок лет, в 1904 г., Толстой оценил свое пребывание в Лондоне, записав: «С Герценом я видался в бытность в Лондоне <...> почти каждый день, и были разговоры всякие и интересные. Записанного, кажется, ничего

нет, Впрочем, посмотрю в дневниках» [Толстой, 1956, т. 75, с. 71]. Корреспонденция Толстого и Герцена показывает, что большинство их бесед было посвящено проблеме внутренней жизни России, дальнейшего движения страны, решения народного вопроса. Такая ситуация не вызывает удивления, ведь России тогда находилась на этапе реформ, устроенных Александром II, тех либеральных изменений, которые начали коренное преобразование в стране, многое показали дворянам и думающим образованным людям (в то же время характерно раскол общества на два лагеря). Ключевой проблемой было, конечно, освобождение крестьян. Высокая гражданская позиция Толстого и Герцена, их нацеленность на результат позволяла оппонентам вести культурный диалог без резких выпадов и вызывающих столкновений.

17 марта Толстой выехал из Лондона и отправился в Брюссель. Буквально через три дня, 20 марта, писатель адресовал Герцену первое письмо, которое оставляет несколько противоречивое впечатление. У читателя письма создается впечатление, что Толстой словно опускает какие-то моменты, намеренно не обращаясь к ним. Н. Н. Гусев отмечал, что «все письмо написано под обаянием сильной, даровитой, родственной Толстому личности Герцена» [Гусев, 1957, с. 404]. Однако сложно быть солидарными с Н. Н. Гусевым в том, что Герцен для Толстого стал «родственной личностью», высказывание исследователя, вероятнее всего, было создано в угоду советскому режиму.

На сегодняшний день сохранилось лишь три письма, написанные Толстым Герцену. Ответные письма, к сожалению, неизвестны. Однако дошедшая до нас переписка свидетельствует о том, что общение между Толстым и Герценом в Лондоне было напряженным и интенсивным.

В данной статье мы не будем приводить полный текст писем Толстого, а ограничимся лишь некоторыми выдержками из них, которые необходимы нам для анализа коммуникативных стратегий.

В начальной фразе первого отправленного Толстым в Лондон письма мы уже можем наблюдать ту коммуникативную сложность, о которой в дальнейшем вспоминала в своих мемуарах Н. А. Тучкова-Огарева, жена Н. П. Огарева: «Когда мы вошли, граф Толстой о чем-то горячо спорил с Тургеневым. Огарев и Герцен тоже принимали участие в этом разговоре <...> Он [Толстой. – Е. Г.] часто имел горячие споры с Тургеневым, в которых они говорили друг другу весьма неприятные вещи» [Тучкова-Огарева, 1929, с. 296]. Н. Н. Гусев небезосновательно отмечает, что эти воспоминания не совсем точны: «споров с Тургеневым в доме Герцена у него быть не могло, так как Тургенева в Лондоне в то время не было» [Гусев, 1941, с. 493]. Вероятно, речь все же идет о спорах с Герценом.

Первое письмо начинается такими словами: «Чувствую потребность написать вам словечко, хотя собственно, нечего мне сказать вам, любезный Александр Иванович...» [Толстой, 1928–1858, т. 60, с. 370]. В этой фразе Толстой использует несколько

разнородных функциональных приемов: с одной стороны, он применяет фатический прием, то есть устанавливает контакт, прибегая к этикетным формулам. С другой стороны, перед этим приемом стоит так называемая «коммуникативная неудача» [Третьякова, 2010, с. 142] – «хотя собственно, нечего мне сказать вам» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 370]. Но в данном случае неудача не переросла в «коммуникативный конфликт» благодаря тому, что Толстой, как мы уже писали выше, сразу после нее ставит этикетную формулу.

Однако Толстой не останавливается в обозначении некоего своего «предубеждения» относительно Герцена. Сразу после мы читаем: «Хочется сказать, что я очень рад, что узнал вас, и что, несмотря на то, что вы все искали меня на том конце, на котором бы не должен быть никто по всем вероятностям, мне весело думать, что вы такой, какой есть...» [Толстой, 1928–1959, т. 60, с. 370]. В данном предложении Толстой вновь использует подобную коммуникативную тактику. Отличие заключается лишь в том, что в этом случае этикетная формула предваряет «коммуникативную неудачу». Однако тут может возникнуть вопрос: почему мы называем его пассаж: «вы все искали меня на том конце, на котором бы не должен быть никто по всем вероятностям» – коммуникативной неудачей? Используя красивую метафору, Толстой имеет в виду свои политические разночтения с Герценом. На самом деле, писатель не придерживался той точки зрения, которую разделял Герцен, а вместе с ним и революционные демократы. Однако нельзя сказать,

что в 1860-е гг. Толстой был солидарен с либералами или хотя бы последовательно принимал части их программы. Внимая мнениям Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина, Толстой оставался исключительно на собственных позициях. При этом необходимо заметить, что писатель никогда поверхностно не оценивал интересующие его взгляды современников. К слову, с Б. Н. Чичериным Толстой был очень близок в 1857 г., но постепенно их политические пути разошлись [Андреева, 2023]. Более того, именно в этом пассаже чувствуется, как Толстой целенаправленно пытается показать, что Герцен не прав в своей идеологической крайности. Ведь «никто не должен [там. – Е. Г.] быть по всем вероятностям».

Бесспорно, Толстой – мастер не только художественного слова. Он прекрасно чувствует, как надо выстроить фразу, чтобы не оскорбить собеседника, но в то же время выразить свое истинное несогласие. Высокая коммуникативная культура корреспондентов позволяет им обходить «острые углы».

В этом же письме чуть ниже встречаем следующую фразу: «Дайто Бог, чтобы через 6 месяцев сбылись ваши надежды. Всё возможно в наше время; хотя я и возможность эту понимаю иначе, чем вы...» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 370]. Известно, что Герцен в то время возлагал большие надежды на либеральные реформы Александра II, считая, что именно освобождение крестьян станет определенной вехой на пути к демократическому обновлению в России. Толстой же несколько иначе

оценивал реформу по освобождению крестьян, считая, что в первую очередь надо дать крестьянам образование. Собственно, этим Толстой сам лично и занимался, открыв школу для крестьянских детей в Ясной Поляне в 1859 г. И свою вторую заграничную поездку Толстой предпринимает с целью изучить, как устроены европейские школы. В указанном отрывке письма мы вновь сталкиваемся с подобной коммуникативной тактикой. Однако тут нет так называемой «коммуникативной неудачи». Толстой выставляет фразу по принципу: тезис–антитезис, показывая своему адресату их полярные позиции.

Стоит отметить, что коммуникативная стратегия Толстого в переписке с Герценом заключалась в постоянной дискуссии со своим оппонентом. Ему будто бы вновь и вновь хотелось убедить собеседника в своей правоте, показать неправильность иного взгляда. Подобных примеров много и в последующих письмах Толстого лондонскому изгнаннику.

Во втором письме Толстой продолжает разговор об освобождении крестьян: «Как вам понравился манифест? Я его читал нынче по-русски и не понимаю, для кого он написан. Мужики ни слова не поймут, а мы ни слову не поверим. – Еще не нравится мне то, что тон манифеста есть великое благодеяние, делаемое народу, а сущность его даже ученому крепостнику ничего не представляет, кроме обещаний...» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 374].

Толстой использует иную риторическую конструкцию: начинает с вопроса, который, казалось бы, адресо-

ван Герцену. Однако это уловка. Толстой не ждет ответа на этот риторический вопрос. Это лишь зачин для последующего изложения его мысли, которая нужна для убеждения оппонента. Более того, Толстой в конце этого письма делает приписку: «Пожалуйста, ежели вам не хочется, не отвечайте мне. Мне просто хотелось болтать с вами, а не вызывать на переписку знаменитого изгнанника» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 375]. Наши предположения являются верными – Толстому действительно важно высказаться, а не услышать ответ.

Из третьего письма, посланного Герцену, мы понимаем, что последний не продолжил начатую Толстым политическую агитацию. Он активно возвращает Толстого к вопросам сугубо литературным, говоря о задумке его романа. Но в последнем ответном письме Толстой вновь возвращает беседу на круги своя. «Читали ли вы подробные положения о освобождении? Я нахожу, что это совершенно напрасная болтовня. Из России же я получил с двух сторон письма, в которых говорят, что мужики положительно недовольны. Прежде у них была надежда, что завтра будет отлично, а теперь они, верно, знают, что два года будет еще скверно, и для них ясно, что потом еще отложат и что всё это “господа” делают» [Толстой, 1928–1958, т. 60, с. 377]. И вновь мы видим тот же прием: риторический вопрос с последующим ответом, не требующим возражений.

К сожалению, ответные письма Герцена не сохранились. Поэтому мы можем лишь догадываться о его возможных ответах. Но думается, что

Герцен не поддерживал политические провокации Толстого, отчего разжигал в нем страстное желание переубедить собеседника. Мы называем риторические фигуры, используемые Толстым, провокациями, однако это ни в коем случае не говорит о Толстом как о человеке, склонном к организации ярких полемик. Он грамотно выстраивает свои письма, балансируя между этикетными формулами и коммуникативными неудачами, не давая им перерасти в коммуникативный конфликт.

Заключение

Подводя итоги, мы хотим заметить, что изучение с разных сторон культуры диалога, коммуникативных стратегий и тактик на сегодняшний день является очень продуктивной сферой филологического интереса многих исследователей. Существует ряд работ, посвященных раскрытию этого вопроса в разных областях жизни [см.: Бармина, 2017; Kurkimbayeva, 2019; Ручкина, 2008]. Однако незаслуженно обойдено вниманием изучение художественного творчества писателей, их эпистолярного наследия и эго-документов, в частности писем Толстого. В нашей работе, которая является лишь небольшой частью начатого нами исследования, мы попытались раскрыть те особенности коммуникации, который Толстой использует в общении со своим политическим оппонентом Герценом. Нам удалось показать, как Толстой в выражении своей позиции балансирует между открытым возражением, коммуникативным конфликтом и отстаиванием своей точки

зрения, используя различные стилистические и риторические фигуры.

Библиографический список

1. Андреева В. Г. «Любезный друг... не сердись за откровенность!»: переписка Л. Н. Толстого и Б. Н. Чичерина // Два века русской классики. 2023. Т. 5, № 1. С. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>
2. Балакай А. Г. Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания. Новокузнецк (НГПИ), 2002. 228 с.
3. Бармина Е. А. Речевая манипуляция как коммуникативная стратегия // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Материалы I всероссийской научно-практической конференции. Главный редактор М. В. Норец. 2017. С. 35–39.
4. Борисова И. Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры / под ред. Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 21–48.
5. Галактионова О. С. Использование коммуникативных стратегий в речи русскоязычных коммуникантов на английском языке // Иностранные языки в высшей школе. 2008. № 6. С. 101–109.
6. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. Москва : Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
7. Гусев Н. Н. Герцен и Толстой // Литературное наследство. Т. 41–42. М., 1941. С. 490–525.
8. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой, 1855–1869. М.: Академия наук СССР, 1957. 917 с.
9. Ефимов А. И. История русского литературного языка. 3-е изд. Москва : Высшая школа, 1971. 296 с.
10. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига / URSS, 2006. 288 с.
11. Лукашова Р. Н. К вопросу о коммуникативных стратегиях и тактиках // Лингвистика и межкультурная коммуникация в современном мире. VII Научно-практическая конференция с международным участием: материалы конференции. / отв. ред. Л. Р. Татарникова. / Чита: Забайкал. гос. ун-т. 2014. С. 23–29.
12. Павлова С. В. Прагматический компонент речи как необходимый компонент общения // Известия Воронежского государственного педагогического института. Т. 213: Проблемы коммуникативного метода обучения иноязычной речевой деятельности. Воронеж, 1980. С. 64–70.
13. Романов А. А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. Москва : Ин-т языкознания АН СССР, 1988. 183 с.
14. Ручкина Е. М. Взаимодействие коммуникативных стратегий и стратегий вежливости в аргументированном диалоге // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4. С. 236–241.
15. Сибирякова С. Н., Кренц Д. Понятие коммуникативной стратегии в дискурсивной парадигме // Язык. Культура. Образование. 2019. № 4. С. 37–40.
16. Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Москва : Худож. лит., 1928–1958.
17. Толстой С. Л. Очерки былого. Тула, Приокское книжное издательство, 1975. 472 с.
18. Третьякова В. С. Конфликт в лингвистических категориях // Юрислингвистика. 2010. № 10 (10). С. 141–149.

19. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. / АН СССР, ИРЛИ (Пушкинский Дом); [редкол.: М. П. Алексеев (гл. ред.) и др.]. Москва : Наука, 1978–2014.
20. Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. Ленинград : Academia, 1929. 544 с.
21. Черницына Т. В. Коммуникативные стратегии похвалы и порицания в идиостиле В. М. Шукшина: оценочная семантика // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов : Грамота, 2013. № 7 (25); в 2-х ч. Ч. II. С. 196–198.
22. Щерба Л. В. Современный русский литературный язык // Русский язык в школе. 1939. № 4. С. 19–26.
23. Gumperz J. J. Discourse Strategies. Cambridge: CUP, 1982. 402 p.
24. Ermert K. Briefsorten. Untersuchungen zu Theorie und Empirie der Textklassifikation. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1979. 226 s.
25. Kurkimbayeva A. M. The application of communicative strategies in travel blogs // Bulletin of Kazakh National Women's Teacher Training University. 2019. № 1. С. 149–153.
26. Tannen D. Gender and Discourse. N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1994. 203 p.

Reference list

1. Andreeva V. G. «Ljubeznyj drug... ne serdis' za otkrovennost'!»: perepiska L. N. Tolstogo i B. N. Chicherina = "My dear friend... do not be angry for frankness!": correspondence of L. N. Tolstoy and B. N. Chicherin. // Dva veka russkoj klassiki. 2023. T. 5, № 1. S. 54–83. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2023-5-1-54-83>
2. Balakaj A. G. Russkij rechevoj jetiket i principy ego leksikograficheskogo opisanija.= Russian speech etiquette and its lexicographic description principles. Novokuzneck (NGPI), 2002. 228 s.
3. Barmina E. A. Rehevaja manipuljacija kak kommunikativnaja strategija = Speech manipulation as a communicative strategy // Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod. Materialy I vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii. Glavnyj redaktor M. V. Norec. 2017. S. 35–39.
4. Borisova I. N. Diskursivnye strategii v razgovornom dialoge = Discursive strategies in spoken dialogue // Russkaja razgovornaja rech' kak javlenie gorodskoj kul'tury / pod red. T. V. Matveevoj. Ekaterinburg: ARGO, 1996. S. 21–48.
5. Galaktionova O. S. Ispol'zovanie kommunikativnyh strategij v rechi russkojazychnyh kommunikantov na anglijskom jazyke = The use of communicative strategies when Russian communicators speak in English // Inostrannye jazyki v vysshej shkole. 2008. № 6. S. 101–109.
6. Gasparov B. M. Jazyk, pamjat', obraz. Lingvistika jazykovogo sushhestvovaniya.= Language, memory, image. Linguistics of language existence. Moskva : «Novoe literaturnoe obozrenie», 1996. 352 s.
7. Gusev N. N. Gercen i Tolstoj = Herzen and Tolstoy // Literaturnoe nasledstvo. T. 41–42. M., 1941. S. 490–525.
8. Gusev N. N. Lev Nikolaevich Tolstoj, 1855–1869. = Lev Nikolajevich Tolstoy, 1855–1869. Moskva : Akademija nauk SSSR, 1957. 917 s.
9. Efimov A. I. Istorija russkogo literaturnogo jazyka. = The history of the Russian literary language. 3-e izd. M.: Vysshaja shkola, 1971. 296 s.
10. Issers O. S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi. M.: KomKniga / URSS, 2006. 288 s.

11. Lukashova R. N. K voprosu o kommunikativnyh strategijah i taktikah = Towards communicative strategies and tactics // *Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija v sovremennom mire. VII Nauchno-prakticheskaja konferencija s mezhdunarodnym uchastiem: materialy konferencii.* / otv. red. L. R. Tatarnikova. / Chita: Zabajkal. gos. un-t. 2014. S. 23–29.
12. Pavlova S. V. Pragmatischekij komponent rechi kak neobhodimyj komponent obshhenija = Pragmatic speech component as a necessary communication component // *Izvestija Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta.* T. 213: Problemy kommunikativnogo metoda obuchenija inojazychnoj rechevoj dejatel'nosti. Voronezh, 1980. S. 64–70.
13. Romanov A. A. Sistemnyj analiz reguljativnyh sredstv dialogicheskogo obshhenija = System analysis of regulative means in dialogic communication. Moskva : In-t jazykoznanija AN SSSR, 1988. 183 s.
14. Ruchkina E. M. Vzaimodejstvie kommunikativnyh strategij i strategij vzhlivosti v argumentirovannom dialoge = Interaction of communicative and politeness strategies in an argumentative dialogue // *Vestnik Chuvashskogo universiteta.* 2008. № 4. S. 236–241.
15. Sibirjakova S. N. Ponjatie kommunikativnoj strategii v diskursivnoj paradigme = The communicative strategy concept in the discourse paradigm / S. N. Sibirjakova, D. Krenc // *Jazyk. Kul'tura. Obrazovanie.* 2019. № 4. S. 37–40.
16. Tolstoj L. N. Poln. sobr. soch.: v 90 t. = Complete works: in 90 vols. Moskva : Hudozh. lit., 1928–1958.
17. Tolstoj S. L. Oчерki bylogo. Tula : Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1975. 472 s.
18. Tret'jakova V. S. Konflikt v lingvisticheskikh kategorijah = Conflict in linguistic categories // *Jurislingvistika.* 2010. № 10 (10). S. 141–149.
19. Turgenev I. S. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: V 30 t. = Complete works and letters: in 30 vols. / AN SSSR, IRLI (Pushkinskij Dom); [redkol.: M. P. Alekseev (gl. red.) i dr.] Moskva : Nauka, 1978–2014.
20. Tuchkova-Ogareva N. A. Vospominanija. = Memories. Leningrad: Academia, 1929. 544 s.
21. Chernicyna T. V. Kommunikativnye strategii pohvaly i poricanija v idiostile V. M. Shukshina: ocenohnaja semantika = Communicative strategies of praise and criticism in V. M. Shukshin's idiostyle: evaluative semantics // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki.* Tambov : Gramota, 2013. № 7 (25): v 2-h ch. Ch. II. C. 196–198.
22. Shherba L. V. Sovremennyj russkij literaturnyj jazyk = The modern Russian literary language // *Russkij jazyk v shkole.* 1939. № 4. S. 19–26.
23. Gumperz J. J. *Discourse Strategies.* Cambridge: CUP, 1982. 402 p.
24. Ermert K. *Briefsorten. Untersuchungen zu Theorie und Empirie der Textklassifikation.* Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1979. 226 s.
25. Kurkimbayeva A. M. The application of communicative strategies in travel blogs // *Bulletin of Kazakh National Women's Teacher Training University.* 2019. № 1. S. 149–153.
26. Tannen D. *Gender and Discourse.* N.Y., Oxford: Oxford University Press, 1994. 203 p.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 12.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted on 25.09.2023; approved after reviewing 12.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Научная статья
УДК 101.1
DOI: 10.20323/2658_7866_2023_4_18_159
EDN XWLMNHU

Мифо-религиозная проблематика и культурно-литературные традиции Запада и Востока в романах Евгения Торчинова

Леонид Викторович Дубаков^{1✉}, Татьяна Геннадьевна Кучина²

¹Кандидат филологических наук, доцент филологического факультета Университета Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова Пекинский политехнический университет в Шэньчжэне, Китай

²Доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, г. Ярославль

¹dubakov_leonid@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²tgkuchina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Аннотация. В статье анализируются романы Евгения Торчинова с точки зрения их жанровой природы. Сам автор определял их как фэнтези и как детективы, указывая на постмодернистский генезис своих текстов. Романы «Таинственная Самка», «Апостолы Дракона» и «Китайская рапсодия» можно отнести к жанру фэнтезийного детектива, или детективного фэнтези, или мистико-мифологического/мистико-философского фэнтези. Прослеживаются в этих книгах также черты других разновидностей фэнтезийного жанра – городского фэнтези, героического фэнтези, сакрального фэнтези. В целом отмечается, что Торчинов использовал этот жанр как способ рассказать о своих философских идеях и религиозных интуициях, поэтому в героическом фэнтези его дилогии, в системе её персонажей, обнаруживается архетипная юнгианская модель авторского сознания, в городском современном фэнтези его романов происходит взаимоналожение топосов двух культур – русской и китайской – и времён – настоящего и метафизического, в академическом фэнтези видятся приметы «трансперсонального романа», подобного роману «филологическому». Писатель помещает в оболочку развлекательной литературы – в мистико-мифологическое фэнтези – разговор о соотношении онтологических, телеологических и сотериологических концепций индуистско-буддийской и иудео-христианской традиций, прослеживая их коренное расхождение, стремясь к осуществлению их синтеза. Кроме того, в статье романы Евгения Торчинова анализируются в аспекте авторских, окказиональных жанровых подзаголовков – трансперсонального романа, алхимического романа, романа странствий и инициаций. Все эти подзаголовки объединяет установка на рассмотрение жизни героя (и автора) как пути – внешнего и внутреннего, – пути, уводящего за пределы обыденной реальности. Таким образом, определить собирательный окказиональный жанр романов

© Дубаков Л. В., Кучина Т. Г., 2023

«Таинственная Самка», «Апостолы Дракона» и «Китайская рапсодия» можно также как «трансперсональный травелог»

Ключевые слова: Е. А. Торчинов; миф; религия; буддизм; иудаизм; трансперсонализм; жанр; фэнтези; травелог

Для цитирования: Дубаков Л. В., Кучина Т. Г. Мифо-религиозная проблематика и культурно-литературные традиции Запада и Востока в романах Евгения Торчинова // Мир русскоговорящих стран. 2023. № 4 (18). С. 159-171. http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_159. <https://elibrary.ru/XWLMHU>.

Original article

Mytho-religious problematic, cultural and literary traditions of the West and the East in Evgeny Torchinov's novels

Leonid V. Dubakov^{1✉}, Tatyana G. Kuchina²

¹Candidate of philological sciences, associate professor at the department of philology, Lomonosov Moscow State University, Beijing Polytechnic University in Shenzhen; China; 518172 Shenzhen, Lungang district, Guojidaxueyuan st., 1;

²Doctor of philology, professor at the department of Russian literature, Yaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl

¹dubakov_leonid@mail.ru[✉], <https://orcid.org/0000-0003-1172-7435>

²tgkuchina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1837-8429>

Abstract. The article analyzes Yevgeny Torchinov's novels from the point of view of their genre nature. The author himself defines them as fantasy and as detectives, referring to the postmodern genesis of his texts. The novels *The Mysterious Female*, *Apostles of the Dragon*, and *Chinese Rhapsody* can be categorized in the genre of fantasy detective, or detective fantasy, or mystic-mythological/mystic-philosophical fantasy. These books also show traits of other fantasy genre varieties – urban fantasy, heroic fantasy, sacral fantasy. In general, Torchinov used this genre as a way to express his philosophical ideas and religious insights, so in his heroic fantasy trilogy, in the system of its characters, one can find an archetypal Jungian model of the author's mind; in his urban contemporary fantasy novels, the topoi of two cultures – Russian and Chinese – and times – the present and the metaphysical – are overlapped, while the academic fantasy shows signs of a “transpersonal novel” similar to the “philological” novel. The writer places a conversation about ontological, teleological, and soteriological concepts correlating with each other in the Hindu-Buddhist and Judeo-Christian traditions inside the framework of entertaining literature – in mystical-mythological fantasy – tracing their fundamental divergence and striving to realize their synthesis. In addition, the article analyzes Evgeny Torchinov's novels in the aspect of authorial, occasional genre subtitles – transpersonal novel, alchemical novel, novel of wanderings and initiations. All these subtitles are united by the tendency to consider the life of the hero (and the author) as a path, both external and internal, that takes us beyond the limits of everyday reality. Thus, the collective occasional genre of the novels *The Mysterious Female*, *Apostles of the Dragon*, and *Chinese Rhapsody* can also be defined as “transpersonal travelogue”.

Key words: E. A. Torchinov; myth; religion; Buddhism; Judaism; transpersonalism; genre; fantasy; travelogue

For citation: Dubakov L. V., Kuchina T. G. Mytho-religious problematics, cultural and literary traditions of the West and the East in Evgeny Torchinov's novels. *World of Russian-speaking countries*. 2023; 4(18): 159-171. (In Russ). http://dx.doi.org/10.20323/2658_7866_2023_4_18_159. <https://elibrary.ru/XWLMHU>.

Введение

Евгений Алексеевич Торчинов – известный российский религиовед, синолог, буддолог, историк философии и культуры Китая [Алексеев, 2002; Чебанов, 2005; Янь Годун, 2007]. Однако в последние годы жизни он написал два романа и начал работать над третьим. Все они были изданы уже после его смерти. Сам Торчинов, с одной стороны, относился к своему художественному творчеству с иронией: «все вокруг пишут, почему бы не попробовать?» [Довженко, 2013, с. 5], с другой – судя по очевидной близости главных героев этих произведений автору и по наличию в текстах мыслей, связанных с основными направлениями его исследований, и одновременно очень личных моментов, – ему было по-настоящему важно написать эти романы.

По выражению издателя торчиновских романов Ю. С. Довженко, они оказались «в значительной степени “сыроваты”» [Довженко, 2013, с. 5]. Хотя одновременно он отмечает и достоинства Торчинова как потенциального писателя, сравнивая его, в частности, с Умберто Эко: «... умение создать незаезженный сюжет и запоминаю-

щиеся характеры героев, великолепное чувство юмора, грамотно развиваемая и нагнетаемая по ходу действия интрига» [Довженко, 2013, с. 5]. Думается, однако, что художественная конструкция романов Торчинова гораздо более сложная, чем видится вначале, особенно если оценивать их не с точки зрения восприятия массовым читателем. Об этой сложности или затягивающей «ловушечной поверхности» торчиновских произведений говорят А. И. Кобзев и Н. А. Орлова в комментарии к романам своего коллеги, обращая внимание на широкое «контекстуальное поле» его книг, на их китайские стилизации, на отсылки к восточным сюжетам, на композицию, отталкивающуюся от венка сонетов, и её рассчитанные сбои, наконец, на возможность прочтения торчиновских произведений с учётом разных смысловых пластов – текстологического, психоаналитического, архетипического, мифологического [Кобзев, Орлова, 2013, с. 498].

Результаты исследования

Сложность романов Евгения Торчинова, и первых двух – «Таинственной Самки» и «Апостолов Дракона», и незаконченной «Китайской рапсодии», начинается с

определения жанра. Сам автор говорил о следовании за постмодернистским трендом при установлении жанровой природы своих произведений. Так, в интервью о первых двух книгах сказано: «Там много умных разговоров, трансперсонализма, каббалистической и прочей мистики, элементы фэнтези и детектива. Постмодерн такой, одним словом» [Довженко, 2013, с. 5]; – в романе «Китайская рапсодия»: «В наш век постмодернизма и стирания всех и всяческих граней между виртуальным и реальным, не говоря уж о различиях между разными жанрами... <...> ...я написал нечто вроде фэнтези...» [Торчинов, 2021б, с. 183]. Ссылка на постмодернизм здесь указывает на действительно наличествующую смысловую и формальную многокомпонентность и неоднородность торчиновских текстов.

Итак, о диалогии «Таинственная Самка» и «Апостолы Дракона» и о «Китайской рапсодии» Торчинов говорил как о фэнтези. «Китайская рапсодия» не была закончена, и потому фэнтезийная составляющая романа не успела выявиться. На неё намекает разве что образ таинственного даоса-алхимика, который всё время ускользает от главного героя книги, и эпиграфы из переведённой Торчиновым китайской мистической литературы – Гэ Хуна [Гэ Хун, 1999], Сунь Чо, Тао Юаньмина [Кий, 2016, с. 826; Кий, 2004, с. 8]. Согласно классификации, предложенной Е. Афанасьевой [Афанасьева, 2009], романы Торчи-

нова можно охарактеризовать: с точки зрения сюжетно-тематической – как *мистико-мифологическое* или *мистико-философское фэнтези*; имея в виду его национальную специфику – как фэнтези, уходящее корнями в ближневосточную и дальневосточную традиции (в частности, каббалу и даосизм); с точки зрения образа времени – как фэнтези, действие которого разворачивается в пространстве городской современности; в аксиологической плоскости – как героическое фэнтези с элементами юмора; с мировоззренческой точки зрения – как *сакральное фэнтези*; с точки зрения адресата – как фэнтези академическое. Хотя многие из этих определений не безусловны и требуют уточнений и комментариев.

Так, например, обоим романам диалогии, в которую входят «Таинственная Самка» и «Апостолы Дракона», предпосылаются прологи, коротко обрисовывающие космогонический миф о расколе внутри Абсолюта и продолжающейся борьбе между Светами, осуществляющими творение, и Светами, его отвергшими. По ходу действия рассказывается также о вехах и исторических акторах этого мистического противостояния, происходящего во вселенной и на Земле. Таким образом, торчиновская диалогия содержит в себе зачатки эпического фэнтези, и при желании автора она вполне могла бы постепенно отлиться в многотомную масштабную эпопею с большим количеством

действующих лиц, локусов и даже, возможно, сражений.

Мифологическая составляющая этой диалогии соотносит два мифа – западный и восточный, что восходят к иудео-христианской и индуистско-буддийской мистико-религиозной традиции, соответственно. Миф Запада – миф о покорении женского, природного, о творении реальности, миф Востока – об отказе от мужской активности, о следовании за природой. По мысли А. И. Кобзева и Н. А. Орловой, авторское видение Торчинова этой мифологической оппозиции заключалось в попытке найти срединный, русский путь, который в идеальном выражении состоит в том, чтобы «быть медиатором между Востоком и Западом» [Кобзев, Орлова, 2013, с. 513]. Но, помимо анализа западного и восточного мировосприятий, Торчинов в диалогии поднимает вопрос о смысле творения, который увязывает с проблемой зла. Первоисточник осмысления этого центрального вопроса «Таинственной Самки» и «Апостолах Дракона» – торчиновская статья «Доктрина происхождения зла в луррианской и саббатрианской Каббале и в буддийском "Трактате о Пробуждении веры в Махаяну"» [Торчинов, 2000б]. Запад и Восток по-разному говорят о причинах и целях существования реальности. Для каббалы финал мирового процесса – это «восстановление очищенного творения в его совершенном и неоскверненном состоянии» [Торчинов, 2000б, с. 195], для индуистско-буддийской традиции – «это есть состояние уни-

чтожения самой оппозиции “субъект-объект” и исчезновение мира множественности как такового» [Торчинов, 2000б, с. 195]. В «Апостолах Дракона» Торчинов развивает эту идею, имея в виду возможность синтеза антиномий, о котором говорили «высшие буддийские тантры и дзог-чен, а отчасти и китайские школы», «учащие о сорождённости неведения и просветления, их взаимопереплетении, игре», школы, что «выходят за пределы поля учения Нетворящих Светов и приближаются к синтетической доктрине Натана из Газы» [Торчинов, 2021а, с. 75-76]. Интересна в связи с этим и не нашедшая места в научной статье, но оказавшаяся уместной в романе мысль о разном отношении к образам драконов и змей в иудаизме/христианстве и индуизме/буддизме – отрицательном и положительном, соответственно. В «Апостолах Дракона» главный герой говорит об этих двух позициях как о двух правдах и вместе с автором ищет «в своём сердце» [Кобзев, Орлова, 2013, с. 514] способ примирить их. Однако замечание алхимика Павла о продолжении существования «прекрасного и чудовищного мира» и финальное стихотворение о «майе-колдунье», что «ткёт тенёта свои» [Торчинов, 2021а, с. 177, 180], свидетельствуют в пользу выбора автором лишь одной из них. Андрей Королёв, он же Анти-Христос, из «Таинственной Самки» хочет уничтожить мир, вспоминая бунт Ивана Карамазова, Константин Ризин, протагонист, вслед за русской христианской тра-

дицией оспаривает радикализм его стремления. В «Таинственной Самке» автор рассказывает о своём онейрическом и мистическом опыте в интерлюдиях, что напоминают о жанре видений или откровений. В пятой из них присутствует пассаж, в котором говорится о шуньяте, что «скорее открытость, чем опустошённость, лишённость, недостаточность» [Торчинов, 2021б, с. 82]. Для Торчинова буддийская пустотность означает, что «мир открыт, неоднозначен, магичен» [Торчинов, 2021б, с. 82]. И хотя сам он, по замечанию Е. А. Кия, соотносил этот пассаж с распространённым в буддологии критическим подходом в интерпретации мадхьямаки [Кий, 2016, с. 817-818; Торчинов, 2000а], думается, что, как и в случае с вопросом о смысле бытия, обозначая буддийский взгляд, Торчинов смотрел на онтологическую и сотериологическую проблему, скорее, иудео-христианскими глазами: в «прозрачной ясности родных пустот» звучит «ликующее скерцо» [Торчинов, 2021б, с. 84]. Вероятно, реальность для автора, в его «буддийском тексте», философском и литературном [Бернюкевич, 2009], оказалась не за пределами порождённого невежеством дуализма бытия, а в иллюзорности сансарического многообразия.

Другой мифологический аспект указанных романов – это ироническая двуслойность (в стиле «Кентавра» Д. Апдайка) при изображении Института, в котором работает главный герой: образы его коллег – через имена или портретные чер-

ты – отсылают к различным западным и/или восточным мифам. Так, например, образ Г. Л. Тролля вызывает в памяти и существо скандинавской мифологии, и «бессмертного даоса», что «покрылся волосом от употребления эликсиров из сосновых иголок» [Торчинов, 2021б, с. 9].

Городское фэнтези Торчинова исходит из ситуации, при которой иномирная сущность из прошлого оказывается в реальности современного мегаполиса [Крымов, Михайлов, 2004, с. 28]. Действие дилогии развивается на рубеже тысячелетий, и при этом – во втором плане – романы отсылают ко внеили довременной реальности. В «Таинственной Самке», «Апостолах Дракона», «Китайской рапсодии» сквозь Петербург просвечивает китайская действительность, а сквозь Китай – северная русская столица. В Петербурге первых двух романов герои постоянно оказываются в китайских рестораниках, настойчиво обнаруживая, если не пропагандируя, восточные топосы. Петербург для автора – город контрастов, где «избыток, как ян, так и инь: лето слишком светло, знаменитые белые ночи, зимой слишком темно» [Торчинов, 2021а, с. 5]. По серому асфальту русского города «змеится позёмка» [Торчинов, 2021а, с. 33], а в небе светится созвездие Дракона (актуализация китайского символа). В Гонконге «питерская, пасмурная» [Торчинов, 2021б, с. 83] погода. Это мегаполис, напоминающий «огромный

супермаркет размером с Москву и город Александра Грина» [Торчинов, 2021б, с. 82]. В «Китайской рапсодии» герой отправляется в «Северную столицу», играя при этом смыслами: не в Петербург, а в Пекин. В китайских горах он вспоминает о морозной ленинградской и поволжской зиме. Дорогу до Наньчана сравнивает с дорогой до Выборга. Янцзы напоминает ему Волгу, в связи с чем в названии шестой главы появляется аллюзия на песню о Стеньке Разине и, возможно, на «Русскую нирвану» Бориса Гребенщикова.

Диалогия Торчинова – героическое фэнтези, но функции героя выполняет не однозначный протагонист, а его проекции-двойники. А. И. Кобзев и Н. А. Орлова отмечают, что, анализируя персонажей романа с точки зрения теории архетипов, структуру «Ризин-Ерошин-Артамонов» можно назвать «Эго-комплексом автора, Андрея Королева (земная ипостась Дракона) – Тенью, или альтер-эго, а Дракона – Самостью, глубинной энергетической сущностью, центральным архетипом» [Кобзев, Орлова, 2013, с. 510]. Важно также указать на то, что героичность героя, по мнению авторов комментария к трансперсональному роману Торчинова, то ли бессознательно, то ли сознательно умалена, скрыта. Причины этого или в уходе за границы сексуального, или в фиксации умирания как отказа от творческой энергии, или в зашифрованном, разложенном на несколько составляющих пути личной эсхатологии автора.

Согласно вышеприведённой классификации, можно говорить о том, что анализируемая диалогия, с точки зрения мировоззрения автора, это сакральное фэнтези, или конкретнее – «христианско-даосское», но думается, что точнее было бы определить его как фэнтези научное: «Я не стал просветлённым мудрецом, Буддой, риши или святым, но из меня получился <...> вполне приличный трансперсоналист и специалист по религиозным психопрактикам» [Торчинов, 2021б, с. 61].

С точки зрения адресата, о фэнтези Торчинова можно сказать как о романе, аудитория которого в задумке предполагалась сравнительно широкой, но фактически у автора получился именно «трансперсональный роман» (как, например, роман филологический). Для него также характерно «скрещивание» трансперсонализма и литературы (здесь можно, в частности, обратить внимание на светлый пушкинский фон торчиновских «петербургских текстов»), «создание атмосферы импровизации, наличие игрового начала, ироничное отношение к герою и автору, введение в основной текст произведений многочисленных отступлений, комментариев», «отголосков» религиозных дискуссий. И у такого романа, или фэнтези, конечно, по большей части именно академическая аудитория.

Торчинов говорил о своих романах также как о детективах. Элементы жанра мистического детектива, или «дела о хищении психоделика» [Торчинов, 2021б, с. 109] (отсылка к

серии романов «Дело о...» И. А. Алимова и В. М. Рыбакова; откуда, возможно, и образ кота Отто), в дилогии, конечно, присутствуют. В «Китайской рапсодии» есть намёк на детективы Роберта ван Гулика (опять же отсылка к «Евразийской симфонии»). Однако детективная интрига в них слабая, потому что, во-первых, она очевидная, и потому что, во-вторых, больший интерес вызывает у Торчинова именно мистика, которая не то что «способствует нарастанию напряжения» [Жиркова, 2018, с. 64], но фактически является основой торчиновских книг. В большинстве случаев в этом жанре мистика должна получить «реалистическое и логическое объяснение» [Жиркова, 2018, с. 64], но романы Торчинова принимают мистику как психическую данность и никаких иных объяснений не предполагают.

Однако определение жанровой природы торчиновских романов через им же заявленные, но всё же не исчерпывающие сложность разбираемых произведений жанры фэнтези и детектива, или детективного фэнтези, или фэнтезийного детектива, или даже мистико-философского фэнтези, хотя и возможно, но не представляется однозначно правильным. Авторская апелляция к постмодернистской стратегии и жанры фэнтези и детектива видятся не более чем оболочкой или даже маскировкой.

Важно, что все романы Торчинова имеют свой авторский жанровый подзаголовок. «Таинственная Самка» – это «Трансперсональный

роман», «Апостолы Дракона» – «Алхимический роман», «Китайская рапсодия» – «Роман странствий и инициаций». Причём каждый из этих подзаголовков может быть приложен в той или иной степени к любому его роману.

«Трансперсональный роман» и «алхимический роман» – жанры очевидно окказиональные, оригинальные. «Алхимический роман» – это роман о внешней и внутренней алхимии. *Первой разновидности алхимии*, прежде всего, посвящены книги «Апостолы Дракона» и «Китайская рапсодия», где алхимическая тема прямо заявлена и вплетена в сюжет. *Второй разновидности – каждый из романов*, поскольку во всех них происходит сознательная духовная трансформация главного героя. Подзаголовок «алхимический роман» содержит, кроме того, иронию. Павел Артамонов в «Апостолах Дракона» собирается жениться на Татьяне, которая выступала в качестве алхимического сосуда для рождения Дракона, и шутит в связи с этим про «алхимическую свадьбу», что в таком случае совершится буквально. Наконец, «алхимический роман» указывает на полижанровый характер «Апостолов Дракона», равно как, впрочем, в данном смысле этот подзаголовок можно приложить и к двум другим торчиновским книгам.

Определение «трансперсональный» не только указывает на жанр романа, подобного филологическому, но, в первую очередь, заставляя

ет вспомнить о сфере научных интересов Евгения Торчинова и о его способе смотра на религиозную проблематику [Торчинов, 1997]. И действительно, в «Таинственной Самке» «много <...> трансперсонализма» в виде разговоров о нём в узком институтском кругу, в котором вращается герой, и в широком мире – на конференции в Гонконге, куда он отправляется в начале книги. «Трансперсональный» означает выходящий за пределы человеческого «я» с его привычными ощущениями бытийных, пространственно-временных, социальных и прочих границ. «Таинственная Самка», как и «Апостолы Дракона» и «Китайская рапсодия», в этом смысле оказывается романом о путешествии героя (и, возможно, автора) не только по современным ему Петербургу и Китаю, но и «записью трансперсональных переживаний, путевым дневником архетипического путешествия» [Кобзев, Орлова, 2013, с. 516].

Обе заявленные автором жанровые составляющие «Китайской рапсодии», в отличие от двух других романов, могут быть рассмотрены во взаимосвязи с жанровым канонам: «роман странствий» соотносится с романом-путешествием, или травелогом; в качестве примера или даже прецедента обращения к жанру «романа инициаций» может быть назван роман Густава Майринка «Ангел Западного окна» (эту книгу в связи с «Таинственной Самкой» вспоминают А. И. Кобзев и Н. А. Орлова;

говорит о ней и сам Торчинов, размышляя о сути философского камня алхимиков).

В подзаголовке «роман странствий», помимо мотива путешествия, слышится слово «страна», и действительно, заметную роль в книге играет описание рек, гор и городов Китая. Торчинов рассказывает о своём реальном опыте путешествия по этой культуре как и в романе «Таинственная Самка», героем которого оказывается на конференции в Гонконге. Но, конечно, как и «Таинственная Самка», чьё название отсылает к образу Дао, и как «Апостолы Дракона», в названии которого упоминается звериный образ-символ мистического Нетворящего Света, «Китайская рапсодия» – это роман о «magical mystery tour» [Торчинов, 2021a, с. 152].

«Таинственная Самка» предвзрета эпитафией из «Дао дэ цзин», в котором Таинственная Самка, или Дао, именуется «бессмертным духом долины» [Торчинов, 2021b, с. 3], и эта «долина» с самого начала книги задаёт пространственное измерение физического и психического мира, по которым предпринимает «магическое волшебное», или «окультурное» [Торчинов, 2021a, с. 132], путешествие герой произведения и его автор. Романы Торчинова – это рассказы о реальном и одновременно вымышленном путешествии, или, точнее, о внешнем и внутреннем путешествии. Автор, упоминая кундалини-йогу, говорит о «картографии сознания»

[Торчинова 2021б, с. 38], а в «самом важном», контролируемом в лабораторных условиях психоделическом трипе «Таинственной Самки» – о мифо-мистическом образе земной географии, где «японские острова подобны кусочкам затвердевшей смолы, упавшей в море с копья бога-прародителя», и где в бездне Марианской впадины пребывает «Враг», «ненавидящий всё живое» [Торчинов, 2021б, с. 136].

Заключение

Таким образом, при возможных определениях жанра торчиновских романов как разного рода фэнтези или детектива, или, например, как «академического экшена» или даже готического романа (подобного «Дракуле» Б. Стокера), что развёртывается в пространстве Института трансперсональной психологии и горных территорий Поднебесной, по нашему мнению, всё же их правильнее воспринимать как травело-

ги или, точнее, трансперсональные травелоги. «Таинственная Самка», «Апостолы Дракона» и «Китайская рапсодия» – это романы о путешествии по России и по Китаю и, главное, о путешествии героя в «мир изменённых состояний сознания» [Русаков, 2013, с. 304].

«Травелог принципиально архетипичен» [Русаков, 2013, с. 305], в случае же с романами трансперсоналиста Торчинова эта архетипичность (в том числе в юнгианском смысле) тем более очевидна. Как очевиден и талант их автора, нашедшего оригинальные, окказиональные жанровые формы для воплощения своих научных идей и мистических интуиций об онтологическом и сотериологическом аспектах соотношения ключевых мифов Запада и Востока и для рассказа о своём трансперсональном духовном пути.

Библиографический список

1. Алексеев П. В. Торчинов Евгений Алексеевич // Алексеев П. В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии. Идеи. Труды. 4-е изд., перераб. и доп. Москва, 2002. С. 943.
2. Афанасьева Е. Жанр фэнтези: проблема классификации / Е. Афанасьева // Фантастика и технологии (памяти Станислава Лема): сборник материалов Международной научной конференции, Самара, 29–31 марта 2007 года. Самара : Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 2009. С. 86 – 93.
3. Бернюкевич Т. В. Буддизм в российской философской культуре. «Чужое» и «свое». Москва : Книжный дом «Либроком», 2009. 160 с.
4. Гэ Хун. Баопу-цзы / Предисл., пер. с кит., коммент. Е. А. Торчинов. Санкт-Петербург : Петербургское Востоковедение, 1999. 384 с.
5. Довженко Ю. С. «Академический экшен» Евгения Торчинова // Торчинов Е. А. Таинственная самка. Трансперсональный роман. Санкт-Петербург, 2013. С. 5–12.
6. Жиркова М. А. Жанровые разновидности детектива (опыт словаря) // Art Logos. 2018. №2 (4). С. 58 – 69.

7. Кий Е. А. Аннотированный список публикаций о Е. А. Торчинове // Общество и государство в Китае. 2014. №1. С. 582 – 587.
8. Кий Е. А. О научном наследии Е. А. Торчинова // Первые Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. 20–21 февраля 2004 г. Санкт-Петербург, 2004. Санкт-Петербург : изд-во С.-Петербургского ун-та, 2004. С. 7–14.
9. Кий Е. А. Послесловие к романам Е. А. Торчинова // Архив российской китаистики / Сост. А. И. Кобзев; отв. ред. С. Д. Дмитриев. Москва : Институт востоковедения РАН, 2016. Т. IV. С. 815 – 829.
10. Кобзев А. И., Орлова Н. А. В поисках Таинственной Самки: Комментарии к трансперсональному роману Евгения Торчинова в память о 10-летию его безвременной кончины // Архив российской китаистики. Т. II. М., 2013. С. 497 – 517.
11. Крымов А., Михайлов А. Жанры. Городская фантастика. Сумерки большого города. Городская фантастика и фэнтези // Мир фантастики. Ноябрь 2004. № 15. С. 28 – 29.
12. Лу Куань юй. Даосская йога, алхимия и бессмертие / Предисл., пер. с англ., прим. Е. А. Торчинов. Санкт-Петербург : Орис, 1993. 368 с.
13. Русаков В. М. Многообразие видов и жанров травелога // Дискурс-Пи. 2013. №1-2. С. 304 – 306.
14. Торчинов Е. А. Классическая буддийская философия: Мадхьямика (Шуньявада) // Введение в буддологию. Курс лекций. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2000а. 304 с.
15. Торчинов Е. А. Доктрина происхождения зла в лурианской и саббатанской Каббале и в буддийском «Трактате о Пробуждении веры в Махаяну» // Kabbalah: Journal for the Study of Jewish Mystical Texts. Ed. by D. Abrahams and A. Elqayam. Vol. 5, 2000б, p. 183 – 198.
16. Торчинов Е. А. Путь дракона. Москва : Т8, 2021а. 271 с.
17. Торчинов Е. А. Путь самки. Москва : Т8, 2021б. 255 с.
18. Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного (трансперсональные состояния и психотехника). Санкт-Петербург : Центр «Петербургское востоковедение», 1997. 384 с.
19. Чебанов С. В. Интерперсональные, интердисциплинарные и интеркультурные инварианты в тридцатилетних беседах с Е. А. Торчиновым // Вторые Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. Санкт-Петербург, 17-19 февраля 2005 г. Санкт-Петербург, 2005. С. 12–15.
20. Янь Годун (阎国栋). Элосы ханьсюэ саньбай нянь (300 лет российскому китаеведению). Пекин, 2007. С. 188-190. Кит. яз. (列国汉学史书系 Sinological History Series).

Reference list

1. Alekseev P. V. Torchinov Evgenij Alekseevich = Torchinov Evgeny Alekseevich // Alekseev P. V. Filosofy Rossii XIX–XX stoletij. Biografii. Idei. Trudy. 4-e izd., pererab. i dop. Moskva, 2002. S. 943.
2. Afanas'eva E. Zhanr fjentezi: problema klassifikacii = The genre of fantasy: classification problem // Fantastika i tehnologii (pamjati Stanislava Lema) : sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Samara, 29–31 marta 2007 goda.

Samara : Samarskij nacional'nyj issledovatel'skij universitet imeni akademika S. P. Koroleva, 2009. S. 86–93.

3. Bernjukevich T. V. Buddizm v rossijskoj filosofskoj kul'ture. "Chuzhoe" i "svojo" = Buddhism in Russian philosophical culture. "Alien" and "own". Moskva : Knizhnyj dom «Librokom», 2009. 160 s.

4. Gje Hun. Baopu-czy = Baopuzi / Predisl., per. s kit., komment. E. A. Torchinov. Sankt-Peterburg : Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 384 s.

5. Dovzhenko Ju. S. «Akademicheskij jekshen» Evgenija Torchinova Evgeny Torchinov's "academic action" // Torchinov E.A. Tainstvennaja samka. Transpersonal'nyj roman. Sankt-Peterburg, 2013. S. 5–12.

6. Zhirkova M. A. Zhanrovyje raznovidnosti detektiva (opyt slovarja) = Genre varieties of the detective (dictionary experience) // Art Logos. 2018. №2 (4). S. 58 – 69.

7. Kij E. A. Annotirovannyj spisok publikacij o E. A. Torchinove = Annotated list of publications about E. A. Torchinov // Obshestvo i gosudarstvo v Kitae. 2014. №1. S. 582–587.

8. Kij E. A. O nauchnom nasledii E. A. Torchinova = On E.A. Torchinov's scientific legacy // Pervye Torchinovskie chtenija. Religiovedenie i vostokovedenie: Materialy nauchnoj konferencii. 20–21 fevralja 2004 g. Sankt-Peterburg, 2004. Sankt-Peterburg : izd-vo S.-Peterburgskogo un-ta, 2004. S. 7–14.

9. Kij E. A. Posleslovie k romanam E. A. Torchinova = Afterword to E. A. Torchinov's novels // Arhiv rossijskoj kitaistiki / Sost. A. I. Kobzev; otv. red. S. D. Dmitriev. Moskva : Institut vostokovedenija RAN, 2016. T. IV. S. 815–829.

10. Kobzev A. I., Orlova N. A. V poiskah Tainstvennoj Samki: Kommentarii k transpersonal'nomu romanu Evgenija Torchinova v pamjat' o 10-letii ego bezvremennoj konchiny = In Search of the Mysterious Female: Comments on Evgeny Torchinov's transpersonal novel to commemorate the 10th anniversary of his untimely death // Arhiv rossijskoj kitaistiki. T. II. Moskva, 2013. S. 497 – 517.

11. Krymov A., Mihajlov A. Zhanry. Gorodskaja fantastika. Sumerki bol'shogo goroda. Gorodskaja fantastika i fjentezi = Genres. Urban Fiction. Twilight of the big city. Urban fiction and fantasy // Mir fantastiki. Nojabr' 2004. № 15. S. 28 – 29.

12. Lu Kuan' juj. Daoskaja joga, alhimija i bessmertie = Taoist yoga, alchemy and immortality / Predisl., per. s angl., prim. E. A. Torchinov. Sankt-Peterburg : Oris, 1993. 368 s.

13. Rusakov V. M. Mnogoobrazie vidov i zhanrov traveloga = Various types and genres of the travelogue // Diskurs-Pi. 2013. №1-2. S. 304 – 306.

14. Torchinov E. A. Klassicheskaja buddijskaja filosofija: Madh'jamika (Shun'java-da) = Classical Buddhist philosophy: Madhyamika (Shunyavada) // Vvedenie v buddologiju. Kurs lekcij. Sankt-Peterburg : Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshestvo, 2000a. 304 s.

15. Torchinov E. A. Doktrina proishozhdenija zla v lurianskoj i sabbatianskoj Kabbale i v buddijskom «Traktate o Probuzhdenii very v Mahajanu» = The origin of evil doctrine in the Lurianic and Sabbatian Kabbalah and in the Buddhist Treatise on the Awakening of Faith in the Mahayana // Kabbalah: Journal for the Study of Jewish Mystical Texts. Ed. by D. Abrahams and A. Elqayam. Vol. 5, 2000b, p. 183 – 198.

16. Torchinov E. A. Put' drakona = Dragon's way. Moskva : T8, 2021a. 271 s.

17. Torchinov E. A. Put' samki. = Female's way. Moskva : T8, 2021b. 255 s.
18. Torchinov E. A. Religii mira. Opyt zapredel'nogo (transpersonal'nye sostojani-ja i psihotehnika) = World Religions. Experiencing the transcendent (transpersonal states and psychotechniques). Sankt-Peterburg : Centr «Peterburgskoe vostokovedenie», 1997. 384 s.
19. Chebanov S. V. Interpersonal'nye, interdisciplinarnye i interkul'turnye invari-anty v tridcatiletnih besedah s E. A. Torchinovym = Interpersonal, interdisciplinary and intercultural invariants in the thirty-year conversations with E. A. Torchinov // Vtorye Torchinovskie chtenija. Religiovedenie i vostokovedenie: Materialy nauchnoj konferencii. Sankt-Peterburg, 17-19 fevralja 2005 g. Sankt-Peterburg, 2005. S. 12 – 15.
20. Jan' Go-dun (阎国栋). Jelosy han'sjuje san'baj njan' (300 let rossijskomu ki-taevedeniju) = Elosi hanxue sanbay nian (300 years of Russian Chinese studies). Pekin, 2007. S. 188-190. Kit. jaz. (列国汉学史书系 Sinological History Series).

Статья поступила в редакцию 26.09.2023; одобрена после рецензирования 16.10.2023; принята к публикации 28.11.2023.
The article was submitted on 26.09.2023; approved after reviewing 16.10.2023; accepted for publication on 28.11.2023

Мир русскоговорящих стран

俄语国家评论

World of Russian-speaking countries

Научный журнал

2023 – № 4 (18)

Главный редактор Е. М. Болдырева

Шеф-редактор Се Чжоу

Ответственный редактор С. А. Сосновцева

Макет и литературная редакция – К. С. Лапшина

Текст на иностранном языке печатается в авторской редакции

Переводы на английский язык – М. Р. Кофанова

Объем 21,5 п. л., 10,6 уч.-изд. л. Формат 70×100/16.

Заказ № 197. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 26.12.2023

Цена свободная

Издатель

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К. Д. Ушинского»

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1.

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский государственный
педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии: 150000, г. Ярославль, Которосльская наб., 44